

(((СОНАР)))

№ 17, 2025 г.

Хайфа, Израиль

Редколлегия журнала ((СОНАР)))

Марина Симкина

Анжела Беленко

Ирина Л. Лир

Анатолий Анимица

Ольга Логош

Приглашаются
редакторы,
художники,
дизайнеры, а
также корректоры
и другие
сотрудники
редакции

Электронная почта редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net> <http://geotar.com/sonar>

📺 **Сонар аудио и видео** записи к публикуемым в журнале материалам.

Ссылки на аудио и видеозаписи ко всем выпускам журнала организованы в папки по номерам.

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

На 1 стр. обложки – Ленинград, 9 мая 1945 года. Люди на площади слушают сообщение о капитуляции фашистской Германии.

На 4 стр. обложки – монумент «Журавли» в Красноярске в память о погибших в Великой Отечественной войне воинах-сибиряках.

Выпускающий редактор: М. Симкина

Оглавление

От редакторов	5
Леонид Диневич. Военные дороги капитана Диневича	6
Эдвард Ковалерчук. Ковалерчук Ефим Семёнович, мой отец	10
Рав Эли Тальберг. Мой Бабий Яр	13
Катерина Койфман-Брехман. Из воспоминаний	17
Григорий Брехман. Из воспоминаний	18
Александр Вильшанский. Из небольших рассказов отца	20
Паулина Чечельницкая. Главы из повести «История моей семьи»	25
Додо Чиквашвили. Женское лицо великой войны	33
Аврум Шарнопольский. О чем не принято говорить	42
Ян Бруштейн. Война одной семьи	47
Эли Бар-Яалом. О той войне	54
Дмитрий Северюхин. Дневник ленинградского подростка. 1941 год	60
Моисей Борисович Язмир. О пережитом	69
Татьяна Белобородько. Письмо в Березовку	76
Борис Полищук. Сын доктора	80
Соломон Левин. Три Сони	98
Израиль Райхман. Ридикюль	100
Иосиф Райхман. История бабушки Голды	106

Наталья Кац-Дербинская. Мои родные	109
Виктор Немировский. Отец не хотел, чтобы я это знал	112
Изабелла Масовер. Судьба моего отца	114
Мария Фердман. Розочка	117
Лариса Маламуд. Я построю вам дом	118
Вера Кириченко. Два рассказа	125
Ефим Богомольный. Послевоенное детство	130
Светлана Книжник. Выпускникам 1941 года	134
Семён Гендель. Пистолет	136
Феликс Куперман. Герой	140
Лариса Мангупли. Голоса детства	142
Семен Златин. Как я купил буханку хлеба	146
Дмитрий Виноград. Тётя Феня	149
Ирина Л. Лир. Военврач Борис Шмуклер, Курорт «Боровое»	153
Анжела Беленко. Одесса – война и после	163
Марина Симкина. Серые тетушки	168

От редакторов

Ирина Л. Лир

Шестая из десяти библейских заповедей гласит «не убий». Русскому «убить» в иврите соответствуют два принципиально разных по смыслу глагола: *лирцоах* и *лаһарог*. *Лирцоах* означает злонамеренно убить невинную жертву из ненависти или корысти. Заповедь из еврейской Торы и христианской Библии налагает запрет именно на такое убийство. *Лаһарог* это тоже заповедь из Торы. Это обязанность убить потенциального убийцу, чтобы вовремя остановить его и защитить жизни невинных.

Война требует от думающего человека понять себя и сделать осознанный выбор – кто он. *Роцеах* или *орег*?

Марина Симкина

Война – это прежде всего беда. Где бы она ни застала своих участников, и куда бы их ни забросила.

В нашем – большей частью документальном – выпуске прослеживается вовлеченность в эту беду всех и каждого. Многие из нас, ныне живущих, донашивают имена близких, убитых той войной. Кого именно – мы, как правило, знаем. А любования отсветами войны здесь нет. Наоборот, во многих воспоминаниях встречается фраза: «Отец не хотел ничего рассказывать»...

Анжела Беленко

Я – из послевоенного поколения, но и меня коснулась война. Она катком прошлась по моей семье, оставив горечь и боль. Скупые рассказы моих родных не в силах передать их страдание, но заставляют помнить.

Этот номер журнала собирался долго, с бережным отношением к памяти тех, кто уже ушёл. Отличительная особенность номера – минимальная правка авторских материалов, с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации везде, где это возможно.

Леонид Диневи́ч¹. Военные дороги капитана Диневи́ча. О «сибирских» дивизиях²

Я, Диневи́ч Леонид Абрамови́ч, родился 11 июня 1941 года в селе Оноры Кировского района Сахалинской области, в семье капитана Абрама Самойловича Диневи́ча, служившего в 165 стрелковом полку 79 стрелковой дивизии, дислоцированной перед войной на Сахалине.. Вскоре после начала войны части дивизии, а вместе с ними и семьи офицеров, были переведены с Сахалина в расположение военного гарнизона близ станции Зима Иркутской области.

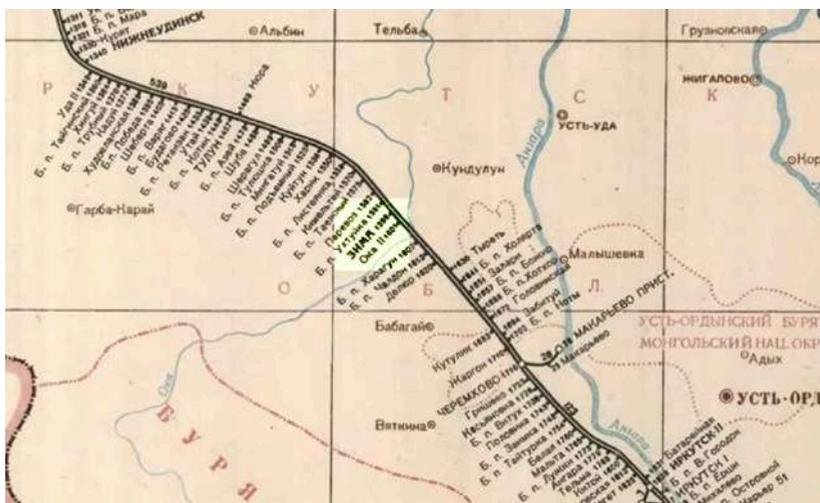

Рис. 1. Станция Зима, 250 км к западу от Иркутска и 4900 км от Москвы³

Квантунская армия Японии в 1941 году стояла в Маньчжурии в полной боевой готовности, и Япония ждала лишь исхода тяжёлых боевых действий Красной армии на западном фронте для принятия решения о начале войны с СССР. Войны с Японией тогда удалось избежать, не в последнюю очередь – благодаря решительным действиям командующего Дальневосточным фронтом генерала Иосифа Родионовича Апанасенко.

¹ Л. А. Диневи́ч – доктор физико-математических наук, профессор, генерал-лейтенант, в свое время руководитель крупнейшей в мире гидрометслужбы активных воздействий на погоду. Живет в Израиле.

² По мотивам книги Леонида Диневи́ча «Дорога длиною в жизнь. Том 1» https://ridero.ru/books/doroga_dlinoyu_v_zhizn_1/

³ Карта дана по <https://transsib.ru/retro/ob-intensivnosti-perebroski-vojsk/>.

Отсюда, со станции Зима, мой папа, капитан Абрам Самойлович Диневи́ч, осенью 1941 года сопровождал на западный фронт, под Москву, эшелоны с так называемыми «сибирскими» дивизиями, на самом деле - дивизиями Дальневосточного фронта, в том числе – его 79 стрелковой дивизии. Генерал Апанасенко⁴ – полководец, который совершил стратегический подвиг военачальника, составивший фундамент первых больших побед Красной армии над гитлеровской Германией. Подвиг генерала состоял, во-первых, в том, что он решительно, за 150 дней (5 месяцев), построил автомобильную дорогу вдоль Транссибирской магистрали, обеспечив устойчивость железнодорожного сообщения даже в случае возможной диверсии Японии на мостах и тоннелях магистрали, а также в формировании упомянутых выше дальневосточных дивизий, с одновременным формированием таких же новых дивизий со старыми номерами, сбивавшими с толку японскую и германскую разведку, одновременно и удержав Японию от нападения на Советский Союз, и усилив фронт под Москвой, фактически обеспечив благодаря этим дивизиям первую крупную победу над войсками фашистской Германии в Великой отечественной войне.

Так, под командованием генерала Апанасенко, начались военные дороги капитана, затем майора и подполковника Абрама Самойловича Диневи́ча.

Очень жаль, что родители мало рассказывали нам об этих событиях. Кое-что удалось найти в данных, оцифрованных и представленных на сайте «Память народа»⁵:

Диневи́ч Абрам Самойлович, Учетно-послужная картотека.

Дата рождения: 10.06.1914. Место рождения: Украинская ССР, Херсонская обл. Дата поступления на службу: 05.11.1935. Воинское звание: майор. Воинская часть: 4 отдельный стрелковый батальон, 165 сп, 79 сд, оск (Особый стрелковый корпус) с 21.06.1940 по 10.07.1943, далее 56 ск, в составе 16 армии с 01.08.1943 по 03.09.1945, сформированной из оск ДВФ (Дальневосточный фронт)... Дата окончания службы: 09.07.1959 в звании подполковника, в 45 лет (24 года службы).

⁴ В моей книге фамилия генерала указывается как Опанасенко. Так произносил ее отец, на южнорусский или украинский манер. Быть может, он ее именно так слышал тогда, в 1941 году...

⁵ Сайт <https://pamyat-naroda.ru/>

Награды:

Медаль «За боевые заслуги»	06.05.1945
Медаль «За победу над Японией»	30.09.1945
Орден Отечественной войны II степени (2)	02.09.1945, 06.04.1985
Орден Красной Звезды	15.11.1950
Орден Красного Знамени	30.04.1954

Выписка из наградного листа 1945 года:

Награжден орд. Отеч. войн. II ст. Пр. 16 ар. № 08/н 45 г. (Подписи).

Фамилия, имя, отчество

Диневич Абрам Самойлович

Военное звание, должность, часть, соединение, армия **Капитан, зам. командира 4-го отдельного стрелкового бат-на 113 Отдел.Стрел. бригады 16 армии Дальневосточного фронта.**

...

5. Участие в боях (где и когда) Освобождение Южной Части Острова Сахалин с 20 Августа.

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Участвуя⁶ в боях за освобождение Южной части о. Сахалина от японских захватчиков с 20 Августа 1945 года проявил себя мужественным, волевым офицером. При высадке морского десанта в порт Маоко⁷ т. Диневич был назначен командиром передового отряда. С этим отрядом он первым вступил на берег порта Маоко. Личным примером храбрости и героизма увлекал вперед за собой бойцов десантной группы. Благодаря правильной организации взаимодействия внутри десантной группы и умелому руководству со стороны кна Диневича, передовому отряду удалось быстро захватить южную часть порта и города Маоко, чем обеспечил беспрепятственную высадку остальных эшелонов десанта. В последующих боях за высоту прикрывающую ж.д. линию, непосредственно руководил боем подразделений, принимая тактически грамотные решения, и настойчиво проводил их в жизнь. ...

За личную храбрость и мужество, умелое и инициативное руководство подразделением достоин награждения правительственной наградой «Орден Красного знамени».

25. августа 1945 года, подпись командира 4 отдельного стрелкового батальона.

⁶ Так в документе.

⁷ https://ru.wikipedia.org/wiki/Десант_в_порт_Маока

Эдвард Ковалерчук⁸. Ковалерчук Ефим Семёнович, мой отец⁹

Мой отец Ковалерчук Ефим Семёнович родился в 1906 году. Служил во флоте с 1928 года: начинал на Черноморском флоте краснофлотцем-сигнальщиком, затем продолжал службу на Северном флоте на катерах-охотниках Севморпогранохраны.

К началу Великой Отечественной войны в звании капитан-лейтенанта был офицером отдела печати Политуправления Балтийского флота. Весь период блокады был в Ленинграде, постоянно выезжая при этом на передовую линию обороны для выполнения журналистских заданий. **Участвовал в прорыве и полном снятии блокады, а затем в ряде наступательных операций в составе боевых частей флота и сухопутных войск в Прибалтике, Восточной Померании и Восточной Пруссии.**

Награждён: орденом Красного Знамени, двумя орденами Красная Звезда, орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией» и другими.

⁸ Эдвард Ковалерчук – инженер по радиосвязи. Закончил Военную академию связи в Ленинграде в 1968 году. Женат. Трое детей, шестеро внуков. Пенсионер, трудовой стаж 60 лет. Живет в Германии.

⁹ Печатается по <https://www.kruginteresov.com/200417efkov309.html>

Один из двух орденов Красная Звезда был наградой за участие в штурме крепости Пиллау.

В наградном листе, в частности, написано: «В десантной операции 26 апреля 1945 года высаживался на косу Фриш-Нерунг вместе с первым эшелонем, первым выбросился с катера в воду, увлекая своим примером гвардейцев полка подполковника Козлова, впервые участвовавших в десанте. На берегу шёл вместе с боевыми порядками и участвовал в отражении ожесточённых атак противника, рвавшегося к командному пункту отряда. Из своего личного оружия уничтожил 4-х солдат и офицеров противника».

В скупых словах наградного листа: «...первым выбросился с катера в воду, увлекая своим примером гвардейцев полка..., впервые участвовавших в десанте» кроются обстоятельства, которые, как говорится, «леденят душу», но не в переносном, а самом буквальном смысле слова, если представить себе температуру балтийской воды в апреле. А то, что гвардейцы впервые участвовали в десанте, фактически означало, что это были свежие резервы, сформированные из только что призванных, ещё не обученных и не обстрелянных ребят последнего призыва, многие из которых не умели плавать. Но не это главное. Главное состоит в том, что из сильно укреплённой крепости Пиллау, где было сконцентрировано большое количество войск из окружённой Земландской группировки противника, вёлся шквальный огонь по наступающим советским войскам, в том числе по десантирующимся с катеров и барж солдатам и матросам, которым приходилось наступать по пояс, по грудь в ледяной воде. Спасительными казались только стены крепости, под которыми оставались менее простреливаемые сектора. Но предстояло ещё штурмовать саму крепость и затем вести внутри неё уличные бои. В результате этих кровопролитных боёв на шестые сутки операции крепость Пиллау пала под натиском войск 11-й гвардейской армии под командованием генерала Галицкого совместно с силами морского десанта контр-адмирала Фельдмана. После окончания войны мой отец продолжал служить в войсковых частях Балтийского флота. Службу он закончил в 1954 году в звании капитана 2 ранга. В мирное время дожил до 1977 года.

Капитан 3 ранга Ковалевский все подпольно-подпольный
наход к организации находом в бригаде и в составе
полковника полковника в организации партизанской
— полковника? работы в особом виде в организации
полковника полковника М. Ковалевский, работы
неосредственно в составе где не имеет дела партизанской
организации организационно боевые работы.
В десантной организации 26 апреля 1945 года высочайшим

на кося Франк-Нурдун вместе с 1-м полком,
издали восточнее в составе в виду успеха дела
примерно сдерживать линия подпольно-подпольная Ковалевский,
высочайшим организационно в десанте.
На берегу реки вместе с боевыми подразделениями
и участвовал в отражении окрестностей реки
и, отбиваясь, рывками к командному пункту отряда.
Из своего личного оружия уничтожил 4 солдат и
орудия противника.
После окончания в составе группы боевиков
высочайшим полковника полковника боевого мотка с истреблением
состав десантников в морской пехоте в Камбодже.

Фрагмент наградного листа

Рав Эли Тальберг¹⁰. Мой Бабий Яр

В десятый день месяца тишрей по еврейскому календарю у евреев наступает самый важный из отмечаемых дней – Йом-Кипур, день искупления как для живых, так и для мертвых. В 1941 году за два дня до Йом-Кипура, восьмого тишрея, начались массовые расстрелы евреев в Бабьем Яру в Киеве. Я родился и вырос в Киеве на Подоле уже после войны и хочу поделиться своими детскими воспоминаниями. А потом прочтем молитву.

Дом, в котором дедушка получил квартиру, был домом водников, т. е. работников речного хозяйства. Мы были в нем единственной еврейской семьей. На идише дедушка с бабушкой говорили чуть-чуть, тихо и между собой. Если спросить, знаю ли я идиш, то я его не знаю. Ну, знаю набор слов, и, конечно же, большая часть этого набора – ругательства. Почему я не знаю идиш? Потому что в квартире напротив нашей, на той же лестничной клетке, жила семья поляков по фамилии Зимбицкие. Они знали идиш, они выросли в еврейском квартале, и из-за них бабушка и дедушка не могли говорить на идише вслух, потому что те будут понимать, о чем они говорят.

Отношения с соседями были вроде хорошие, полудружеские, здоровались все очень культурно. Помню как-то уже ближе ко времени перестройки, какие-нибудь там 85 плюс-минус, соседка вышла улицу в пальто с каракулевым воротником. Было уже ближе к зиме. Бабушка стояла у окна, мы жили на втором этаже, и ее начало трясти.

Я говорю: «Что случилось?»

Она говорит: «Посмотри на это пальто».

Я говорю: «Ну, пальто, старое пальто. Старого покроя».

Бабушка говорит: «Она никогда это пальто не надевала раньше. Это еврейское пальто. Это когда евреев уводили в Бабий Яр, гнали, то эти ходили по квартирам и собирали еврейское имущество».

Понимаете, если бы это было ее пальто, мы бы его видели. За 30 лет жизни в одном доме, квартира напротив квартиры, вещи друг друга были известны. Но если она спустя 45 лет после тех событий вдруг надевает пальто довоенного покроя, 30-40-х годов, то это еврейское пальто. Это

¹⁰ Рав Эли Тальберг – глава еврейской общины «Ницоц-Маханаим» в городе Кармиэль, Израиль и директор Израильского института психосоматики (<https://www.iips-cure.org>).

значит, что раньше она боялась надевать его, чтобы бабушка не узнала в нем еврейское пальто.

Как я говорил, мы жили на Подоле напротив речного вокзала в доме водников, кто знает Киев. Наши окна были самыми крайними во дворе. Из нашего крайнего окна спальни были видны только гаражи внизу. Люди, которые шли в подъезд, даже не видели, что там в этом окне. Угол был не такой, чтобы можно было увидеть больше, чем максимум свет в окне. Когда я начал зажигать ханукальные свечи, я был полный сил, я сказал, что ханукальные свечи с этого года мы будем зажигать на окне как положено по-еврейски. То есть мы зажигали их раньше тоже, но так аккуратненько, тихо на кухне при закрытых шторах. А я поставил в спальне на окне. Самое дальнее окно двора, но бабушка все равно умоляла убрать их с окна, потому что она боялась, что соседи увидят. Я стоял возле этих свечей, защищал их от бабушки. У нее поднялось давление, гипертонический криз. А ведь это было уже перестроечное время.

И тем не менее каждый год 29 сентября мы всей семьей или не всей семьей шли пешком от завода Артема к Бабьему яру. Мы тогда не знали, где именно был этот массовый расстрел. Мы шли к тому знаменитому памятнику ста тысячам советских граждан. Мы шли в любую погоду при любой власти. О том, что это такое-то число (8-е тишрея) по еврейскому календарю, я тогда не знал. Я посчитал, посмотрел это всего несколько лет назад.

Еще одно воспоминание из детства, тоже перестроечного периода. Кто помнит, тогда поднялся национализм и антисемитизм. И на том же Подоле, где я вырос, появлялись какие-то личности, совсем не местные. Они ловили первого попавшегося и экзаменовали по украинскому языку. То есть понятно, взрослых не ловили. Молодежь. Чтобы не стыдно было побить.

Я как-то возвращался домой под вечер и проходил мимо Клуба пиццевиков. Я там когда-то занимался в секции фехтования. Вокруг абсолютно никого не было и висела вывеска «Выставка картин еврейских художников» или «Еврейская тематика». Как-то так. Я не помню сейчас точно, как называлась эта выставка. Я зашел в зал с картинами и удивился что нет ни охранника, ни вахтера. И людей не было. Никого не было. Ну я начал ходить и смотреть картины. Ну, конечно же, старый еврей в таласе, еврейские глаза, в общем, все самое-самое такое

традиционное. Не помню, чтобы что-то такое было удивляющее. Ну, Стена плача. Но тематика картин была все же еврейская.

И вот тут я издали вижу одну картину. На ней изображен Андреевский спуск – это от Андреевской церкви такой выложенный крупным камнем спуск на Подол. От меня, от моего дома, где я жил, до этого Андреевского спуска, ну, 10 минут пешком. Я зимой там на санках с него спускался. И тут на картине вижу: вот эта мостовая, тускло горят фонари. Что в этой картине еврейского? Где здесь еврейская тематика? Меня это так возмутило. Думаю, наверное, на еврейскую тему картин не хватало, так уже решили еще что-то повесить. Я даже специально приблизился, чтобы прочесть название картины и имя художника. Имя не запомнил, но врезалось название картины. А название было «Андреевский спуск – утро перед Бабыим Яром».

И тогда, глядя на вот эту мостовую, которую я знал с детства, и знал, где какой камень провалился, а где ровно, я вдруг перед своими глазами увидел, как евреи разного возраста с вещами идут толпой. Их гонят аккуратненько с Подола по Андреевскому спуску вверх в сторону Бабьего Яра.

Это было мое первое знакомство с искусством. Я до этого видел произведения искусства, но я не понимал, что такое искусство. Искусство – это не то, что тебе показывают, а это то, что происходит у тебя внутри, когда ты смотришь на произведение. Это и есть искусство – вызвать, возбудить воображение человека.

Сейчас я хочу прочесть молитву Изкор за тех, кто погибли в Бабыем Яру.

אל מלא רחמים שוכן במרומים, המצא מנוחה נכונה על כנפי השכינה, במעלות קדושים וטהורים, כזהר הרקיע מזהירים את כל הנשמות של יהודים שנהרגו בבאבי יאר ובשאר מקומות ההשמדה בידי המרצחים הגרמניים ועוזריהם משאר העמים, בעבור שכל הקהל מתפלל לעילוי נשמותיהם.

לכן בעל הרחמים יסתירם בסתר כנפיו לעולמים, ויצרור בצרור החיים את נשמותיהם, " הוא נחלתם, בגן עדן תהא מנוחתם, ותעמוד לכל ישראל זכותם ויעמדו לגורלם לקץ הימים, ונאמר אמן.

Эль малэ рахамим шохен ба-меромим, һамце менуха нехона аль канфей һа-Шхина, бе-маалот ке-дошим у-thорим, ке-зоһар һа-ракиа мазһирим эт коль һа-нешамот шель еһудим ше-неэргу ба-бабий яр

ув-шъар макомот ha-ашмада беядей ha-мерацхим ha-германиим
у-озрейhem ми-шъар ha-амим, баавур шекол ha-каһал митпалель ле-илуй
нишматейhem.

Лакен Бааль ha-рахамим ястирем бе-сетер кнафав ле-оламим,
ве-йицпор би-цпор ha-хаим эт нишматейhem, Адоной hu нахалатам,
бе-Ган Эден теhe менухатам, ве-таамод ле-холь Йисраэль зхутам
ве-ямду ле-горалам ле-кец ha-ямим, ве-номар амен!

Властелин Многомилостивый, обитающий высоко! Дай обрести
покой, уготованный на крыльях Шехины, на ступенях святых и чистых,
лучащихся сиянием небосвода, всем еврейским душам, убитым в Бабьем
Яре и других местах уничтожения от рук немецких убийц и их пособников
из других народов, ибо вся община молится об упокоении их душ.

Посему да укроет их Властелин милосердия под сенью крыл Своих
навек и приобщит к сонму вечно живых их души. В Боге удел их. В Саду
Эденском покой их. И да будет их заслуга для всех сынов Израиля, и
выстоят они в судьбе своей до Конца дней. И скажем: Амен!

■ Рав Эли Тальберг. Мой Бабий Яр. Аудиозапись.mp3

Катерина Койфман-Брехман¹¹. Из воспоминаний

В 1944 году младший брат моей мамы Михаил Кучер после тяжелого ранения на фронте лечился в госпитале г. Чарджоу, Туркменской ССР. Там он через справочное бюро в Бугуруслане узнал наш адрес (мы были эвакуированы в Ташкент) и приехал из госпиталя на пару дней, чтобы повидаться с нами. Мне тогда было 9 лет, а братику Борису 4 года. Я хорошо помню эту встречу, во время которой дядя Миля спел нам фронтовую песню «Котелок». Мы, дети, быстро подхватили эту песню. По окончании войны при каждой встрече мы всегда её пели, и взрослые, и дети. С тех тяжелых военных лет я несу в памяти эту песню.

Котелок (*Забытая песня военных лет*)

*Много есть интересных находок – на одной из военных дорог
Вот однажды во время похода я солдатский нашел котелок.*

*Он лежал на краю дереvушки, исковерканный весь от того,
что колеса какой-нибудь пушки переехали, видно, его.*

*Котелок никуда не годился, но исправил его я как мог.
И решили потом убедиться, как же будет варить котелок*

*Первым делом картошку сварили: в котелке разварилась она.
После этого чай вскипятили – котелок осушили до дна.*

*И в наплыве табачного дыма сделал вывод бывалый стрелок:
что для воина все достижимо – лишь бы только варил котелок.*

 [Брехманы Катерина и Григорий. Котелок. Аудиозапись.opus](#)

¹¹ Катерина А. Брехман – детский врач, пренатальный психолог, акупунктурист. В Израиле с 2000 года – психологическое консультирование людей пожилого возраста в рамках Института национального страхования.

Григорий Брехман¹².

Из воспоминаний

Мамин родной брат Матвей Григорьевич Кац был призван в армию в 1940 году и служил в Новосибирске. Оттуда шли его письма родным, и прибыло это послание с рисунками в связи с наступлением 1941 (рокового) года, и поздравление ко дню рождения (03.04.1935) племяннику Грише.

Открытка

¹² Григорий И. Брехман – акушер-гинеколог и пренатальный психолог, докт. мед. наук, профессор. В Израиле с 2000 года – научный консультант Междисциплинарного клинического Центра Хайфского университета, организатор и руководитель Отдела пренатальной психологии и медицины Института Интегративных Исследований Европейской Академии Естественных Наук, руководитель постоянно действующего Семинара акушеров Израиля.

Когда гитлеровцы вплотную приблизились к Москве, в срочном порядке дивизии из Сибири были переброшены на ее защиту (вместе с лыжами).

Во время одного из боев Матвей был ранен в руку и эвакуирован в полевой госпиталь, а оттуда в госпиталь в г. Иваново. Предстояла ампутация руки, но во время обхода-осмотра вновь прибывший сюда профессор-травматолог решил повременить с ампутацией (к счастью), и рука сохранилась. Многие годы ее функция была ограничена, но дядя работал на текстильной фабрике, заочно закончил Ивановский текстильный институт, работал в конструкторском бюро, выезжал в командировки в различные города России с целью модернизации текстильного оборудования.

На фото: его рисунки, где он изобразил приход 1941 года, и рядом нарисовал себя с племянником Гришкой и дружественной подписью «На память Гришке в день его рождения. Матвей».

Александр Вильшанский¹³. Из небольших рассказов отца¹⁴

Отец, Наум Львович (Лейбович) Вильшанский, был командиром саперной роты; они всю войну наводили мосты на переправах через реки. Что такое переправа («Берег левый, берег правый...»), немножко можно себе представить по Твардовскому. Но только немножко. На аэродроме в г. Жуковском одно время показывали панораму и фильм. Немецкие самолеты бомбили переправу непрерывно. И ее все же наводили.

Переправу через Вислу строили три или четыре дня. Отец мой и Лев Пицкель, тоже командир роты. Без сна и отдыха. Когда пошли танки, можно уже было поспать. На берегу была единственная уцелевшая (непонятно как) хата. Отец и дядя Лева (как я его называл) улеглись в хате и «отрубались». С рассветом просыпаются на совершенно голом месте – хату снесло, ночью был налет. А они даже не услышали.

Сверженный с пьедестала памятник Вильгельму. Офицер на снимке – один из сослуживцев отца, здесь трудно разглядеть, кто именно...

¹³ Александр Вильшанский, Инженер-радиотехник, кандидат технических наук. Живет в Хайфе. Автор нескольких книг, пять из них – по физической физике.

¹⁴ Публикуемые фотографии относятся к периоду 45–47 г.г. (К концу 1945 г. командирам рот разрешили вызвать в Берлин свои семьи).

Командиры рот Борис Розенберг, Наум Вильшанский и я (8 лет)

Саперные роты занимались обезвреживанием и разбором завалов, приведением в порядок аэродрома.

Рота отца была расквартирована напротив разрушенного завода «OSRAM». После войны завод был восстановлен и выпускает лампочки до сих пор.

Хозяйственными делами роты заведовал Товарищ Старшина, имени его я не помню, поскольку обращался к нему именно так. А я, единственный ребенок в роте, сопровождал его во всех поездках...

В том числе правил тачанкой. Кроме тачанки и «пары гнедых» в распоряжении роты был еще и грузовик-полуторка.

Работы велись на разбитом военном аэродроме Шёнефельд.

Завод «OSRAM», Берлин, 1946

Я с товарищем старшиной

На тачанке

Пригодное для восстановления и использования оборудование отсылалось в Советский Союз. Сейчас аэродром Шёнефельд – один из терминалов международного аэропорта «Берлин-Бранденбург», ворот нынешнего Берлина.

На аэродроме Шёнефельд в 1946 г.

Паулина Чечельницкая¹⁵.

Главы из повести «История моей семьи»¹⁶

Оккупация

В сороковом году Милочка поступила учиться «на врача». Мать долго не отпускала её от себя, всё боялась остаться одна. Брат Гриша к тому времени уже окончил танковое училище и капитаном служил где-то на восточной границе. А через год, перед самыми каникулами, началась война, и весь Милочкин курс харьковского медицинского отправили на фронт.

Она не успела даже написать маме. А если бы даже написала, мама всё равно не смогла бы не только прочесть, но и получить её письмо: маленький городок был в одно мгновение занят фашистами, а всё его еврейское население отправлено в гетто.

С началом войны Милочкин отец получил новое партийное задание – его назначили директором «Заготзерно» – хлеб для фронта в то время был не менее важен, чем танки. Свою новую семью отец вывез в эвакуацию, а про первую жену, мать его детей, и про её родителей даже не подумал. Шульманы осталась в Новополтавке.

Рядом с евреями здесь издавна селились немцы-колонисты. Они работали на полях наравне с соседями евреями и украинцами, были трудолюбивы, неизменно вежливы и приветливы. В дом к себе, правда, никого не зазывали, но и пакостей не делали. Паю Эпштейн они, впрочем, уважали и по-своему, на немецкий манер, называли Паулиной. Всё изменилось с приходом фашистов.

Ну вот откуда эти холёные арийцы могли знать, кто в Новополтавке еврей? Колонисты вообще не были похожи на своих соплеменников, ничего семитского в них не было, и говорили они по-украински ничуть не хуже своих односельчан. Разобраться в этом вопросе помогли соседи: рассказывали, кого включать списки и кто где прячется.

– Оце жидивка! – тайком нашёптывали они главному полицая и подводили прямо к домам Мееровичей, Ямпольских, Либерзонов, Шульманов... Полицай с командой таких же головорезов из местных чуть ли не из постели вытаскивал обезумевших от ужаса женщин, стариков и

¹⁵ Паулина Чечельницкая родилась в 1946-м году в Молдавии. По профессии – преподаватель французского и немецкого языков. В настоящее время живёт в Израиле, в Тверии. Автор 11-ти книг поэзии и прозы, руководитель ЛитО «Волны Кинерета».

¹⁶ Повесть вошла в книгу «Люби меня нежно», опубликованную автором в Израиле в 2021 г.

детей (мужчины были призваны в армию) и гнал их через всю колонию к домам, где собирали евреев со всей Новополтавки. Пая с родителями тоже попала в гетто и день и ночь молилась всемогущему еврейскому богу на его святом языке, чтобы он не дал её девочке вернуться домой. Пусть лучше она, сорокалетняя Пая, задыхается от этой ужасной тесноты, вони испражнений и болезней! Пусть дрожит от страха, каждую ночь ожидая расправы, – только бы осталась живой её Милочка, её ангел, её награда за годы одиночества!

Сначала обессиленных и вечно голодных людей гоняли на тяжёлые работы, а потом среди обитателей гетто стали распространяться слухи о предстоящей немецкой акции: до них доходили рассказы о том, что произошло в Романовке и Светловке. Старики и женщины уже ничего не боялись. Чем такая скотская жизнь, лучше оставить эту грешную землю. «Барух ата адонай, – молились они, – элокэйну мелех хаолям... Благословен ты, великий боже, царь Вселенной... Дай нам силу без страха уйти в мир иной... Дай нам силу...»

Дети, худые, замурзанные, с глазами стариков, молча слушали взрослых и уходили к колючей проволоке. Они не плакали, молча ложились на землю, прижимаясь друг к другу. К ограде подходили селянки, долго смотрели на детей, потом бросали им несколько варёных бураков.

– їйте, діти! – жалостливо шептали они.

– Тётеньки, нэ трэба! – хрипло говорил им старший мальчик. – Залиште собі, для ваших дітэй. Нас завтра расстреляют.

На следующий день всех узников гетто партиями погрузили на подводы и свезли к оврагу, прямо за Новополтавкой. Когда-то девочкой Пая тут играла с ребятами. Их расстреляли на рассвете. Все свои акции немцы и полицаи проводили в часы, когда люди забываются тяжёлым предутренним сном: чтобы ни одна душа не слышала выстрелов и криков жертв. В Новополтавке никто из бывших соседей их и не услышал. Кто-то был пьян в стельку, кто-то прятал добро, унесённое из еврейских домов, а кто-то и во сне поминал недобрым словом «проклятих жидів», которые их боженьку погубили.

И промолчал еврейский бог, которого называли царём Вселенной...

Эмилия

Милочка об этом ничего не знала и со своими подружками ехала в эшелоне на восток. Но на фронт они так и не попали: ночью проснулись от страшного звука, будто гигантский Соловей-разбойник раздирал себе пасть «молодецким посвистом», от которого сердце превращалось в

маленький комочек плоти, в червячка, разъедающего внутренности. Это был налёт. Они высыпались из вагона, скатываясь по ступенькам, падая на рельсы, ломая ноги, уползая кто куда – лишь бы не слышать этого воя. Милочка с подругой лежали в траве и видели, как догорали вагоны. Всё было кончено, и то, что они делали потом, осталось в памяти как кадры немого кино: куда-то шли, от кого-то бежали, искали еду. Однажды на какой-то станции, в убогом здании вокзала они увидели женщину, одетую, несмотря на лето, в плюшевую разлетаюку. Женщина производила впечатление ненормальной, что-то бормотала себе под нос, перекладывая какие-то мешочки, доставая из них нехитрую снедь. Они увидели, как под скамейку, на которой копошилась тётка, упали несколько сухарей. Девушки переглянулись и сели напротив, дожидаясь, когда плюшевая тётка уйдёт. Какими сладкими показались им эти сухари из чёрного ржаного хлеба! Никогда уже потом в своей жизни Милочка не ела ничего вкуснее тех сухарей, подобранных на заплёванном полу затерянной в глуши железнодорожной станции.

В сорок четвёртом Мила вернулась домой. Здесь она узнала всю правду о матери и о том, что старший брат погиб в середине войны. Нужно было учиться жить с этой болью. В прошлом остались Казахстан, работа на элеваторе, тяжелые мешки с мукой, которые они перевозили на верблюдах. В неё влюбился низкорослый, похожий на кочевника с картинки, кривоногий бригадир с труднопроизносимым именем Нурмухамбет и звал её замуж. От одиночества и отчаяния Милочка чуть было не согласилась: хоть какая-то опора в жизни будет! Отговорила подружка:

– Ты что думаешь, если мужиков сейчас мало, за каждого идти нужно? Ты хоть знаешь, что такое казахская семья? На всех ишачить будешь! Да и потом, посмотри на него! Он тебе не пара.

Здесь, в Казахстане, её нашёл отец. Видимо, мучила его совесть, что живёт он в относительном достатке, а про его бывшую семью ничего не знает. Сын, конечно, воюет, а вот Пая с дочкой, скорее всего, остались под немцем. К тому времени слухи о зверствах фашистов на оккупированных территориях уже стали доходить даже до эвакуированных. Отец беспокоился, отправил запрос в службу поиска родных. Ему сообщили: Эмилия Шевичевна Эпштейн, 1923 года рождения, работает в колхозе под Акмолинском. Про Паю Эпштейн сведений не было. И на том спасибо. Отец и дочь стали переписываться. Именно он и посоветовал Милочке поскорее вернуться в освобождённую Новополтавку, чтобы узнать, что с матерью.

Людей в их посёлке заметно поубавилось: кто в райцентр уехал, а кто и в Харьков подался: работу «шукать». Харьков, хоть и разрушенный, а всё ж большой город – хоть какая-нибудь работёнка да найдётся. Вот у них, в Новополтавке, дома почти все целые, а делать тут нечего. Находились, правда, чудаки, которые приезжали и к ним в бывшую колонию. Как-то утром Мила обнаружила, что в огороде, прилегающем к её забору, возятся какие-то незнакомые люди. Они шумно переговаривались, и через час Мила уже знала, что громкоголосого хозяина – под два метра ростом – зовут Фроим, его сердитую жену – Этя, а девчонку-подростка, вероятно, их дочь, – Розочка. Вскоре они познакомились.

– А мы из Кривого Рога. Это город такой, знаешь? – тараторила круглолицая, с ямочками на щеках, Розочка. – Мы вернулись из эвакуации, а в Кривом Роге работы нема. И кушать нечего. Совсем плохи дела.

– Да, не повезло вам, – сочувствовала ей Мила.

– А я знаю, ты одна живёшь. У тебя никого не осталось?

– Отец живёт в Тирасполе. Не хочу о нём говорить! Это он виноват в маминной гибели! Есть ещё тётушка Тайба, её Тамарой называют. Она в Харькове на тракторном работает. Вдовой осталась. А где ваша родня?

– Родичи в Кривом Роге, а тут жил дедушка Янкель. Его фрицы расстреляли, а хату сожгли. А мы вот решили приехать... На земле всё-таки полегче, – со вздохом, как взрослая, сказала Розочка. – Огород вскопать можно, картошку посадить. Потом и козочку купим, чтоб молоко своё было.

Мила завидовала соседям. У них было весело. Работая в огороде, они пели, а по вечерам громко разговаривали, так что вся улица знала их секреты. А Милочка всегда была одна, наедине со своими печальными мыслями. В институт она не вернулась: жить впроголодь на крошечную студенческую стипендию не было ни желания, ни сил. Она устроилась бухгалтером в артель, где шили серые скучные фуфайки. Днём она занималась квартальными отчетами, а вечером, возвращаясь в свой холодный дом, зажигала керосиновую лампу и представляла себе, что на кухне у плиты возится мама. Полыхают поленья, и по дому разносится запах пшеничной каши. Вот-вот мама позовёт её к столу, как тогда, когда она ещё училась в еврейской семилетке:

– Эмилия, майн хайсл¹⁷, всё готово! Да поторопись, каша остывает.

¹⁷ Майн хайсл (идиш) – моя миленькая.

Мила вытирала глаза ладошкой: «Ах, мамочка-мама, на кого ты меня оставила? Ведь нет у меня никогошеньки».

Послевоенная история

Шестерых детей подарил бог Борису и Софье Пайкиным. Хотел дать им больше – да двое умерли во младенчестве. Но и шесть немало: три дочери и трое сыновей. Поровну, чтобы никому не было обидно. Выросли все красивые, похожие на мать лицом и статью. Перед самой войной старшенькие – Лизонька и Федя – нашли себе пару, и в каждой семье родилось по мальчику. Значит, семья стала больше. А потом сыновья ушли на фронт. Младший, Семён, – так тот прямо с армейской срочной службы воевать отправился. Ещё школьником записался он в Осоавиахим, почти каждый день на местный аэродром бегал, учился летать на фанерных самолётах. Вот его в авиацию и определили. Все глаза выплакала Соня, боялась, что и ей похоронки придут, как приходили они к её соседкам. Но бог миловал: старший, Фёдор, и средний, Яков, вернулись целёхонькими, а младшенький, Сенечка, сталинский сокол, хоть и ранен был, но из госпиталя письмо написал, мол, не волнуйтесь, дорогие, рана пустяковая, скоро приеду к вам, там и поговорим. К тому времени Пайкины как раз из эвакуации вернулись.

Но вот уже и весна пришла, и победу в мае отпраздновали, а Сеня всё не едет и не едет. Забеспокоилась Софья, стала теревить мужа: напиши да напиши в госпиталь. Борис не стал дожидаться, когда Соня ему окончательно житья не даст, и быстренько отправил в госпиталь письмо с запросом. Через неделю пришёл ответ: так, мол, и так, уважаемый товарищ, «ваш сын, старший сержант Пайкин С. Б. после проведённой операции и курса лечения выписан из госпиталя полгода назад».

Соня в слёзы: убили, по дороге убили! И действительно, тогда, после войны, пошаливал народец; бывало, что и грабили, отнимали ценное. Могли и убить – в ту пору жизнь человеческая ничего не стоила. Только матери от этого не легче: сын на войне живой остался, а до дому не доехал. Написала она брату письмо, попросила приехать, поддержать их с мужем. Были они с братом близки, всегда друг другу помогали, вот и захотелось Соне Пайкиной поплакать на родном плече. Видимо, мужниного ей было недостаточно. Брат Фроим засобирился в дорогу. От Нового Буга до Кривого Рога – полдня пути. На рассвете паровоз, пыхтя, как старый дед, подтянул их к какой-то станции и, выпустив облако дыма, словно нехотя остановился. Фроим спрыгнул с подножки, зябко повёл плечами. Несмотря на ранний час, у небольшого обшарпанного здания

вокзала шла бойкая торговля. Роман обошёл всех, попробовал из каждого глечика. Раздумывая, у кого купить, глянул вправо, будто бы его кто-то приманивал. У деревянной будки парень с пустым левым рукавом пытался открыть огромный амбарный замок. Что-то знакомое почудилось Фроиму в фигуре этого парня, в упрямом наклоне головы, в тёмно-русом кудрявом чубе, свисающем на лоб.

– Кто это? – быстро спросил он у молодой женщины в рябой косынке.

– Да Сергунька, Аньки Коцюбы чоловік.

– И не муж он ей вовсе! – прервала её дородная соседка. – Так, полюбовник. Привезла его из дальних краёв. Он ничего, хлопец справный, даром что без руки.

– К мужицкой работе, конечно, не пригоден, – добавила молодая женщина, – так он кладовщиком на станции оформился. Хороший, вежливый. Видать, из городских.

– А давно он у вас? – заволновался Фроим.

– Поди уж месяцев семь будет. С Крещенья, – ответила дородная и вдруг подозрительно прищурилась. – А что это вы, чоловіче, всё выпрашиваете и выпрашиваете? Может, знаете Сергуньку? Или того хуже – из органов будете и вора ищете?

Фроим засмеялся, махнул рукой и оборвал разговор. Ни в чём он не был уверен, чего же зря людей волновать! Глянул он на криво прибитую к зданию станции вывеску «Вапнярка» и вернулся в вагон. И до самого Кривого Рога всё думал: Сенька ли это Пайкин, племянник его родной, или просто похожий на него парень. Да и откуда Сеньке ни с того ни с сего вдруг оказаться на станции Вапнярка, в прийомах у какой-то Аньки Коцюбы, когда у него есть родители, которые до сих пор в его гибель не верят?!

К вечеру Фроим, так и не придумав ответа, вышел на разъезде Долгинцево, а оттуда на попутной телеге в полчаса добрался до дома Пайкиных. После объятий и слёз он отозвал в сторонку шурина – вроде бы подымить на веранде – и рассказал ему обо всём, что видел на станции Вапнярка.

– Говоришь, у того парня руки не было? – тревожно спросил Борис. – Получается, что в том госпитале у Семёна руку отняли...

– Нет у меня уверенности, что это Сенька, – понизив голос, чтобы его не услышали остальные Пайкины, проговорил Фроим. – Вроде похож, а вроде – не похож.

– Нужно ехать! – решительно сказал Борис. На месте и разберёмся. Только ни слова Соне, зачем её тревожить!

Вот так и получилось, что они втроём – ещё и соседа Колю с собой прихватили! – отправились на следующий день в Вапнярку. А Соне объяснили, что едут по деревням покупать старую картошку. Мол, до новой ещё дожить нужно, а голод не тётка, пирожка не поднесёт.

И что вы думаете, добрались таки они до дома этой Аньки Коцюбы! Недаром говорят: кто ищет – тому удача сама в руки идёт...

...Борис молча гладил сына по плечу, – худой какой! – едва прикасаясь к пустому рукаву гимнастёрки, словно бы хотел убедиться, что руки там нет. Семён выглядел растерянным, жалким. Он то улыбался, то хмурился, и было непонятно, рад ли он вообще этой встрече.

– Вот видите, с одной рукой остался. Кому из родных такой я нужен! Какой из меня добытчик? А нахлебником быть не хочу!

– Вот дурень чёртов! – в сердцах бросил Коля. – Родным ты как раз и нужен. Любой – без рук, без ног. Это бабы сто раз подумают, а на сто первый – бросят.

– Неправда! – запричитала Анна. – Мне Сергунька тоже любой нужен. Он чоловик мой, не отдам его никому!

– Видал я придурков, Сеня, но такого, как ты, в первый раз вижу, – Коля даже побагровел от возмущения. – Имя-то зачем поменял? Думал, не найдём тебя? Открестился, значит, от всех? И от матери, что тебя на свет божий произвела, и от братьёв, с которыми в «догонялки» в детстве играл! Эх ты, не знаешь, что ль: за битого двух небитых дают!

– Может, и дают, да не больно-то берут, – усмехнулся Семён.

– Вот что, – сказал вдруг до этого молчавший Борис. – Поедем, сын, домой, с матерью повидеешься. Мать нельзя обижать... А дальше – как тебе твоя совесть подскажет.

На этом и порешили. Наутро Семён сообщил Анне, что хочет на недельку съездить домой. Женщина зарыдала:

– Не вернёшься ты, чую! Ох, лышенько! Зачем только гостей незваных в дом пустила! Убирались бы вы подобру-поздорову, пока я вас поганой метлой не погнала!

– Аня, уймись! – растерялся Семён. – Это ж мои родичи всё-таки. Вернусь я... Вернусь. – Но уверенности в его голосе не было.

В Кривой Рог они приехали поздно вечером. Что тут началось! Рыдали соседи, сдержанно вытирали глаза старшие братья, висели на шее у вновь обретённого брата две младшенькие – Розочка и Динка. А Соня, седая, грузная, сидела, как королева-мать у трона сына. Сдержанно, как и подобает знатной особе, она улыбалась и со значением

посматривала на мужа, словно бы говорила: «Вот, Боря, каких детей я тебе нарожала! Ни у кого нет таких».

Бабушка Пая с моей мамой Миной и мама, Мина Эпштейн, в возрасте 18 лет. В повести – под именем Милочка

Папа, Сергей (Сюня) Цыпкин, в красноармейской форме. Начал службу в Красной Армии в 1940-м и провоевал до ранения в 1944-м. Фото довоенное. В повести – под именем Семен

Додо Чиквашвили¹⁸. Женское лицо великой войны

*Историческое деяние бывает закончено не тогда,
когда оно свершилось, а лишь после того, как оно
становится достоянием потомков.*

Стефан Цвейг

Жизнь ушедших продолжается в памяти живых. Этой публикацией я желаю отдать должное уважение еврейским женщинам из Грузии, наравне с мужчинами сражавшимся в Великой Отечественной войне.

Единственным местом на нашей планете, где евреи массово жили на протяжении 26 веков до провозглашения своего государства, при этом сохраняя свой язык, религию, культуру, традиции и обычаи, была Грузия!!!

Испытанием на прочность взаимоотношений евреев и грузин явилась Великая Отечественная война. Лучший способ увековечить массовое героическое участие в этой войне евреев Грузии – рассказать о девушках в погонах.

Наибольшее число участвовавших в Великой Отечественной войне женщин были заняты в медицинской сфере. Из общего числа врачей в действующей армии женщин было 42%, а среди хирургов – 43,4%. Отбирали в армию только самых крепких, волевых, целеустремленных. С июля 1941 года Грузия становится одной из главных баз, принявших из прифронтовых районов десятки тысяч эвакуированных и огромное количество раненых воинов. Поэтому уже тогда было создано Управление эвакогоспиталей, которое ежемесячно становилось всё крупнее. Большой поток раненых хлынул после боев в Крыму, а с лета 1942 – непрерывно поступали раненые воины и гражданское население. В Тбилиси было оперативно создано 29 эвакогоспиталей. Всего за годы войны в Грузии были задействованы 72 эвакогоспиталя. В тот период это было самое большое их число среди союзных республик (после России). 70% раненых воинов возвращались в строй, благодаря квалификации и заботе медиков Грузии. Сотни медработников, в числе которых было много евреек, днём и ночью не отходили от операционных столов и больничных коек, а в редкие минуты затишья шли сдавать кровь.

Мы хотим напомнить о наших отважных женщинах Великой Отечественной, героинях фронта и тыла, без самоотверженности которых никакой Победы не было бы. В приморских портах Сухуми, Батуми и Поти

¹⁸ Додо Чиквашвили родилась в 1952 году в Тбилиси. В 1992 году с семьёй репатрировалась в Израиль. Доктор биологических наук, профессор медицинского факультета Тель-Авивского Университета.

боевые действия не велись, но сколько пережили жители этих городов, ставших в годы войны прифронтовыми! В этих портовых городах жило немало евреев. Все, кто мог держать в руках оружие, сражались на фронтах. На передовую рвались все, от мала до велика. Но люди были очень нужны и в тылу. Работы хватало и здесь: участие в оборонительных работах, борьба с диверсантами, шпионами, которых вылавливали в большом количестве.

Мне удалось собрать данные о некоторых из них, однако большинство упомянуто лишь именами.

Добровольно отправилась на фронт 22-летняя студентка Тбилисского мединститута Лиза Абрамовна Абрамишвили (1919 г.р.). Ей довелось участвовать в героической обороне Севастополя.

Погибла в Крыму при освобождении Феодосии 26-летняя военврач 3-го ранга Фаина Иосифовна Джинджихашвили, это было в 1944 году.

Не вернулась из боя военврач Маргарита Пичхадзе, участвовавшая в 1944 году в операции «Багратион» при освобождении Белоруссии.

Погибла на фронте участница керченских событий медсестра 220-го стрелкового полка Тамара Мошевна Енукашвили.

18-летняя девушка Этери Абрамовна Шамелашвили из Кутаиси добровольцем ушла на фронт. Вначале ее не хотели брать, как и других женщин и девушек. Но Этери Шамелашвили добилась своего. В первый период войны советские войска несли колоссальные потери на фронте, солдат не хватало, поэтому в армию, по приказу Сталина, стали призывать женщин. Этери Шамелашвили оказалась на редкость смелой и отчаянной девушкой. Она служила в известной 23-й кавалерийской дивизии, воевала на Северном Кавказе. За умелые боевые действия, смекалку и храбрость кутаисская еврейка дослужилась до звания лейтенанта. Она погибла во время керченских событий.

9 мая 1944 года, за год до победы, на боевом посту погибла военврач Галина Исааковна Исакадзе. Она была хирургом 42-го медико-санитарного батальона 39-й гвардейской дивизии. Г. И. Исакадзе оперировала очередного тяжелораненого бойца, когда началась сильная бомбардировка. Она не отошла от операционного стола, не оставила раненого, прикрыла его собой. Солдат выжил. Отважная капитан медслужбы Галина Исааковна, получив тяжелое ранение в голову, погибла, не приходя в сознание.

Софья Абрамовна Баазова (1909–1999). Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Грузии, главный невропатолог курортов Грузии, член КПСС. О своих заслугах в годы войны С. А. Баазова ни разу не обмолвилась. Баазова – жена известного

грузинско-еврейского писателя Герцля Баазова, погибшего в 1937 г., в ночь после встречи с Михоэлсом (во времена Хрущева Баазов был реабилитирован). Баазова активно работала в эвакогоспитале. Параллельно преподавала в медицинском институте на кафедре неврологии.

Дина Яковлевна Даварашвили (1910–1993). После окончания медицинского факультета в Тбилиси она была направлена на работу в единый диспансер Батумского порта в качестве врача-ординатора. С самого начала войны резко увеличилось число больных туберкулезом, в том числе и среди раненых военнослужащих, прибывавших в Батуми с фронта. Специалистов-фтизиатров не хватало, как, впрочем, и многого другого в годы войны. Врачу приходилось работать в две смены. Дина Даварашвили лечила больных туберкулезом как в едином диспансере Батумского порта, так и в городской больнице. Благодаря ее неустанной заботе о больных, большинство туберкулезников было вылечено. За добросовестный труд Даварашвили была награждена медалями, почетной грамотой президиума Верховного Совета Аджарской АССР.

Роза Даниловна Пичхадзе (1912–1996). По образованию медицинская сестра со специализацией «акушерство и гинекология». Имела в общей сложности 52 года трудового стажа, из них 35 лет работы хирургической операционной сестрой. Место работы – Кутаисский первый роддом, со дня его основания. В годы Великой Отечественной войны роддом был переведён на военные нужды в статусе военного госпиталя и принял огромное количество раненых. Роза Пичхадзе награждена орденом «Знак почёта» и медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Шаевич Валентина Ионовна (1916–1997). В 1941-м году, будучи на третьем курсе мединститута, проходила практику в военном госпитале на Украине. Госпиталь разбомбили, дошла пешком до Киева. Попала в плен, откуда была отправлена в Освенцим, где пробыла до 44-го года, работала в лагере медсестрой. В 44-м году их начали перегонять в Германию, и по дороге ей удалось сбежать. До 45-го года прожила в какой-то деревне на Украине и после этого попала в фильтрационный лагерь, где прошла фильтрацию. В 45-м году, в апреле месяце, приехала в Тбилиси. По прибытии из лагеря Валентина Шаевич продолжила учёбу на четвёртом курсе и работала врачом в госпитале, ныне второй городской клинической больнице.

Маргарита Биниауришвили-Элигулашвили (1919–1980). В 1941 году, 22 июня, во время выпускного бала, призвана врачом-хирургом на фронт. Прошла с полевым госпиталем до Рейхстага, спасла сотни раненых. Эта

маленькая женщина помимо профессионализма и безграничной отдачи была щедро награждена внешней привлекательностью и чудесным меццо сопрано. С большим увлечением Маргарита пела цыганские песни, зная, что и это поддерживало раненых и обездоленных. В начале 1946 года в военной форме, увешанная орденами и медалями, вернулась домой и начала работать в Тбилиси – в 1-ой городской больнице и одновременно заведующей хирургическим отделением в поликлинике. Член партии, председатель комиссии участников Отечественной войны в районе «26 комиссаров». Была членом комиссии по защите здоровья в женских колониях.

Эсфир Цейтлин-Хволес (1920–2004). В июле 1941 года сумела вместе с маленькой сестрой эвакуироваться из Кременчуга на Северный Кавказ, а когда немцы добрались и туда, они уехали в Тбилиси. Эсфир окончила курсы медсестёр Красного Креста и была зачислена в медицинский институт в Кисловодске, а завершила учёбу в Риге. Во время войны Эсфир работала врачом в туберкулёзном диспансере и трудовом лагере в Тбилиси.

Чиквашвили Тamar (1920–1999). Военная медсестра. В сентябре 1941 года в составе медицинско-санитарного батальона 4-ой стрелковой дивизии была перенаправлена в Ворошиловград. Враг наступал. Велись ожесточённые бои. Наши бойцы были взяты в плен. Тamar была ранена. Очнувшись, она на грузинском языке произнесла: «Ой, мама». Услышав родную речь, к ней поспешили на помощь однополчане-грузины. Узнав, что она член КПСС и еврейского происхождения, моментально изменили в регистрационной ведомости её фамилию на грузинскую – Чикваидзе. «В сердце еврея для грузин всегда забронировано место!» – слова Иосифа Кобзона. В 1943-м, после освобождения Мелитополя, пленные были вызволены. Тamar, инвалид, демобилизована домой. Долгие годы работала операционной сестрой в госпитале г. Кутаиси.

Мария Шимшилашвили (1920–2000). Ветеран войны и труда Мария Шимшилашвили. Когда она заканчивала учебу в Тбилиском мединституте, каждый врач был буквально нарасхват. Так Мария оказалась в эвакогоспитале №1420. Работать доводилось нередко в две смены. Раненых тогда было много, очень много. С медицинскими кадрами все годы войны было туговато. В 1944 году Марию Шимшилашвили перевели в Тбилгорздравотдел начальником медицинского сектора. После войны, спустя два года, ее перевели в городскую больницу, где она успешно заведовала электрокардиологическим кабинетом. Когда же в 1973 году в Тбилиси открылась центральная клиническая больница, возглавила отдел электрофизиологии.

Фанни Джинджихашвили (1922–2021). Уроженка Румынии, окончила в Кишинёве французскую гимназию им. Жанны Д'Арк. 22 июня 1941 года – бомбёжка Кишинёва, семью вывозят из осаждённого города, но отец в этот период находился в командировке. Война разлучила их до 1953 года. Начинаются скитания: эвакуация, тыл: Одесса, Севастополь... Она шла в Тбилиси, и по пути, зная много языков, собирала вокруг себя людей, помогала им сориентироваться и попасть в Грузию. В 1988 году осуществила мечту своих предков – репатриировалась в Израиль. Неустанно помогала всем окружающим, активно сотрудничала в журнале «Дроша». В 2014 году издала книгу «Три родины – одна судьба» – Румыния, Грузия, Израиль. Доктор филологических наук, член союза писателей Израиля.

Тамар Патаркацишвили-Биниашвили (1923–2008). В 1941 году вместе с Авраамом Биниашвили окончила еврейскую школу. Молодые любили друг друга и дали обет верности. Но война надолго отодвинула их счастливое супружество. Авраам вернулся с фронта в Цхинвали в 1947 году. Тамар работала в тылу, в ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), обучала молодых бойцов на стрельбище. Заочно завершила обучение на юридическом факультете, работала в нотариальной конторе. Была избрана делегатом в Юго-осетинский округ. В 90-ые годы прошлого века она много полезного сделала для еврейской общины. Во время войны между грузинами и осетинами никто не мог выехать из Цхинвали, евреи не покидали свои дома, боясь разбоя. Тамар едет в Тбилиси в штаб Закавказского Военного округа; переговоры с генерал-майором Патрикеевым увенчались успехом. Ей выделили военный транспорт, благодаря чему еврейское население Цхинвали невредимым покинуло город. Героизму Тамар не раз удивлялась община.

Ида Хволес (1923–2004). Была зачислена на химический факультет Тбилисского Государственного Университета. Со второго курса, как круглая отличница, переведена в МГУ на аналогичный факультет. В 1944 году из МГУ была переведена на радиохимический факультет Ленинградского Университета. С пятого курса была мобилизована на работу в спец-лабораторию по производству оружия (Челябинск-40). Вся ее работа была глубоко засекречена. В 1949 году была освобождена от работы по состоянию здоровья (90 процентов тела было облучено). До сегодняшнего дня большинство ее научных работ хранятся в архивах РФ под грифом «Совершенно секретно».

Иохебед Биниашвили (1923–2013). В 18-летнем возрасте, завершив медучилище и планируя поступить в медицинский институт, уходит

медсестрой на фронт. В те годы своей судьбой не распоряжались. Со своей дивизией в боях дошла до Берлина – через Керчь, Сталинград, Севастополь. Вернувшись домой, в послевоенную разруху, мечтала продолжить учёбу в мединституте, но не получилось. Проработала 28 лет в Тбилиси, в железнодорожной больнице, в отделении отоларингологии. Её называли «лечащим ангелом». В 1973 году репатриировалась с семьёй в Израиль. Работала в хирургическом отделении больницы Доноло (ныне гериатрическая клиника Цаалон) в Яффо. Не счесть, сколько жизней спасла, поддержала в критических ситуациях.

Не испугались и не спрятались! Участницы Великой Отечественной войны – мы вспоминаем о Вашем подвиге!

Израэлашвили-Михелашвили Тамара (1915–1995). Участница Великой Отечественной. Зав.канцелярией совета министров Груз.ССР. Ветеран труда.

Джанашвили Люба (1918–1993). Педиатр. Участница ВОВ.

Модзгвишвили Маруся (1918–1996). Хирургическая медсестра в госпитале.

Мизрахи Гернуси (1919–2012). Военная медсестра.

Сурис Татьяна (1919–1987). Хирург, ветеран войны.

Минчина Элла (1919–1999) Врач. Работала в эвакогоспитале.

Израэлашвили-Даниелова Мария (1919–1999). Работала в эвакогоспитале. В послевоенные годы – провизор аптечного управления. Ветеран труда.

Ольга Луковецкая (1921–2011). Врач. Вольнонаёмная Закавказского Военного округа.

Батошвили Рут (1924–1991). Связистка.

Крихели Марго (?). Военная медсестра.

Важно упомянуть и о тихом подвиге женщин тыла. Они выполняли свою важную роль не только в промышленности, сельском хозяйстве и медицине. Они воспитали целое поколение детей, которым предстояло жить в послевоенном мире, организовали детские сады и школы, создали кружки и клубы, где дети могли получать образование и развиваться, несмотря на трудности. Оставшись без мужей, братьев и отцов, многие из них в одиночку растили по несколько детей, вкладывая в них необъятную любовь, мужество и веру в лучшее будущее.

Вечная Вам память – гордость нашего народа. Мы помним! Миру помнить завещаем!

Литература

Леван Долидзе. Вклад евреев Грузии в победе над фашизмом. 579 стр. 2021.

Энциклопедия Евреи Грузии. В двух томах. 2023.

**Баазова Софья
(1909–1999)**

**Даварашвили Дина
(1910–1993)**

**Пичхадзе Роза
(1912–1996)**

**Израелашвили Тamar
(1915–1995)**

**Шаевич Витте
(1916–1997)**

**Джанашвили Люба
(1918–1993)**

**Элигулашвили Маргарита
(1919–1980)**

**Израелашвили Вера
(1919–1999)**

**Сурис Татьяна
(1919–1987)**

**Цейтлин Эсфир
(1920–2004)**

**Чиквашвили Тамар
(1920–1999)**

**Шимшилашвили Мария
(1920–2000)**

**Джинджихашвили Фанни
(1922–2021)**

**Хволес Ида
(1923–2004)**

Биниашвили Йохевед
(1923–2013)

Патаркацишвили Тamar
(1923–2008)

Ботошвили Рут
(1924–1991)

Аврум Шарнопольский¹⁹. О чем не принято говорить. Главы из книги²⁰

Так начинается книга

«Я обращаюсь к вам, евреи Польши, <...> Я продолжаю вас предупреждать, что надвигается несчастье. Мое сердце обливается кровью, потому что вы не замечаете вулкана, извержение которого неизбежно, и лава которого все разрушит. Я знаю, что вы этого не видите по причине занятости повседневными заботами. Но сегодня я прошу, чтобы вы мне поверили... Именем Бога - спасайтесь, пока не поздно, ибо времени осталось мало».

Зеев Жаботинский, 1938 г. Варшавская идишская газета «Ди вельт»

¹⁹ Аврум Шарнопольский родился в 1931 году в местечке Ильинцы Винницкой области. Выпускник Харьковского политехнического института по специальности «Электростанции, сети, системы». Лауреат премии им. Вавилова, имеет звание «Почетный химик СССР». Депутат Северодонецкого городского совета, автор 13 изобретений, монографии и 40 научных работ, «Человек года 2006» 9 канала ТВ Израиля, Лауреат Большой Золотой Медали международной Ассоциации «Знание» 2017 г., руководитель иерусалимского Дома технологий и Ассоциации «Практика», председатель правления Объединения «Хазит ха-кавод». Живет в Иерусалиме.

²⁰ Главы из книги «О чем не принято говорить. (Варшавское гетто, восстание, факты). Иерусалим, 2021»..

Из предисловия²¹

Мой интерес к истории восстания в варшавском гетто возник совершенно случайно. Как-то утром в апреле этого года, слушая новости, я услышал в одном из сообщений имя Симхи Ротема.

Симху Ротема, легендарного человека, бойца Еврейской боевой организации, которого все знали по его псевдониму Казик, я хорошо знал. Он – герой восстания в Варшавском гетто, ушел в мир иной год тому назад. Передача на радио была посвящена 75 годовщине восстания Варшавского гетто. К сожалению, я застал только конец передачи. Возникло желание освежить память об этом восстании, хотя бы потому, что многое из того, что мне рассказывал Казик во время нашей совместной поездки в Берлин на мероприятия по случаю 65 годовщины освобождения Освенцима, забылось. Я начал поиски в интернете. В одной из найденных в интернете статей, опубликованной в «Еврейском политологическом обозрении» номер 18 за 2006 год, я обратил внимание на следующую фразу:

«Восстание в Варшавском гетто остается одной из самых известных глав Шоа, и героизм повстанцев продолжает вдохновлять. Тем ни менее, научное отношение к Зидовскому Зятеку Войскову или Еврейскому военному союзу Z.Z.W, который был основан в гетто элементами сионистского ревизионистского движения, все еще не завершено. Ревизионистские круги особенно давно утверждают, что идеологические конкуренты Z.Z.W. сознательно предотвратили его закрепление в национальном пантеоне. Хотя в этом обвинении есть смысл, реальность является более сложной и нюансированный. Установление законного места Z.Z.W. в историческом повествовании потребует тщательной деконструкции существующей историографии и, в частности, темных польских источников, которые так заметно фигурировали в его эволюции»

Планы нацистов в отношении Варшавы

Варшаве была уготована тяжелая судьба. Еще до войны нацисты планировали разрушение города. 20 июня 1939 года еще до нападения немцев на Польшу Гитлер во время посещения архитектурного бюро в Вюрцбурге выразил заинтересованность в проектировании немецкого города, который будет построен на развалинах Варшавы. Рейхсфюрер СС

²¹Книга доступна для скачивания по ссылке

Генрих Гиммлер, посетивший захваченную Варшаву, заявил, что город должен быть стерт с лица земли и что там не должно оставаться камня на камне. Планировалось на месте полностью разрушенного города построить «новый немецкий город Варшу (Warschau)», численностью не более 130 тысяч жителей. Город должен был стать чисто немецким без поляков. В 1940 году немецкие архитекторы Гросс и Нюрнберг представили первый проект будущего города Варшу. Реализовать этот проект было поручено главному архитектору Варшавы Пабсту. Только что назначенный на этот пост Пабст предложил свое «окончательное решение» судьбы Варшавы, в большей степени устраивавшее Гитлера. По его плану все дворцы, архитектурные памятники Варшавы должны были быть уничтожены. На их месте планировалось построить жилые комплексы для немецкого населения города, а также вокзал, стадион и прочую инфраструктуру. Разрушение Варшавы было запланировано перед его заключительным разрушением в 1944 и даже перед началом Второй мировой войны. 20 июня 1939, в то время как Адольф Гитлер посещал архитектурное бюро в Вюрцбурге, он обратил внимание на проект будущего немецкого города – *Neue deutsche Stadt Warschau*. Согласно Плану Пабста, Варшава должна была быть превращена в провинциальный немецкий город. Третьи планировщики Рейха спроектировали точные рисунки, обрисовывающие в общих чертах историческое «германское» ядро, где избранное небольшое количество зданий будут спасены. К таким зданиям относились Королевский замок, который служил бы государственным местом жительства Гитлера. План, который был составлен из 15 рисунков и миниатюрной архитектурной модели, назвали в честь немецкого армейского архитектора Фридриха Пабста, который усовершенствовал понятие разрушения национальной морали и культуры, разрушив ее физические и архитектурные проявления. Дизайн фактического нового немецкого города по территории Варшавы был разработан Хьюбертом Гроссом. Проект был скоро включен в Generalplan Ost.

Разрушение города началось уже в сентябре 1939 в ходе наступления немецких войск на польскую столицу. На этом этапе план Пабста был включён в Генеральный план Ост, предполагавший геноцид и германизацию захваченных земель Польши и СССР. План предусматривал поэтапное сокращение численности Варшавы. В первую очередь планировалось сократить численность еврейского населения, заключив всех евреев в гетто с последующей их депортацией в концлагеря. На втором этапе перемещению подлежала большая часть

работоспособного польского населения Варшавы на подневольную работу в Германии. Оставшихся поляков планировалось разместить в трудовые концентрационные лагеря, совмещая это с массовыми расстрелами мирных жителей. Нацисты немало преуспели в этом. На улицах города были расстреляны около 250 тысяч человек.

План города Варшву

Исключение составляли несколько десятков тысяч поляков, которые были нужны для обслуживания немецкого населения Варшвы. Для них в пригороде Варшавы строился огромный концентрационный лагерь.

Разрушенная Варшава

В результате в Варшаве должно было оставаться не более 130 тысяч, но не поляков, а немцев. В определенной мере разрушению города, сильно пострадавшему при взятии его нацистами, способствовало восстание против нацистов в августе 1944 года. Как известно, восстание было подавлено, но вся левобережная часть города, в которой были сконцентрированы основные историко-архитектурные памятники, просто перестала существовать. В ней уцелел случайно только один дом. В ходе этих сражений к тому, что до этого уже было уничтожено, прибавилось еще разрушение четверти всех оставшихся зданий. К январю 1945 года было уничтожено около 90% зданий, в том числе и исторические памятники. Но к строительству немецкого города Варшу нацисты не успели приступить.

Ян Бруштейн²². Война одной семьи

* * *

А дедушка скажет: «Лехаим»,
А бабушка даст пирожок...
Не время, а мы утекаем,
И медленно таем, дружок.
Случилось что должно на свете –
На мелочь судьбу разменял...
Но папа на велосипеде
Ещё покатает меня,
Ещё я поплачу над мамой –
Ушедшей, седой, молодой...
Ещё постою я, упрямый,
Под нашей печальной звездой...

Муся

Маме

Из ада везли по хрустящему льду
Дрожащую девочку Мусю...
Я к этому берегу снова приду
Теряясь, и плача, и труся.
Полуторка тяжело ползла, как могла,
Набита людьми, как сельдями,
И девочка Муся почти умерла,
Укрыта ковром с лебедями.
А там, где мой город сроднился с бедой,
Где были прохожие редки,
Еще не знакомый, такой молодой,
Отец выходил из разведки.
Над Ладогой небо пропахло войной,
Но враг, завывающий тонко,

²² Ян Бруштейн Родился в 1947 году в Ленинграде, окончил ГИТИС, автор 12 книг стихов и прозы, член Союза российских писателей, Союза театральных деятелей и ПЕН-центра, постоянный автор нашего журнала.

Не мог ничегошеньки сделать с одной
Почти что погибшей девчонкой...

Встречали, и грели на том берегу,
И голод казался не страшен,
И Муся глотала – сказать не могу,
Какую чудесную кашу.

Ровеснику

Мой отец, корректировщик миномётного огня,
Спит – кричит, встаёт – не ропщет, только смотрит на меня.
А когда глаза закроет – то в атаку прёт, как все,
То опять окопчик роет на нейтральной полосе.
То ползёт, и провод тащит, то хрипит на рубеже...
Папа, ты меня не старше, мы ровесники уже.
Слёзы обжигают веки, эту боль в себе ношу.
Ты остался в прошлом веке, я всё дальше ухожу.
Отчего ж не рвётся между наша общая судьба,
Это я огонь кромешный вызываю на себя,
Это я с последней ротой, с командиром на спине,
И в Синявинских болотах сердце выстудило – мне.
Голос твой – не громче ветра... Не услышу, не пойму...
Почему же я всё это раньше не сказал ему.

* * *

Ленинградская моя кровь
И блокадное во мне эхо...
Жаль, что нет нигде маяков,
Чтобы в этот город уехать.
Ты полнее в стакан лей,
Буду пить я на сей раз
За сапожный сухой клей:
Он моих стариков спас.

Плацкартное

Единственный из проклятого рода,
Плевал в колодец и не дул на воду,
И никому не верил на Земле.
Он заплатил за батю-полицая...

Не разглядел тогда его лица я
В плацкартной ненасытной полумгле.

Он говорил, не мог остановиться,
И бился голос как слепая птица –
Казалось, что расколется окно.

Он говорил о лагере, о воле,
И я, пацан, объелся этой боли,
И словно бы ударился о дно.

Цедил слова он, бил лещом по краю
Нечистого стола. И, обмирая,
Смотрела злая тётка на него.

Он пиво пил, и нервно цыкал зубом,
И тётке говорил: «Моя голуба...
Не бойся, я разбойник, а не вор!»

Он растворился в городке таёжном,
И все зашевелились осторожно,
Шарахаясь от встречного гудка.
И пили водку, хлеб кромсая ломкий,
И только мама плакала негромко,
И говорила: «Жалко мужика...»

Сухари

А бабушка сушила сухари,
И понимала, что сушить не надо.
Но за ее спиной была блокада,
И бабушка сушила сухари.
И над собой посмеивалась часто:
Ведь нет войны, какое это счастье,
И хлебный рядом, прямо за углом...
Но по ночам одно ей только снилось –
Как солнце над ее землей затмилось,
И горе, не стучась, ворвалось в дом.
Блокадный ветер надрывался жутко,
И остывала в памяти «буржуйка»...
И бабушка рассказывала мне,
Как обжигала радостью Победа.

Воякой в шутку называла деда,
Который был сапером на войне.
А дед сердился: «Сушит сухари!
И складывает в наволочку белую.
Когда ж тебя сознательной я сделаю?»
А бабушка сушила сухари.

Она ушла морозною зимой.
Блокадный ветер долетел сквозь годы.
Зашлась голодным плачем непогода
Над белой и промерзшею землей.
«Под девяносто, что ни говори.
И столько пережить, и столько вынести».
Не поднялась рука из дома вынести
Тяжелые ржаные сухари.

Точу ножи!

Страшноватый, кривоватый, он ходил: «Точу ножи!»
Голос тихий, как из ваты, как из каменной души.
Мы дразнили инвалида, рожи корчили вдали,
И швырял он, злясь для вида, мерзлые комки земли.
Шляпу надевал из фетра, улыбался криво нам,
Молча раздавал конфеты осторожным пацанам.
А под вечер, водки выпив, не сдержав тяжелый вздох,
Он кричал болотной выпью: «Швайне, ахтунг, хенде хох!»
Бормотал, дурной и жалкий, про войну, про спецотдел,
Как боялся, как сражался, как десятку отсидел.
С воем задирали штанину, и совал протез в глаза,
И стекала по щетине бесполезная слеза.

...Утро стыло в переулке, и не видело ни зги.
За окном, в пространстве гулком, слышались его шаги.
Между нами тьма такая... Через время, через жизнь
Слышу голос полиция: «Подходи, точу ножи!»

* * *

Моя родня лежит во рву
Под городом Лубны.

Бывает, я во сне реву –
Последыш той войны.

Там по ночам горит земля,
Не забывая зла.

Моя еврейская семья
Бурьяном проросла.

Под ними горя три версты,
Над ними свет ничей...
И не приносят им цветы
Потомки палачей.

Радистка Шура

У моей соседки тети Шуры
На мешок похожая фигура,
Три козы и зуба вроде три,
Пять сынов раскиданы по свету,
Но от них вестей давненько нету,
Как ты на дорогу ни смотри.

А на праздник Шура надевает
Две медали, и бредет по краю
Старого безлюдного села.
Солнышко гуляет ярким диском...
На войне она была радисткой,
Но уже не помнит, кем была.

Пусть на Шуре кофта наизнанку,
Но зато она поёт «Смуглянку»,
В ноты попадая через раз.
Говорит мне: «Выпьем самогонки!»
Старый голос – непривычно звонкий
И в слезах морщины возле глаз.

Коврик с лебедями

Вот коврик: лебедь на пруду,
Русалка на ветвях нагая,
И я там с бабушкой иду,
Тащить корзину помогая.

Меня пугает Черномор,
И рота витязей могучих,
Когда они тяжелой тучей
Встают из вод, стекают с гор.

Дымит фашистский танк вдали,
Копьём уже пробит навывлет.
Бегут бояре столбовые
Со вздыбленной моей земли.

Но сквозь разрывы, сквозь беду
Я вижу: кот идёт упрямо,
И пирожками кормит мама
Его, и птицу на пруду.

И сказки он кричит навзрыд,
И песни он поёт, каналья,
И цепь его гремит кандально,
И дерево его горит!

Послевоенное

Это детское счастье озноба и жара –
Ноги ватные – вовсе не выйдешь.
А в гранёном стакане остатки отвара,
И бабуля мурлычет на идиш.
Я тихонечко плачу – для полной картины,
А на стенах – разводы и тени...
Мамин голос: «Спасибо, что не скарлатина!
Полетели, дружок, полетели».
И несёт, прижимая несильной рукою,
Всё по кругу, куда же ей деться.
И блокадная память зовёт, беспокоя...
Питер. Послевоенное детство.

Крошки в ладони

Я до сих пор съедаю крошки со стола,
Как бабушка-блокадница учила.
Так мама делала, пока со мной была,

Потом война её настигла и добила.

Но от неё во мне остался тихий свет –
От них, родных, обглоданных Блокадой,
Все, все они ушли, но след поныне свят,
Пусть и живём во времена разлада.

Всё чаще по ночам я вижу их глаза –
И снова боль мне тихо сердце тронет.
Пусть нам грозят бедой слепые небеса –
Но крошки собираю я в ладони.

Эли Бар-Яалом²³. О той войне

К ***

Твой прадед выиграл ту войну. И дед мой – ту же войну.
Твой воевал за свою страну, и мой – за твою страну.
Но ты, победою окрылён (хоть годы с тех пор прошли),
решил, что раз ты теперь силён, то, значит, ты пуп Земли.

Ты – пуп, и надо вставать Земле при звуке твоих шагов,
и если грязь на твоём столе – то это козни врагов,
и ты – Добро, хотя и даёшь приют в своём доме Злу...
Ну да, твой прадед – герой. Но что ж? И мой не сидел в тылу.

Война не та, времена не те, и даже страна – не та.
Твой прадед жив ещё: в нищете. Над дедом моим – плита.
И Зло другое, людей губя, над миром раскрыло пасть...
И дай мне Бог не стрелять в тебя.
Но если стрелять – попасть.

9 мая 2010

■ Эли Бар-Яалом. Твой прадед выиграл ту войну. Аудиозпись.mp3

Приговор

Юле М.

Немцам, жертвам Холокоста,
тоже, в общем-то, непросто.

...Если эти, такие, как я, собирались в Ванзее,
а другие, такие, как я, собирали в вагоны,
а иные, такие, как я, помогали, глазае,
одобряя, зевая, не веря, дроча на погоны,

кто же я, даже если я спрятал Ревекку и Сару,
переправил Рахель, не донёс на дрожащую Лею?
Я – из них. Если Бог задержал неизбежную кару –
накажу себя сам. Он жалеет, а я не жалею.

²³ Эли Бар-Яалом родился в 1968 году в Ленинграде, израильский поэт и прозаик, автор песен, редактор литературного журнала «Биглаль», популяризатор лингвистики, постоянный автор нашего журнала,

Дед мой Фриц и папа – Фриц.

Я живу, упавши ниц.

...Говорят, что звучит голос Брехта, Ремарка и Гессе.
Говорят, что немецкий язык – не антоним свободы,
что не все принимали участие в бешеном бесе,
что виновными могут быть люди; не могут – народы.

Только сердце никак не даёт откреститься от швали.
Только совесть никак не отстанет, пока не в могиле.
Вот умру и рожусь. Скажем, русским. Они ж воевали
против нас. Против них. Против этих. Они ж победили.

Муха плавает в вине.

Я родился. Нет войне.

Мой язык – язык врага.

У меня растут рога.

Нет войне, стране и мне.

Да – сжигающей вине.

Я виновен. Не дано
знать, где муха, где вино.

И неважно. Я – война.

Дальше – тишина.

25.7.2024

Одна буква

Сегодня в селе Блажово

шестнадцать градусов тепла.

Малооблачно, небольшой дождь.

Хорошая погода

наблюдается в селе Блажово

Рокитновского района

Ровенской области.

Об этом сообщает интернет-сайт «Погода Украины».

В то же время

на неофициальном сайте села Блажово

идёт голосование:

привлекательно ли село для туристов?

Красивы ли местные девушки?
Развиты ли в нём спорт, религия и традиция?

На другом сайте
можно посмотреть на карту села Блажово:
на ней указаны все библиотеки, театры,
архитектурные и культурные памятники села.
Таковых нет.

А между тем
раньше это было Блежово.
Представляете себе?
Разница всего в одну букву:
переименование прошло легко и безболезненно.
Впрочем, Блежово иногда писали и так:
Ближово.

Какая разница?

Но в те времена,
когда Блажово было Блежовым (или Ближовым),
там таки была библиотека,
и не одна:
русская библиотека – в доме Ицхока Блежовского,
дяди моего дедушки,
и еврейская – в доме моего прапрадеда Иосифа.

По переписи 1897 года
в Блежове было 62 еврея на 565 неевреев.
565 неевреев хорошо относились к 62 евреям
и считали, что они приносят им счастье.

По пятницам моя прапрабабушка Одл
стояла на перекрёстке дорог
и зазывала гостей:
вдруг кому-нибудь надо встретить субботу,
а негде?

В подвале у моего прадеда Янкива
стоял жбан с компотом.
Жбан – это такой большой сосуд.
А в Википедии говорят, что небольшой.
Но тот большой сосуд, который стоял
в подвале у моего прадеда в Блежово,
называли жбаном,

и мой дедушка говорил «жбан»,
потому и я говорю «жбан».
И верю, что компот был вкусный.

По переписи 1921 года
в Блежове проживал 101 еврей, что составляло 12.3% всего
населения.

Все они происходили от моего пра-пра-пра-прадеда,
Юдла-чудотворца.

(Я пересчитал на пальцах все «пра»,
потому что ошибиться жалко,
а поправить некому).

11 сентября

1942 года

их всех расстреляли:

дедушкиного брата с женой и детьми

и дедушкиного двоюродного брата с женой и детьми

и всех остальных, кто там оставался.

Поэтому в Блажово

(в которое превратилось Блежово)

нет ни одного еврея.

Мой дедушка в это время

отсиживался в окопе

на Невском пяточке

и остался в живых

(осколок гранаты у сонной артерии – не в счёт).

Он умер в Израиле в январе 1978 года.

Что ни говори, а тридцать шесть лет жизни он выиграл.

Со спутника можно посмотреть на Блажово.

Современная технология это позволяет.

Его координаты: «51°25'29» северной широты,

«27°20'32» восточной долготы.

Я смотрю на Блажово

сверху

через спутник

и вижу его таким,

каким видят его сейчас жители Блежово

сверху

без спутника,

попивая вкусный компот
из жбана моего прадедушки.

12.04.2010

Солдатам

Спасибо солдатам советским:
грузинам, татарам и русским.
Спасибо солдатам немецким:
австрийским, саксонским и прусским.

За то, что приказы поспешно
и днём исполняли и ночью:
советским – за то, что успешно.
Немецким – за то, что не очень. За штурм, за поход, за разведку –
почище любого экстрима.
Советским – за выстрелы метко.
Немецким – за выстрелы мимо.

За то, что сквозь бури и беды
прошли те года роковые.
Советским – за то, что с победой.
Немецким – за то, что живые.

«Кощунство, – вы скажете громко.
– Дурная насмешка. Посмей-ка!»
А я отведу вас в сторонку.
Я вам укажу на скамейку.

На ней – старики-ветераны
спокойно сидят: те и эти.
Их в битву пославшие страны
уже не найти на планете.

Пускай не чисты, как младенцы –
вояки, не ангелы Божьи:
но те – не сгоняли в Освенцим!
Не эти – морили в Поволжье!

Откуда им знать в сорок первом,
кто лживее – Гитлер ли, Сталин?
Им правнуков нянчить теперь бы.
Они не из стали. Устали.

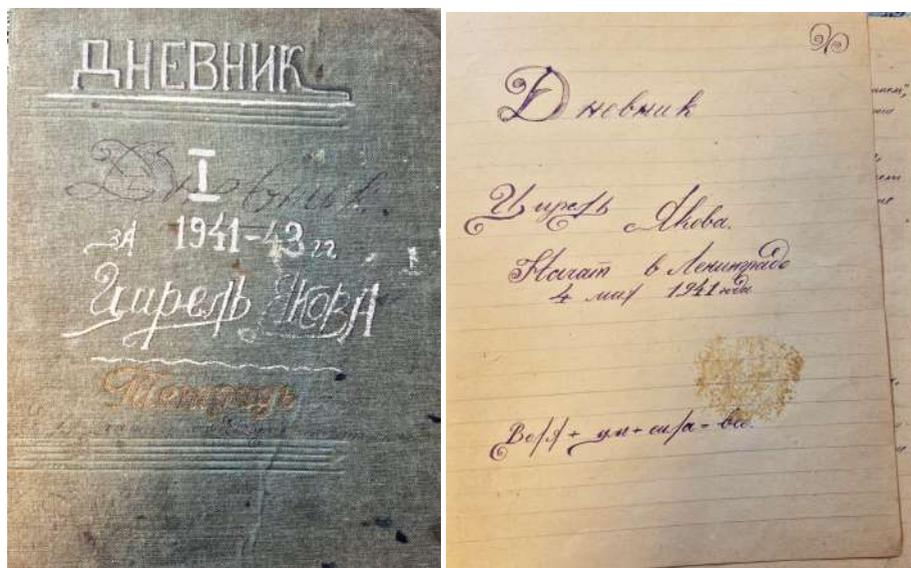
На сто миллионов осколков
разбита – по дольке на брата –
неправда мельчает настолько...
...да нет, не настолько, как правда.

Спасибо солдатам советским:
евреям, киргизам, аварцам.
Простите солдатам немецким:
вестфальцам, тирольцам, баварцам!

9 мая 2011

 Эли Бар-Ялом. Солдатам. Аудиозапись.mр3

**Дмитрий Северюхин²⁴.
Дневник ленинградского подростка.
1941 год (фрагменты)**

«Несчастлив, кто тревожится грядущими бедами» /Сенека/. Такой провидческий эпиграф предваряет дневник моего отца, начатый им 4 мая 1941 года, через два дня после того, как ему «стукнуло» 14 лет. Дневник этот вёлся потом отцом восемь лет вплоть до мая 1949 года, когда начавшаяся семейная жизнь и напряжённая работа уже не оставляли ему времени для уединённых вечерних размышлений. Он писал бисерным, почти каллиграфическим почерком, абсолютно без ошибок и с минимальным количеством исправлений – искусство, которое оказалось недоступным его внукам и правнукам.

Мой отец, Яков Аронович Цирель родился 2 мая 1927 года в Сумской области Украины, но с раннего детства жил в Ленинграде, в просторной и богато обставленной квартире с большой библиотекой в старинном доме на Сампсониевском проспекте (тогда проспекте Карла Маркса), напротив Военно-медицинской академии (ВМА). С этим учреждением тесно связана жизнь его отца – моего деда – комбрига Арона Яковлевича Цирель-Спринсона, сведения о котором можно найти в Википедии. ВМА

²⁴ Дмитрий Северюхин родился в 1954 году в Ленинграде. Советский и российский историк русской культуры, петербургский краевед, художественный критик и поэт. Член Санкт-Петербургского Союза художников и Санкт-Петербургского союза писателей. Доктор искусствоведения. Постоянный автор нашего журнала.

закончила (одна из немногих женщин) и мать моего отца Тамара Ильинична Каплунова, родом из дворян, смолянка.

Яков Цирель провёл годы войны в эвакуации в Самарканде и, готовясь пойти на фронт, экстерном окончил школу, сдав экзамены сразу за два последних класса. Однако 18 лет ему исполнилось только в мае 1945 года, и воевать ему уже не пришлось. После войны он окончил Ленинградский Политехнический институт и стал известным инженером-практиком и учёным, автором многих изобретений, статей, книг и учебных пособий по вопросам высоковольтной электротехники. Скончался мой отец в Санкт-Петербурге в 2006 году и был похоронен на Богословском кладбище рядом с женой Нинель Васильевной Северюхиной, крупным специалистом в области электронных компонентов. Ниже публикуются с небольшими сокращениями страницы дневника четырнадцатилетнего подростка, посвящённые его впечатлениям от первых военных недель 1941 года – от 22 июня до его отъезда в эвакуацию 4 августа. Я убрал только лишние семейные подробности, а также аккуратно переписанные автором стихи и литературные цитаты, фронтовые письма к нему отца и тщательно перерисованные документы, в том числе продуктовые карточки.

Дневник:

22 июня

Сегодня в 4 часа утра Германия объявила войну СССР. Бомбардировке подверглось 3 города – Киев, Могилев и Гомель. Киев громили 2 часа подряд. Войны ожидали давно и давно к ней готовились. Против нас, как выяснилось из выступления Молотова по радио, выступили Румыния, Швеция, Норвегия и Финляндия. Ходят слухи о заключении мира с Англией. Немцы взяли Каунас. Сегодня весь день летают самолёты – военные.

Мы укладываемся, чтобы можно было всегда уехать [с дачи] в город.

23 июня

Против нас выступила Англия. Вчера в 12 часов ночи Молотов опять выступал по радио, предлагая всем вывозить детей из Ленинграда в провинцию, т. к. ему всё равно не устоять, что наши разбили 2 дивизии. В Посёлке копают окопы. Жду письма от мамы. Что то будет? Собираемся ставить радио. Над Ленинградом сбито 64 германских самолёта. Говорят, что немцы бомбардировали Кронштадт и Выборгский район.

Дима [двоюродный брат; он погибнет в Блокаду] с боем добыл газету. Англия и США за нас. Германская война продвинулась на 10–15 км от границы. Ходившие слухи о занятии Каунаса не оправдались.

Опять появились очереди за мылом, солью, хлебом. Стоишь по 6–7 часов.

25 июня

Вчера 8-часовым поездом мы уехали в город. Очень тревожное положение. Слухи всё врут. Ночью Молотов не выступал, о сдаче Ленинграда нет и речи. Бомбили лишь Дибуну.

Все ребята из лагеря возвращаются в город. Мама отправляет меня к бабушке. Папа уезжает в Минск. Мама плачет.

26 июня

В городе было днём две тревоги. Бывают и ночные. По тревоге бежали на двор – кто в бомбоубежище, кто в траншеи. Самолёты летают всё время. Бьют зенитки. Город окружён кольцом аэростатов заграждения. Я хожу с противогазом. К тревогам несколько привык. В траншею иду с книгой. <...>

29 июня

Въезд и выезд в Ленинград возможен лишь по ленинградскому паспорту. Город наполнен диверсантами. Их вылавливают, но это не помогает. Дети помогают. Если увидят подозрительного человека, требуют у него документы. Никто не протестует.

Образуются дружины из детей старше 16 лет. Приготавливают мешки с песком. Окна заклеены бумажками.

Военные объекты закамуфлированы. За городом и в садах лежат аэростаты заграждения. Вчера папа прислал телеграмму. Всё благополучно. Он в Смоленске.

Мама дала мне 300 рублей и медкарту. Плачет. Эвакуацию пока держат в секрете. Тётя говорит, что детей увозят, чтобы не подвергать их лишениям. О сдаче Ленинграда нет и речи. В первую очередь увозят ясли, детские сады и т. п. Устроены радиопередачи на немецком языке. Пока их не слышим. В городе паники нет. Всё спокойно.

Указ о сдаче радиоприёмников в городах Ленинград, Пушкин, Петергоф, Колпино, Кронштадт в целях предупреждения использования их в антисоветских целях. Возвращены будут лишь по окончании войны. Держать их можно лишь предприятиям и слушать только в определённые часы. Бомбоубежищ мало. На все наши квартиры их только одно.

Дима говорит, что сегодня в детских магазинах творилось что-то ужасное. Позваны были отряды военной милиции. Всё это потому, что сегодня было объявление об эвакуации.

30 июня

Завтра – первый день сдачи радиоприёмников. Завтра же я еду в Боровичи. <...> Мама сшила мне мешок с ляжками для вещей. Те вещи, которые не поместятся – зимняя одежда и др. идут в большой тюк.

Вчера образовался финский фронт – от Петсамо до Выборга. Пока немцев и финнов бьют.

Подведу итоги на «польском» фронте: немцы заняли Каунас, Брест, Белосток, Вильнюс, Гродно, Ломжу, Каунас и др. Фронт приблизительно идёт так: Шауляй, Каунас, Вильно, Лида, Волковыск, Брест-Литовск. Фронт от Пермышеля до устья Дуная идёт по границе.

Передачи по радио, кино – всё о войне. Особенно с немцами. Идёт «Александр Невский», «Пётр Мамлок», «Семья Оппенгейм».

Немцы везут в обозе «русских царей»: мужа дочери великого князя Константина (сына бывшего германского кронпринца) и её брата.

1 июля

Вчера создан Государственный комитет обороны – в его руках сосредоточена вся власть в государстве. Председатель – И. В. Сталин, зам. пред. – Молотов В. М., члены – тт. Ворошилов К. Е., Маленков Г. М., Берия Л. П. <...>

2 июля

Я еду с Академией – это уже решено. Вчера уехал наш детсад. Мы уедем между 3–8 июля.

Немцы взяли Львов.

Вокзалы (особенно Московский) наводнены отъезжающими. Люди стоят на буферах и между ступенек лестниц соседних вагонов. <...>

Мания преследования диверсантов достигла апогея. Ловят самых безобидных граждан. Ходят анекдоты про шпионов. Одного, например, одетого в милиционерскую форму, поймали потому, что он вошёл в трамвай с задней площадки и купил билет, – наши милиционеры, как известно, не снисходят до этого.

Интересно сравнить довоенные и военные анекдоты о Гитлере.

Довоенный:

Рузвельт, Чемберлен и Гитлер, чтобы узнать, кто из них выиграет войну, позвали седобородого мудреца. Сей мудрец поставил в комнату большой аквариум, наполнил его водой и запустил туда щуку, сказав:

«Щуку эту зовут Победа». Чемберлен засучил рукава, поставил цилиндр на стул, поплевал на ладони и начал охоту на рыбу. Но попытки его оказались пустыми, как и попытки Рузвельта, – щука выскользала из рук. Джентельмены разобиделись и ушли. Тогда Гитлер вытащил из потайного кармана ложку и принялся вычерпывать воду. Пока он ловил Победу, Молотов разжигал примус.

Военный:

В Берлине искали гадалку. Искали, выбивались из сил – шутка ли, сам фюрер просил погадать! Гитлер не позволял гадать по линиям своей руки, он не хотел показывать кровавую лапу, а кроме того, линия его жизни была слишком, ужасно короткой, по мнению этих гадалок. Наконец, нашли ворожею, не очень оглохшую от английских бомб и в которой, даже после германского пайка, оставалась искра жизни, достаточная для одного сеанса.

«Кто ты?» – спросила гадалка.

«Я желаю сохранить своё инкогнито», – ответил Гитлер.

Ворожея заварила суррогат кофе, от которого, едва он закипел, пошло омерзительное зловоние, и задумалась.

«Какова же твоя профессия?»

«Я шофёр», – ответил, подумав, Гитлер.

Гадалка принялась считать пузыри в своём котелке с суррогатом. После томительной паузы она изрекла: «Тебя ждут три большие неприятности: во-первых, у тебя не хватит горючего; во-вторых, твоя машина налетит на каменную стену и разобьётся; а что хуже всего – у тебя отнимут краденые шофёрские права».

3 июля. Сегодня весь день передавали речь Сталина о войне с Германией. Когда мы слышали голос И. В. (в 6-30), разобрать было ничего нельзя, и поняли мы смысл речи лишь тогда, когда диктор прочёл текст.

Из речи Сталина выходит, что немцы заняли всю Западную Белоруссию, часть Западной Украины и значительную часть Латвии. Он говорит, что эта война последняя, решительная – дело идёт о том, быть или не быть советским народам свободными. Он говорит о том, что надо организовать партизанскую войну, угонять скот, всячески вредить фашистам. Это война не двух народов, а война двух обществ – фашистского и социалистического. В этой войне мы не будем одиноки – все народы образовали единый фронт против фашизма. За нашу победу! По академической сети передали, чтобы родители готовили анализы и

школьные медкарточки – завтра осмотр и комплектование. Получили второе письмо от папы (первое – телеграмма).

9 июля

Вчера было 3 тревоги. Прочёл книгу Бомарше «Безумный день или женитьба Фигаро»:

1). Gaudeant bene mote (лат.) – Да здравствуют счастливо рождённые.

2). Оробей, смутись – курица обидит.

6 июля <...> На углу Литейного и Кирочной увидел интересную выставку плакатов, перед которой стояла толпа. Вверху шла серия рисунков к стихотворению, по рисунку к каждому двум строчкам:

Били рыцарей на льду,
Били Фрица на ходу,
Били с треском, били с жаром
Мы Брусиловским ударом.
Знатно всыпали по чину
За Донбасс и Украину.
Долго Гитлеру не жить:
Били, бьём и будем бить!

10 июля<...> Ходят слухи о том, что Гитлер обещал 9–10 июля этого года осадить Ленинград, а к 15-му приказал заварить здесь для него чай. По-видимому, этим и объясняются многочисленные и частые – одна за другой – тревоги (сегодня их было уже три).

<...> В последнюю неделю школьной учёбы стало известно об отправке немцами в Финляндию войск. Этому посвящались митинги.

11 июля

На чердаке лежат мешки с песком и стоят старые ванны, наполненные водой – это устроили ребята и некоторые женщины. Вёдра с водой и мешки с песком стоят у дверей всех квартир. <...>

12 июля

<...> На болгаро-турецкой границе происходит движение немецких войск. Назначены командующие фронтами: сев.-зап. – Ворошилов, зап. – Тимошенко, юг-зап. – Будённый. <...>

ВМА [Военно-медицинская академия] уезжает. Куда и когда – неизвестно. Вольнонаёмных не берут. В первую очередь едут семьи мобилизованных. Эвакуация производится потому, что тревоги мешают учёбе. Пока всё это – в августе. В Академии план ПВО меняют каждый

день. Никто толком не знает, в чём заключаются его обязанности. У некоторых калиток никто не стоит – проходи, кто желает. На штабе был замечен сигнализирующий кому-то неизвестный. Так комендант узнал об этом через несколько дней, да и то случайно – дежурные ему не сообщили. Мама рассказывала, что Минск ещё не взят, но весь фронт горит. Немцы после двух дней остановки снова начали движение.

В Москве также происходит эвакуация. Недавно поймали рыбакова, опускавшего под воду светофоры – для сигнализации самолётам.

13 июля

1-30. Только что была тревога. В 3 часа передали по радио о заключении вчера договора между СССР и Англией о совместных действиях против Германии. Подписали г. Криппс и т. Молотов. Договор вступил в силу с момента подписания. В 5 часов была вторая тревога. Вражеских самолётов не видно. В траншеи идёт человек 6–7, столовка уже в бомбоубежище, а остальные питаются в вестибюле и дома.

Ночью из Москвы звонил наш сосед, уехавший на фронт 12-го, и вызывал свою жену. В Москве паника ещё больше, чем тут.

<...> Во дворе Мраморного дворца – бомбоубежище, в саду Музея Ленина – эвакуационный пункт. Провожающие толпятся на набережной.

14 июля

Вчера закончены военные действия в Сирии. В 2 часа была тревога. За 5 минут до её конца всех бывших в траншее (10 человек ребят), по причине дождя перевели в бомбоубежище. Каждый день по радио передают радиохронику – передачу о войне с Германией, большей частью юмористическую. Читал Вудхауза «Левша на обе ноги». Mens sana in corpore sano est – в здоровом теле здоровый дух.

<...>

В книжке Конан-Дойля нашёл французскую поговорку: «Magna est veritas, sed rara» («велика истина, да редка»).

<...>

Дачные поезда загружены людьми, отбывающими трудовую повинность – они едут то на работу, то с неё. Ходят слухи, что в германском воздушном флоте лётчики – мальчишки 15–16 лет. Они-то и хулиганят, стреляют в женщин и детей. Вчера не было ни одной тревоги.

Говорят, что бежавших из Ленинграда и др. городов кормят плохо – в деревне самим есть нечего. Трудовые дни оплачиваются осенью.

18 июля

С сегодняшнего дня вводится продажа по карточкам: хлеба, хлебобулочных изделий, муки, крупы, макарон, сахара, кондит. изделий,

масла животного и растительного, маргарина, мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов, хлопчатобумажных тканей, швейных, трикотажных и чулочно-носочных товаров, кожаной и резиновой обуви, мыла хоз. и туалетного. Производится кое-где торговля без карточек, но по повышенным ценам. На колхозных рынках торговля будет производиться в обычном порядке.

Это правильно, а то в деревнях так хлеб сушат и закапывают в землю. На полях стоит масса столов с сухарями.

Вчера в последний день свободной продажи стояли громадные очереди. Не то что хлеба – не было конфет, пирожных, которые покупали редко. Мы уложили лучшие книги в ящик, чтобы они не стали так бросаться в глаза вора. Тюки готовы.

<...>

Получили письмо от папы (3-е, считая телеграмму). [Переписано письмо, отправленное 5 июля из Могилева]. Письмо шло 13 дней. Вечером телеграмма от папы из Могилева: «Здоров. Всё в порядке».

<...>

Вчера, когда уже выдали карточки, в магазинах было много всякой всячины, а покупатели отсутствовали.

<...>

Рассказывают, что немцы умеют сеять панику. Благодаря панике они заняли половину Риги. С эвакуацией ВМА устроили страшную панику. Когда едем и едем ли вообще – неизвестно.

<...>

Рассказывают, что эвакуированные ребята хулиганят – пьют водку и курят. Один мальчик не вынес этого и ушёл. Он шёл пешком и дошёл до Ленинграда через несколько дней.

20 июля

Стоят громадные очереди (несмотря на карточки), т. к. не хватает продуктов – всё увезли уехавшие.

Заключили договор с Чехословакией о совместной борьбе с фашизмом. Наркомом обороны назначен Сталин. Тимошенко – его помощник.

23 июля

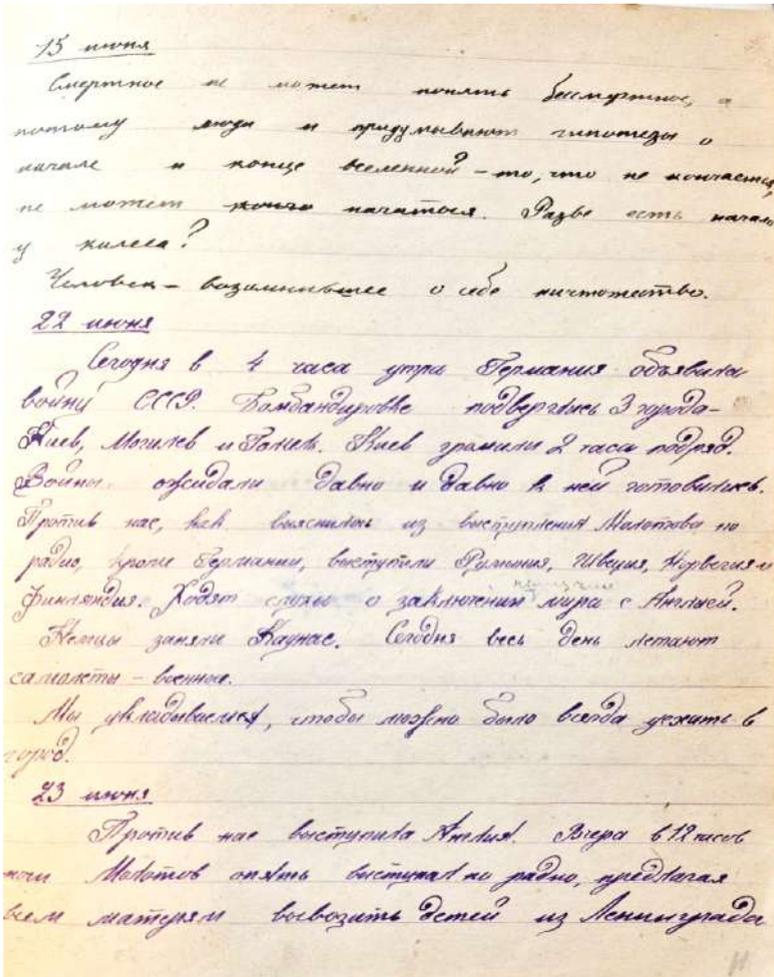
Памятники засыпают землёй и закрывают дёрном – Медный всадник, Ленин на броневике – теперь это зелёные холмы. Ши Цза сняли с пьедестала и спрятали. Вчера в 22 часа смотрел, как поднимают аэростаты. Всё небо было ими закрыто.

4 августа

В эвакуопункте очень хорошо. Нам предоставили комнату с 5 кроватями – на случай ночлега. В столовой очень хорошо накормили. Узнали, что поезд отходит в 19.20, сегодня. В 18.00 загрузили вещи и выехали автомобилем до [Московского] вокзала. Выезжаем в Славгород (Алтайский край).

<...>

Мама провожала и расплакалась, только когда уезжала.

Моисей Борисович Язмир²⁵. О пережитом

Война 1941–1945 годов. В тылу

Эти воспоминания были написаны папой, очевидно, незадолго до его кончины 4 августа 1969 года – скорее всего, в начале 1969-го года. Стилль сочинения я сохранил полностью, так как он передает не только колорит, но и звук его речи. Некоторые дополнительные слова, улущающие понимание текста, я вставил в скобки.

Папа, Язмир Моисей Евель Беркович, родился 27 марта 1899 года в городе Витебске, вероятно, в бедной мещанской семье. Он закончил всего два класса хедера. Он обладал неплохим голосом и пел в синагоге. После учебы работал подмастерьем у портного и выучился у него шить, главным образом, мужскую одежду. В 1918-м году он женился на бедной, но красивой 17-летней девушке, Оде Абрамовне Таубинской. Молодожены много мытарствовали в годы революции и гражданской войны в России. В 1921 году у них родился первенец, Абрам. В 1926-м – Лева, в 1931-м – Меер. Кроме того они родили еще двоих детей, которые рано скончались.

Старший сын, Абрам, был призван в Красную Армию в мае 1941 года, и попал на фронт в начале войны 1941–1945 годов. С началом войны семья была эвакуирована в Саратов. Описание эвакуации и мытарств эвакуированных людей, хорошо передано в кратком папином очерке.

Михаил Язмир.

В 1941 году, 4-го июля мне вручили повестки²⁶, разносить их по городу Витебску. Летали немецкие самолеты.

Когда я вернулся домой, то из моей семьи никого не застал. Они (ушли на товарную станцию) и погрузились (там) в вагон (подготовленного для эвакуации (состава) и ждали меня.

Из дому (из Витебска) мы выехали 4-го июля. Наш состав провожали наши самолеты до Смоленска и (там мы) остановились. А когда состав стал отъезжать, мы увидели (как) издалека летели немецкие самолеты к нашему составу. Но разбомбить (нас) им не удалось. (Одна) бомба упала на бензиновый бак (на станции), где вспыхнул пожар, и машинист быстро

²⁵ Публикация Михаила Язмира. Михаил родился в 1931 г. в Витебске. окончил Саратовский университет, работал геологом до отъезда в Израиль в 1995 году. Талантливый писатель, постоянный автор нашего журнала.

²⁶ Разносить повестки – единственный способ быстрого оповещения людей о мобилизации, когда не было телефонов.

угнал поезд, и мы (через некоторое время) остановились, ибо ехать дальше (было) невозможно. Надо (было) исправить (железнодорожную) линию...

Из Витебска до Саратова мы ехали восемнадцать суток. По дороге у нас умерло много детей...

В Саратове нас определили (для проживания) в клуб (Саратовского) трамвайного парка. (Там), где мы находились, был большой зал. Но людей поместили больше, чем площадь разрешала. Нас было (около, или больше чем) сто человек всех возрастов – мужчин, женщин, юношей, девушек, детей. Спали мы все на полу...

С. ф. (С фабрики, из Витебска) с собой мы привезли много материала (тканей), а также машины и прочее для постройки (новой) фабрики. И в течение двух недель мы сумели в помещении (саратовского) крытого рынка (на втором этаже) построить (другую) фабрику...

Работали по 12 часов и больше. Вся продукция, которую фабрика выпускала, была только для фронта...

А жизнь становилась с каждым днем (все) хуже и хуже, (в смысле) что зарплата, которую мы получали за месяц, то (на нее) можно было прожить (только) неделю...

В клубе трампарка мы находились три месяца. Спали и ели, как на вокзале. Отвыкли от кроватей и от всего, чем человек (обычно) пользуется – без стола и без стульев...

В ноябре 1941 года, когда стали эвакуировать немцев Поволжья, стали освобождаться квартиры. Нас (эвакуированных) стали размещать по квартирам и домам²⁷. Дали на двух человек одну кровать. Так как у нас было четыре человека, мы получили две кровати на выплату (с оплатой в рассрочку).

(В) комнате, которую мы получили, было 8 (квадратных) метров площади. Она (ранее) принадлежала дворнику и уборщице. Там (даже) сохранился инвентарь для уборки двора. Но мы считали, что для нас (и) это счастье, ибо нашему сыну было хуже, ибо он находился на передовой, защищая Сталинград (от немцев).

²⁷ Стали размещать по квартирам и домам... Дворницкая, куда поместили эвакуированных, не была ни квартирой, ни, тем более, домом. Дома изгнанных немцев Поволжья скорее всего достались саратовским аборигенам, а не эвакуированным рабочим. Разве что кто-то из инженеров получил более-менее сносное жилье. Хотя все равно – спасибо за крышу над головой...

Саратовский городской рынок («Крытый рынок»). В нем, на втором этаже, были размещены цеха эвакуированной в Саратов витебской швейной фабрики «Знамя индустриализации»

Наступила зима. В нашей комнате печь отсутствовала. Нечем обогреться. Приходя с работы, приходилось, не раздевая пальто ложиться отдыхать...

Однажды заходила (к нам) соседка, Мария Хазанова, и говорит нам:

– Вы же здесь замерзнете! Я вам дам керосинку и вам станет теплее.

А вторая соседка, Нюра Ходакова, принесла керосин, лампу (керосиновую) и пару табуреток. Мы были благодарны за их теплое отношение к нам...

Но погода – наступили холодные дни, и мы (по-прежнему) все говорили, что (нам) лучше, чем нашему сыну на фронте... Но вот однажды заходит к нам сосед, который жил за стеной, и говорит:

– Как вы будете здесь зимовать? Ведь вы замерзнете! Я хочу вам помочь. У нас на работе есть печник, а ломаных кирпичей мы найдем. Надо поставить маленькую печь...

Мы обрадовались. Он (сосед) служил в МГБ. (Таким образом), несмотря на площадь (комнаты), маленькую – (всего) 8 метров, и нас четверо, но печку поставили. (Мы) кое-как нагрелись...

А на фронтах дела были неважные. На фабрике приходилось работать по 12 часов и больше, чтобы одеть нашу армию. А жизнь

становилась все хуже и хуже. Хлеб мы получали по карточкам. 400 грамм (на работающего). Трое у нас работали – это я, жена и пятнадцатилетний сын. А на меньшего сына получали 250 грамм. Всего получали 1 кило 450 грамм. Все остальные продукты приходилось покупать на базаре, (несмотря на то,) что наш заработок был очень мизерным. Стакан пшена стоил 30 рублей, хлеб кирпич – 100 руб., масло 1 кил.– 1000 руб. и т. п. Мы голодали. Приходилось (употреблять в пищу) разные отходы: кожуру от картофеля, колоб(жмых подсолнечника) и др. Вследствие этого наш меньший сын заболел. (С диагнозом) «истощение» его направили в больницу, и там он находился два месяца. Оттуда он не хотел идти домой.

А однажды нам по карточкам отпустили кух. Это вроде пирога. И шоколада вместо сахара. Жена мне говорит:

– Вот этот паек, и что-нибудь добавим – и отошлем сыну на фронт. Это было в 1942-м году, а он тогда находился на Сталинградском фронте, на передовой. Решение было принято, и (мы) отправили на фронт две посылочки...

Ждем извещение (о получении), а извещения нет и нет. Мы стали (беспокоиться) думать – ли он жив? Ведь сын наш находился на передовой позиции. Через некоторое время, мне пришлось побывать в военкомате. (Там) я встретил товарища нашего сына по фамилии Захаров, который еще вместе учился (с сыном) в авиационном училище. В сорок первом году их перевели в противотанковую артиллерию. Они служили в одной бригаде. Я был очень рад этой встрече. Когда (я) стал спрашивать про нашего сына, он ответил:

– Когда меня ранили, он попрощался со мной, и на глазах его слезы выступили, и он ушел (на позицию).

Я стал расспрашивать – может быть, он убит? Захаров мне ответил, что храбрых не убивают, и он жив. Я пригласил его к нам (в гости) до отправки в часть...

В сорок втором году, когда наша армия разгромила немецкую армию, то в январе месяце получили телеграмму, что сын находится в городе Вольске в госпитале. (Он) ранен.

Радость наша была велика. Директор фабрики (пошел навстречу) и выписал мне командировку в Вольск для получения военной продукции и, заодно, наведать раненого сына, которого считали погибшим.

Часть продукции я получил, но сына в госпитале не оказалось. Там уже находились раненые немцы... Я обошел все двенадцать госпиталей и (сына) не нашел...

Придя на квартиру (где я остановился), я почувствовал себя плохо, (напереживался,) простыл, температура у меня (поднялась) до 40 градусов. Всю ночь не спалось. Я думал – как это может быть, чтобы не было известно, куда выбыл человек?

(Но) на следующий день я узнал в Управлении госпиталей, что сын наш отправлен в глубокий тыл, поскольку у него тяжелое ранение...

Когда я вернулся домой, (то) старался успокоить мать (от известия о ранении сына) и (мы) стали ждать вторичное извещение...

А жизнь становилась все хуже и хуже. Однажды нам (на работе) поменяли смены, то есть я должен был выходить на вторую смену. Когда я вернулся с фабрики домой, уже было два часа ночи. И (тут) жена мне рассказывает о внезапном наводнении в нашей комнате, (о том) что лопнул водомер, и вода хлынула фонтаном. Прибежали все соседи с разным тряпьем, чтобы задержать воду, но ничем не могли помочь до тех пор, пока не закрыли уличный водомер. Все (намокло), что было в комнате, а просушить не было где... Но все же мы считали, что нам лучше, чем нашему сыну, который лежит в госпитале с тяжелой раной...

Спустя некоторое время получаем письмо от сына из госпиталя. Но почерк не его, а пишет его товарищ, что не беспокойтесь, ваш сын находится со мной в одной палате. Когда ему представится возможность, он сам напишет...

А на фронте стало веселее. Враг стал отступать. Для обеспечения фронта потребность в снаряжении для фронта стала больше. Чтобы выпускать шинели, гимнастерки, брюки, телогрейки и прочие изделия, приходилось работать усиленно...

Через некоторое время получаем письмо от сына из госпиталя. (Пишет), что ранен и нахожусь на излечении. (Наша) радость была безграничной, что наш сын жив! Пишет ему (за него) товарищ по палате. Но какое ранение – не указывает, чтобы не огорчать родителей.

В 1943-м году в Саратове открылся Белорусский железнодорожный техникум, и прием производился для юношей Белоруссии. Средний сын, который работал с нами на фабрике, взял перевод в техникум. Ему было 16 лет. Экзамен он выдержал хорошо и учился хорошо. Однажды приходит из техникума и говорит мне, что в наш техникум приходил из военкомата представитель, (чтобы) набрать юношей для танкового училища, и я и еще ребята дали согласие. Мы (родители) ему ответили, что техникум выпускает для родины нужных людей для транспорта, и вам дают отсрочку от военной службы. На этом наш разговор был окончен. Через некоторое время, когда находились на фабрике, вызывают нас к

телефону из военкомата. (Средний сын сообщает), что родители, не огорчайтесь, я принят в танковое училище.

Время (было) тяжелое. На фабрике приходилось усиленно работать. Все для фронта, а жизнь становилась все хуже. Меньшему сыну, которому было одиннадцать лет, поручали получать по карточкам хлеб на троих 1 кило 50 граммов. Пока, бывало, принесет, то половину съест. Но мы его не ругали. Учился он в школе хорошо, несмотря что недоедал. Выглядел он страшно. В школе его осмотрел врач и назначил на усиленное питание, и мы очень обрадовались, что спасем его от голода.

Дела на фронте улучшились. Враг стал отступать с большими потерями в живой силе, а также в технике. Это радовало сердце. Наступил 1944 год. Время тяжелое. Голодаем. Курсанта нашего не видать. Мать говорит, что надо пойти в танковое училище, навестить его, (узнать – как у него) здоровье. (Однако училище находилось) далеко от нас. Чувствовал я себя плохо. Когда (наконец) пришли (на место), кто(-то) сказал, что они (курсанты) уехали на лесозаготовки. И ушли мы домой.

На обратном пути я еле дошел до дому. (У меня были) сильные боли в животе. Ночью скорой помощью меня отправили в 1-ю Советскую больницу. С утра меня оперировали. (Как) оказалось (, у меня

был) заворот кишок. Положение наше еще хуже стало. Врач сказал жене, что операция была сложная, и организм у него истощенный. (Для выздоровления) потребуется усиленное питание. На следующий день пришел хирург, проверил меня и сказал, что у меня воспаление брюшины. (Он) тут же велел лед класть (на живот). Жене он сказал, что больной я тяжелый, будем надеяться, что все будет хорошо. Но мать успокаиваться не может. Они (с меньшим сыном) остались вдвоем, и (мать) говорит ему, что пойдём в танковое училище (к среднему сыну). Может быть, он уже приехал, и мы ему расскажем, что отец находится в больнице (и) что его оперировали. Они (с меньшим сыном) пошли (в училище) пешком – трамваи не ходили. А когда пришли в училище, (то) разузнали, что он никуда не уезжал и находится в больнице при училище на

выздоровлении. У него была дизентерия. Жена получила пропуск, чтобы повидаться. Выглядел он страшно...

Через несколько дней он пришел ко мне в больницу навестить меня. Сам он выглядел плохо, поговорили мы немного, и он ушел в училище.

Жена через день приносила мне передачи – то, что мне было необходимо. Я знал, что у нее денег нет для того, чтобы меня поднять с больничной кровати. Но она боролась. Продала все, что у нас было. Сама стала неузнаваемой. Однажды приходит ко мне в больницу с хорошей передачей. Я стал спрашивать – где ты (столько) денег взяла? Она показывает мне телеграмму, что получила из Перми от сестры пять тысяч рублей. Кило масла стоило 1200, (подобные цены были и на другие) продукты питания. И это была неожиданная для нас большая поддержка. После шести недель меня выписали из больницы.

И вот я уже дома и читаю от раненого сына письма (о том), что после семимесячного лечения ему назначили (отправиться) в выздоравливающую команду обучать молодых солдат, а потом – на фронт. (Он пишет) – не беспокойтесь, враг будет уничтожен, и победа будет за нами...

Лето 1946 года. Саратов. Слева направо: мама, Миша (Мейка), Лева (приехал в отпуск из Приамурья), папа.

Татьяна Белобородько²⁸. Письмо в Березовку

Мои близкие жили в Новосибирске. Жили, как и все, трудно, бедствовали в войну. Бабушка с младшей – Верой 12 лет, моей мамой, уехали в деревню Березовку – там было немного легче выжить. Тетя Марина (1919 г. р.) всю войну была депутатом горсовета (самым молодым депутатом), занималась устройством эвакуированных, училась в сельскохозяйственном институте, работала. Дедушка был мобилизован на работы на ж. д. Бабушкина сестра Анна работала медсестрой в госпитале, вторая сестра – врач-офтальмолог – всю войну оперировала в полевых госпиталях. Жених тети Марины Григорий Ефимович Вагин погиб на фронте в 1943 году, она так и не вышла замуж – хранила верность.

В целом все, как у миллионов советских людей, преодолевших страшную беду и победивших.

Татьяна Белобородько

Ноябрь 1942 года

Дорогие мама и сестренка Верочка!

Как вы? Я скучаю, но рада, что вы уехали в деревню, все-таки там легче, наверное. В Новосибирске стало совсем трудно и с дровами, и с продуктами. Но вы не беспокойтесь, у меня еще осталось немного картошки из той, что привезла Верочка. Мама, очень прошу, больше не отпускай ее одну ехать сюда. Она еще маленькая девочка, и мне страшно за нее. Так далеко до станции добираться, да и придет ли поезд, и можно ли в него сесть? Обещай, мама, что непустишь.

Позавчера приходил ко мне папа. Редко их отпускают, конечно. Да и добираться далеко. Трамваи почти не ходят. Мужчины все на фронте – и водить некому, и ремонтировать. Папа осунулся, похудел, простуженный. В казармах топят очень плохо. Сейчас папа работает на станции Инская, они разгружают вагоны, что-то строят и ремонтируют. Работа тяжелая, а что они, мобилизованные – старики одни. Папа принес мне немного дров, колдовал с печкой. Все равно плохо топится, проклятая, больше дымит. Так что холодно в моей комнатенке. Но вы не волнуйтесь, все равно я

²⁸ Татьяна Белобородько родилась в 1954 году в Порт-Артуре в семье военного летчика. Живет в Москве. По профессии – архитектор. Занимается живописью и градозащитной деятельностью.

здесь только ночью. Днем в институте, вечером по своим депутатским делам бегаю.

Эвакуированных стало меньше, чем в прошлом году, но все равно очень много проблем. Надо людей устроить, и с одеждой помочь, с работой. Очень меня возмущает, когда некоторые несознательные люди не хотят потесниться и пустить к себе эвакуированных. Мы же все советские люди, как же можно не сочувствовать? Я уговариваю, а иной раз и прямо приходится пристыдить.

Папа сказал, что заходил к тете Ане, проведать. Жалеет ее – одна ведь совсем она, устает очень, целыми сутками в госпитале. Говорит, что раненых все больше и больше. Они, медсестры, с ног сбиваются, врачи все время на операциях. Но это хоть в тылу, а как тетя Рая в полевом госпитале уже полтора года? Ведь и бомбежки, и условия плохие, а ведь работа у нее ювелирная. Скольким раненым зрение спасла своими операциями!

От Гриши с фронта нет никаких вестей. Последнее письмо было давно, еще в августе. Писал, что он теперь зам. командира роты по политической части. Не знаю, где он сейчас воюет. Хоть и нет давно писем, стараюсь не думать о плохом. Но иногда страшно – вдруг представлю, как он раненый лежит на поле боя, замерзает.

Верочка, ты молодец, что хорошо учишься. Сейчас, в трудное для нашей Родины время каждый обязан и трудиться, и учиться с полной отдачей сил! Я рада, что ты подружилась с деревенскими девочками. Не знаю, чем тебе понравился платок? Твоя шапочка была лучше. Но раз уж поменялась – делать нечего, назад требовать нельзя.

Мама, Верочка рассказала, какой красивый наряд по старинной моде – и чепчик, и рубашку – ты сшила новорожденной девочке ваших хозяев. Конечно, теперь вся деревня просит что-нибудь сшить. Жаль, что продали твою хорошую машинку Зингер, все нужда проклятая. Эта машинка совсем не то? Но ты такая мастерица! Я не нарадуюсь на костюм, который ты мне сшила из одеяла, помнишь? На первом курсе я носила его как лыжный. Теперь ношу от него куртку: в ней очень тепло и прилично – никто и не догадывается, из чего она (а может, и догадываются, но не говорят).

Хочу рассказать вам про самое интересное. Недавно для старшекурсников нашего института, которые добровольцами отправлялись на фронт, мы захотели сделать что-то такое, чтобы порадовать их перед отъездом. И вот решили пригласить выступить с шефским концертом самых лучших, самых любимых артистов. Пойти приглашать поручили мне и еще одной девочке с нашего курса.

Сестры Энтус. Вера (слева) и Марина. 1940 г.

Пригласили мы Николая Симонова с его рокочущим голосом Петра Первого из фильма, Сергея Образцова, а еще Бунчикова с Нечаевым. На выступлении артисты были одеты в солдатские гимнастерки. Один громадного роста, другой – небольшого, и когда исполняли шуточную песню «Ах девушки, скажите», зал гремел от аплодисментов. Вызывали их несчетно раз. Решились мы пригласить и народного артиста Советского Союза Юрьева. Поборов робость, мы передали ему просьбу принять участие в концерте. «Ребята просили сцену из «Маскарада», – сказали мы. – Ведь они уезжают на фронт». Глаза артиста потеплели, и сразу как-то он перестал подавлять нас своим величием. КАК они играли с артисткой Вольф-Израэль! Такого потрясающего впечатления я не получала никогда.

Мои дорогие, не волнуйтесь обо мне. У меня все хорошо. Я стала подрабатывать лаборантом в мединституте. Но, мама, не переживай – учебу я не запускаю. Вступая в ряды ВКП(б), я обещала стать

специалистом, и стану им обязательно. Не приносить государству пользу – просто преступление! Целую вас. Мама, береги себя. Беспокоюсь о вас. Впереди долгая зима.

Недавно проходила мимо цирка и вспомнила, Верочка, как водила тебя туда летом 1938 года. Помнишь? Ты была в белом платье и с сумочкой-чемоданчиком, в ней сейчас у мамы пуговицы лежат. Кажется, было это очень-очень давно, так изменилась наша жизнь. Но ничего, нужно терпеть и верить в нашу победу над врагом!

Марина

Борис Полищук²⁹. Сын доктора³⁰

Летом 2005-го года мой друг Александр Семенович Горкин пригласил меня поехать на отдых в небольшой украинский город Винницу. Я согласился.

В гостинице с нас взяли в два раза больше, чем берут с граждан Украины. Напрасно Горкин показывал паспорт, в котором в графе «место рождения» стояла Винница, администратор был неумолим.

– Вы с нас тоже дерете по полной программе, – заявил администратор и посмотрел так, словно мы прибыли из вражеской страны.

Требуемые гривны мы выложили. Получив номер, в утешение себе поговорили о том, что люди, как ни печально, враждуют с не меньшей охотой, чем дружат.

Весь следующий день мы гуляли по городу. Зашли в новый парк, разбитый на месте старого кладбища, сели на скамейку. Могил не осталось, деревья, что пониже, и кустарник вырублены – весь парк был виден насквозь. Беседуя, мы поглядывали на ребятню, которая играла в войну неподалеку от нас. Прячется за деревом малыш с автоматом, вдруг выскакивает из укрытия, широко расставив ноги, корпусом подавшись назад, расстреливает приятелей – автомат стрекочет, мигает красная лампочка на конце ствола.

– Мы тоже здесь играли, – сказал Александр Семенович. – У нас палки были вместо автоматов. Взрослые только успели похоронить погибших и умерших, а мы, пацаны, среди могил начали играть в войну.

– Когда твоя семья вернулась из эвакуации? – спросил я.

– В тысяча девятьсот сорок четвертом.

– Вспомни, как это было, – попросил я своего старшего друга.

Семья Горкиных неплохо жила в эвакуации. Саша любил комнату с железной печкой и погребом, в котором хранилась подмороженная картошка, и саму эту сладковатую картошку любил. Ему нравилось, собирая уголь для печки, разгребать дымящийся шлак возле кочегарки госпиталя, находить кусочки антрацита и бросать их в ведро. Случалось

²⁹ Борис Полищук – прозаик и драматург. Окончил Электротехнический институт. Кандидат технических наук, работал в конструкторских бюро, на заводах, преподавал в школе. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», в альманахах и сборниках рассказов и пьес в России и США. Живет в Хайфе.

³⁰ Рассказ был напечатан в «Звезде» № 5 за 2015 г.

угорать, если слишком рано закрывали вьюшку в печке, но и это было приятно – кто же во время войны остается невредимым? Саша не был ранен, не был контужен, зато он три раза угорал!..

– Раньше были войны? – приставал Саша к маме.

– Были.

– А какая война была до этой?

– Гражданская.

– С кем была Гражданская война?

– Пойдешь в школу, объяснят, – говорила старшая сестра Нина. – А сейчас не задавай вопросов.

Саша думал: войны были раньше, и сейчас идет война, значит, потом тоже будут, ему достанется с кем-нибудь повоевать, но все же лучше бы эта война затянулась, тогда он успеет вырасти и отправить на тот свет сотню-другую фашистов.

Он не видел ничего тяжелого в своей жизни потому, вероятно, что сравнивать было не с чем. Радио в их бараке отсутствовало, в кино они не ходили, о том, что некоторые люди едят не только картошку, носят не ватники, а пальто, он слышал, но, будучи сам не очень правдивым, таким разговорам не доверял.

Возвращались из эвакуации через Киев. Саша увидел, что города нет, остались только загадочные и манящие черные развалины.

Двое детей, Саша и его сестра Нина, сидели на двух фибровых чемоданах неподалеку от разрушенного вокзала. Мама привела тетку в тяжелых мужских ботинках, та отвела Горкиных к пустому вагону, который должны были прицепить к составу, следовавшему на юг. В вагоне было темно и холодно, при свете свечи мама заставила Сашу надеть женскую кофту. Тетка в мужских ботинках принесла чайник с кипятком. Попив горячей воды с хлебом, Саша улегся на деревянную скамейку и заснул, предвкушая дорожные приключения. Проснулся он, когда рассвело, в грязном окне мелькали голые деревья. Тетя Соня, мамина родственница, ехавшая с ними, громко плакала – ночью из-под ее головы был вытасчен один из чемоданов. Кража приписывалась той женщине, что принесла кипяток, она подсыпала порошок, отчего Горкины крепко заснули еще до отхода поезда. Мама, тетя Соня, сестра Нина охали и ахали, а Саша был рад краже: одно дело путешествовать в безопасности и совсем другое – среди воров.

Одноэтажный кирпичный дом, в котором они жили до войны, занял районный прокурор в синем френче и синих галифе. Этот человек имел такой строгий и хмурый взгляд, так неприязненно разговаривал с

вернувшейся из эвакуации семьей майора, что Саша решил: был под оккупантами, сотрудничал с фрицами.

– Предатель, – сказал Саша и посоветовал маме: – Напиши о нем в папину часть.

Горкиных приютили в белой мазанке старуха Терентьевна и ее муж Иван Васильевич. Саша спал на земляном полу, вернее на грязноватых мешках, не раздеваясь. Из довоенных вещей и мебели, принадлежащих Горкиным, ничего не осталось. Перед эвакуацией мама попросила лаборантку Феню присмотреть за домом. Феня призналась, что вещи меняла на продукты, а мебель пустила на дрова. Но старуха Терентьевна видела, как Феня приводила немцев в дом Горкиных. Таких женщин называли немецкими овчарками. Саша был поражен: мама, устроившись на работу в пищевую лабораторию, взяла Феню к себе!

– Ты знаешь, что Феня – немецкая овчарка? – строго спросил он.

У него не укладывалось в голове – как можно прощать предателей? Мстить и только мстить! Рыжий здоровяк Ленька и маленький, но очень храбрый Сенька, новые Сашины друзья, были с ним полностью согласны. Отец Сеньки, минометчик, погиб год назад, Сенька унаследовал военное ремесло отца: прикладывал кусок ржавой трубы к плечу, а в руку брал камень, с криком «Огонь по предателям!» швырял камень в тех, кто ему казался подозрительным, за что неоднократно бывал бит. Ленька умело разряжал патроны: порох он высыпал в консервную банку, капсюли выковыривал из гильз и хранил отдельно, завернув в тряпочку. В разрушенном общежитии мединститута Саша и его друзья находили патроны с белой, светящейся начинкой, ее тоже выковыривали и хранили, уверенные в том, что она пригодится.

Всё пригодилось, когда на совете было решено наказать Феню по суровым законам военного времени.

Эта хрупкая женщина жила в соседнем двухэтажном доме, во дворе которого стоял дощатый сортир. Возле него была устроена засада. Вечером, когда стемнело, пацаны залегли. Сенька приготовил «миномет», а Ленька взял у старшего брата самопал: в изогнутую медную трубку были засыпаны порох и сера, оставалось нажать на резинку, чтобы соскочил гвоздь и ударил по взрывчатой смеси. В тот момент, когда Феня вышла из сортира, Ленька выстрелил из самопала, Сенька себе скомандовал: «По немецкой овчарке огонь!» – в Феню полетел камень. В полубморочном состоянии она подбежала к крыльцу, и тогда из темноты вылетел Саша со светящимся фосфорным лицом и пролаял: «Немецкая овчарка! Гав! Гав!...»

На следующий день Феня устроила маме истерику, божилась, что никогда с фрицами не дружила, ждала наших. Вероятно, мама ей поверила, во всяком случае, придя домой, взялась за ремень, но была не очень больно, что Саша расценил как косвенное признание своей правоты.

Скоро из папиной воинской части пришло письмо с требованием выселить прокурора. Тот испугался и освободил Горкиным две маленькие комнаты. Сенька предложил отомстить прокурору за предательский захват чужой территории – пробраться в дом и приладить к хромовым прокурорским сапогам капсюли, но были неизвестны последствия, прокурор мог засадить Сашу и его друзей в тюрьму, а там жди, когда папа пришлет с фронта письмо, чтобы вызволить мстителей.

В одной из комнат на стене мама приладила черную тарелку с винтиком на лицевой планке. Забравшись на табурет, Саша мог выкрутить винтик вправо, чтобы Левитан громко сообщил ему, как наши наступают, а фрицы драпают.

Сашина жизнь заметно улучшилась, он теперь спал в кровати, ел невкусную, но сытную пищу, слушал победоносное радио и, конечно, играл в войну. Рядом с домом было кладбище, если напрямую, через огород и пустырь, совсем близко. Среди лип и тополей росли яблони. Обычно кто-то из пацанов залезал на яблоню, тряс ветки, сыпались маленькие розовые яблочки, называемые райскими. Наевшись, пацаны шли вглубь кладбища, и там начинали воевать. Прячась за могильными плитами, стреляли из «автоматов» и «минометов», бросали друг в друга «гранаты» – яблоки и комья земли, иногда ожесточенно дрались. Этим играм не мешали похороны. Обычно процессия медленно двигалась по улице Пирогова, сворачивала к кладбищу, как бы опоясывая его траурной мелодией. Музыка смолкала, потом снова звучала, но мыслей о смерти у Саши не возникало: он не знал людей, которые лежали в гробу, не знал их живыми и был уверен, что ни он, ни его друзья, и никто из родни никогда, никогда не умрет.

К школе Саша был готов, поскольку умел читать и умел драться.

Перед началом первого урока всех ребят выстроили во дворе. Как только учительница отошла, к школьничкам подбежали рослые парни.

– Эй, шкет, первым хочешь быть? Хочешь? Тогда дай куснуть!

Впереди Саши они поставили малыша с загнутыми, как у девчонки, длинными ресницами.

– Пошел отсюда! – набросился на него Саша, но попал в руки жующего защитника.

– А в лоб? – спросил тот. – Дать в лоб?

Саша все же выпихнул малыша из строя и тут же за это поплатился – получил подзатыльник.

– Куснуть дашь, поставлю первым, – пообещал Саше парень.

– Нету куснуть!

Парень не поверил, потому что в своих коричневых сатиновых штанах и такой же курточке, с матерчатой сумкой (все это сшила мама), Саша имел вид богатого мальчика.

– А если найду? – Парень вырвал у Саши сумку, выбросил из нее тетради, порывшись, извлек завернутые в газету два ломтя черного хлеба, склеенные повидлом. – А это что?

– Ничего! – Саша наклонился, чтобы поднять тетради, и получил пинок – пендель.

Он роет носом землю, а тот малыш с длинными ресницами презрительно цедит:

– У-у, жадина! Куснуть не дал хлопцу!..

Как только отошел заступник, Саша схватил малыша за шкурку и выкинул из строя. Прибежала учительница.

– Не смей бить маленьких! – закричала она. – Ты кто, фашист? У Пташука отец на фронте погиб!..

– У-у, фашист! – сказал малыш и ткнул Сашу кулачком под дых.

Получилось так, что Ленку и Сеньку определили в первый «Б», а Сашу в первый «А». Поскольку друзей в классе Саша не имел, ему было все равно, с кем сидеть за партой, только не с Пташуком. Но учительница решила посадить его именно с Пташуком, чтобы помирить их.

Несколько дней спустя Саша пообещал Пташуку:

– Я тебя убью, гад!..

Худенький, с девчоночьим лицом и длинными ресницами, Пташук вызывал у взрослых умиление, он к этому привык и считал, что все, в том числе сосед по парте, должны восхищаться им. Прикроет веки и говорит:

– Смотри, Горкин, какие у меня реснички! У тебя нет таких!

– А мне и не надо! – презрительно цедил Саша.

Он регулярно бил Пташука – было за что.

– А Горкин опять пишет «селечкой»! – докладывал учительнице Пташук. – Портит себе почерк!..

Полагалось выводить палочки в тетради широким пером номер восемьдесят шесть, но Саше нравилось узкое перышко, загнутое на конце, так называемая «селечка».

– Горкин! Чтоб я больше не видела «селечки»! – сердилась учительница.

Скучая на чистописании, Саша принимался рисовать военные сцены. Пташук поднимал руку:

– А Горкин опять рисует!..

В его фискальстве было отчаяние и бесстрашие, он знал, что возмездие не заставит себя ждать. Когда Саша колотил соседа, Пташук смотрел на него с болезненным торжеством и ненавистью.

– Фашист! У-у, фашист! – кричал он, плача.

Пташук задира не только Сашу, но и его друзей.

– Рыжий пес яйца снес и в Америку понес! – дразнил он Леньку.

Сын силача-мельника, рыжий Ленька и сам обещал стать силачом. Он отталкивал Пташука и просил:

– Шкет, не заедайся!

Но Пташук продолжал:

– Папа – рыжий, мама – рыжий! Рыжий я и сам! Вся семья моя покрыта рыжим волосам! Все фашисты – рыжие!..

Сашино терпение лопнуло, когда Пташук заявил, что его папа был пехотинцем, ходил в атаку и погиб, как герой, а Сашин отец – врач, трусливо отсиживается в госпитале.

Военный совет был собран у Леньки на дому. За столом делал уроки старший Ленькин брат Игорь. Саша, Сеня и Леня сидели на кровати и разрабатывали план – как наказать Пташука. Тринадцатилетний Игорь деловито поинтересовался:

– Кого хотите лупцевать?

Саша рассказал о своем соседе по парте.

Игорь достал из кармана толстый, с набором лезвий, складной ножик.

– У фрицев выменял на картоху, – пояснил он. – Тут маленькие ножницы. Поймайте этого Пташука и обрежьте ему, на хер, ресницы.

Сперва Саше понравилась идея Игоря, но потом он представил, как будет смотреть Пташук на своих мучителей.

– Ты не знаешь этого дурака. Он нас обзовет фашистами. Мол, фашисты мучают партизана!

– Что ж ты воду мутишь! – Игорь убрал ножик в карман. – Тогда и лупцевать нет смысла.

Перед Новым годом к Горкиным, на улицу Пирогова, пришла девушка. Саша плохо разбирался в возрасте девушек, все они делились

на «старше Нинки и младше». Эта была, конечно, старше. На девушке был белый платок, белый тулуп, валенки с галошами – настоящими черными галошами, а не чунями из красной резины, какие носила мама. Плечо девушки оттягивал мешок. Этот тяжелый мешок и приветливая улыбка требовали объяснений.

– Мой отец, Федор Демьянович Яковлев, – фронтовой товарищ Семена Семеновича. Я принесла вам подарок, – сказала девушка.

– Шо это? – Тетя Соня указала на мешок.

– Белая мука.

Тетя Соня взвесила тяжелый мешок в руке:

– Отсыпать, чи шо?

– Нет-нет, всё вам. Первого января приходите в гости.

После ее ухода тетя Соня развязала веревочку на мешке, осторожно сунула в него пальцы: белое троеперстие она продемонстрировала маме. Было решено приготовить вареники с картошкой, испечь оладьи и коржики.

– Ур-ра-а! – кричит Саша.

– Ур-ра-а! – подхватывает Нина.

Взявшись за руки, Нина и Саша пускаются в пляс. На кухне тесно – печка, уголь, дрова, Саша с сестрой перебегают в комнату и там пляшут. Белая мука – это хорошо, но для Саши важнее другое: папу не забывают боевые друзья! Любят и помнят! Значит, папа геройски воюет, а не отсиживается в госпитале!

На Новый год к Горкиным пришли две мамы сослуживицы. У одной муж погиб, у другой пропал без вести. Сидели за столом, пили чай с коржиками. Тетя Соня подливала керосин в лампу и булавкой выдвигала фитиль. Саша ушел спать, не дождавшись двенадцати часов. Проснулся он в счастливом предвкушении: первое января, сегодня он идет к папиному боевому другу в гости!

– Может быть, этот дядя Яковлев ходил с папой в атаку? – предположил он.

– Что за глупости! – сказала Нина. – Тебе тысячу раз объясняли: наш папа лечит!

– Иногда врачи ведут бойцов в атаку, когда другие командиры убиты, – возразил Саша.

Война не оставила ни одного высокого дома, словно решила превратить Винницу в одноэтажный город. Мама вела детей по центральной улице, забор с колючей проволокой теснил Сашу к заснеженной мостовой. Там, за этим забором, играли на гармошке и пели

на непонятном и неприятном языке. Саша подумал: «Почему фрицы празднуют Новый год, как мы?..» Он не раз видел, как наши конвоиры вели фрицев в зеленых шинелях и пилотках, натянутых на уши; на лицах пленных была усталость и безразличие, но некоторые смотрели по сторонам с интересом, как будто их вели на экскурсию, переговаривались и улыбались. Это злило Сашу: у пленных такой роскошной жизни не должно быть!

Мама свернула на боковую улицу. Крутой спуск заставил Сашу ускорить шаг, но затем начался подъем, идти стало трудно. Поверх пальто Саша был повязан шерстяным платком, а на голове у него была квадратная шапочка, а под ней косынка – тот вид! Он с трудом передвигал ноги в валенках, но не это его удручало, а то, что на солдата Красной армии он был мало похож, скорее на пленного фрица.

Федор Демьянович Яковлев жил в одноэтажном доме, над входной дверью которого был железный козырек, чуть правее круг с цифрой – номером дома (на Сашиной улице нумерации домов еще не было). Мама дернула за деревянную ручку звонка, дверь открылась, и вышел человек в кителе без погон, с орденской планкой, очень худой, с впалыми веснушчатými щеками – Саше он показался стариком. Как же этот старик воевал? Яковлев хотел что-то сказать, но закашлялся и кашлял долго.

Пока Яковлев помогал маме снять пальто, Саша расстегнул на подбородке пуговицу, стащил с головы шапочку и проклятую косынку – ведь не объяснишь Яковлеву, что он позволил повязать голову косынкой только потому, что иначе его бы оставили дома.

В комнате было светло – горела люстра, но свет шел не только от нее, но и от белой скатерти и от стеклянных окошек буфета. Какие блюда стояли на столе! Винегрет с селедкой, картошка с тушенкой, соленые огурцы – такой еды Саша никогда еще не пробовал.

Он ел медленно – Нина выразительно на него смотрела – и вслушивался в голос Федора Демьяновича, прерываемый кашлем.

– В сорок третьем, в январе, мы с Семеном в госпитале лежали. У него было ранение в плечо, у меня – в ногу. Кхе-кхе... В августе сорок третьего я снова попал в госпиталь, контужен был. Семен приехал консультировать. Я оглох. Вижу, Семен чем-то встревожен. Взрывы рядом, но я ведь не слышу. Кричу: «Что, бомбят?..» Кхе-кхе...

Саша отцом был недоволен: если бы папа вынес Яковлева с поля боя, Саша бы им гордился, а так что? Когда мама завела разговор о том, как работала в Омске, Саше стало стыдно за нее: фронтовику рассказывать о таких мелочах!

– Когда папа вернется? – спросила Нина.

– Скоро, – ответил Яковлев.

– Вы думаете, война скоро закончится? – усомнился Саша.

– Он ужасно глуп! – воскликнула Нина. – Мы с мамой не знаем, что с ним делать! Он не хочет, чтоб война закончилась, чтобы папа вернулся! Представляете, Федор Демьянович, он избивает мальчика, у которого отец погиб!

– Пускай война заканчивается, – хмуро сказал Саша. – Будут другие войны.

– Нет, – возразил Федор Демьянович. – Эта война – последняя.

Саша решил, что только Федор Демьянович может посоветовать ему, что делать с Пташук, потому что лупить малыша было бесполезно и довольно противно, а терпеть его дразнилки и фискальство – невыносимо. Ждать следующего визита к Яковлевым пришлось долго, пригласили Горкиных лишь в конце апреля сорок пятого года. Саше запомнился тот день. Во дворах и на пустырях густо зеленела трава, словно знала, что больше не лягут на нее дым и копоть. Возле дома Яковлева цвела сирень. Было тепло и радостно, как бывает в преддверии лета.

За столом было весело, все смеялись, кроме Саши – он выжидал, когда сможет получить ответ на свой вопрос.

– У вас есть трофеи? – спросил он Федора Демьяновича.

– Бинокль. Идем... кхе-кхе... покажу.

Нина попыталась остановить Сашу, но он дал понять сестре, что мужские разговоры не ее ума дело.

– Бинокль вы сняли с убитого фрица? – спросил он и накинул на шею ремешок увесистого бинокля.

– Да, – ответил Яковлев.

Саша покрутил колесико настройки. Видно было плохо – все расплывалось, только чернели неизвестно откуда взявшиеся ровные линии с делениями.

– Папа где сейчас? – Саша смотрел в окуляры, словно хотел разглядеть отца вдаль.

– В Прибалтике, кхе-кхе.

– Почему вы кашляете?

– Привычка... – Яковлев широко открыл рот, ямки на веснушчатых щеках углубились, стали похожи на маленькие воронки.

– Федор Демьянович, со мной за партой сидит Пташук. Этот гад хвастает своими ресницами. Он говорит, что его отец был пехотинцем,

погиб в бою, а мой папа отсидивается в госпитале. Что мне с этим Пташуксом делать?

Саше пришлось долго ждать, прежде чем он услышал глуховатый, прерываемый кашлем голос:

– Попроси... кхе-кхе... учительницу, чтобы пересадила тебя...

Новость принесла старуха Терентьевна. Она барабанила в окно и кричала:

– Докторша! Соню! *Капутуляция!*

Мама распахнула окно и принялась обнимать старуху, чуть не втащила ее в комнату; белая косынка сползла с головы Терентьевны, из глаз, подпрыгивая на морщинах, катились слезы.

– По радио сказали? – спрашивала недоверчивая тетя Соня. – Ты сама, Терентьевна, слухала?

– Люди говорят на базаре!

Радио подтвердило новость. И тогда Нина закричала:

– Папа живым вернется!

А Саша закричал:

– *Капутуляция!* Фрицам – капут!..

Сашин друг Сенька обрел взамен убитого отца нового – дядю Вову.

– Он будет моим батькой! – объявил Сенька.

– Дядя Вова воевал? – спросил Саша.

– Снабжал армию! Без сапог не повоюешь! – отвечал Сенька. – Дядя Вова – здоровый! Твой батька, Леньчик, здоровый, а дядя Вова здоровей! Голова у него бритая! Я тоже побрею голову! И ты, Леньчик, побрей, не будет видно, что ты рыжий!

Саше очень хотелось увидеть нового Сенькиного батьку.

– Не, нельзя, – важно говорил Сенька. – Дядя Вова в себя приходит – с мамкой спит. Он привез с войны ковров, два велика! Мамке привез платья с кружевами! У фрицев отобрал! Твой отец тоже привезет, – великодушно успокоил он Сашу.

Настал день, когда Сенька пригласил Сашу в гости, в свою избу-мазанку, которая сказочным образом преобразилась, – ковры на стенах, ковер на полу, бархатные шторы закрыли окна. В центре стола восседал бритоголовый дядя Вова в натальной рубахе. Но не он, а Сенькина мама, тетя Оксана, произвела на Сашу самое сильное впечатление: на ней было сиреневое, с кружевами платье, не совсем прозрачное, но разглядеть можно было всё! Ну, почти всё!..

– Чего стоишь, Шурик? – сказала тетя Оксана, поводя худыми, голыми плечами, платье держалось на тонких шнурочках. – Это Шурик, – объяснила она дяде Вова. – Доктора Горкина сынок.

– Здорово! – Дядя Вова протянул Саше руку-лопату. – Твой батька ще не вернулся? А я вернулся! Не верил, что доживу, но дожил! Ха-ха!..

Вместе с дядей Вовой смеялись тетя Оксана и Сенька. Они не заметили противоречия: если дядя Вова не думал дожить до конца войны, зачем он добро собирал?

– Ну, хлопцы, – сказал дядя Вова, – вам нельзя, а мы с Оксаной... Давай, Оксанка, почеломкаемся и – за Победу!..

– Видишь, сколько он привез? Всё у фрицев отобрал! Было ваше – стало наше! – хохотал Сенька.

Саше пришла в голову дикая мысль, что полированный шар – голова дяди Вовы – тоже трофейная.

– Дядя Вова ходил в атаку! – говорил Сенька, видимо, чувствуя, что Саша не торопится занести нового батьку в список героев.

– Было дело, – подтвердил тот. – Капитан приказал: «Пойдешь с нами, старшина!» – «Есть!» – отвечаю. До окопов ползком, а там попрыгали и – кто чем!..

– Ты – чем? – спрашивал Сенька, горя глазами.

– Саперной лопаткой! Перед атакой заточил лопатку, як бритву! Одному вмазал, так он, гад, на землю и задрывався! Ха-ха!..

– Вова, не надо, – попросила тетя Оксана. – Хлопцы малы, не надо им...

Он часто рисовал себе картинку – возвращение домой отца. По улице Пирогова печатает шаг колонна бойцов с автоматами наперевес. Впереди группа офицеров. Возле одноэтажного кирпичного домика колонна останавливается, из первого ряда выходит майор Горкин, кричит: «До свидания, боевые друзья! – и взбегает на крыльцо, где его ждет Саша. И они – папа и Саша – машут руками, а мимо движется колонна, и у всех бойцов головы повернуты в сторону майора и его сына.

А произошло всё так. Он готовил уроки, выводил пером-«селедочкой» слова в тетради, торопился закончить, чтобы убежать на кладбище, где его ждали пацаны, когда услышал громкий мамин голос в коридоре:

– Соня! Посмотри, кто приехал!..

Когда Саша услышал незнакомый мужской голос, он сразу понял: это – папа! Саша не почувствовал радости, а только сильное волнение. Он

вышел в коридор и увидел сутулого майора с орденом Красной звезды и медалью. Одной рукой майор держал очки, а другой обнимал тетю Соню.

Саша спросил:

– Это мой папа?

– Здравствуй, Саша! – сказал майор.

– Здравствуйте.

Папа поднял его.

– Поставьте, – сказал Саша, ему не понравилось висеть в воздухе.

Обретя пол под ногами, он спросил: – Вы насовсем?

– Насовсем! – ответил папа.

– А почему у вас всего одна медаль и только один орден?

– Что за вопросы! – возмутилась мама. – Говори папе «ты»!

Войдя в комнату, папа спросил, где книги, мама ответила, что вся библиотека пропала.

– Не пропала, а Фенька сожгла, – уточнил Саша. – Ты трофеи привез?

– Ты шо? – прошипела тетя Соня в ухо Саше, стараясь не спугнуть со своего лица улыбку. – Шо ты к папе пристал? Такой настырный!..

Папа достал из вещмешка темно-серый платок, протянул маме – она набросила его на голову.

– Это надо под пальто надевать, а то ты в нем на вдову похожа, – сказал папа. – А это тебе, Соня...

Тете Соне досталась косынка с цветами. Саша получил губную гармошку.

– Новый отец Сеньки привез с фронта два пистолета, – соврал Саша. – У тебя есть пистолет?

– Нет. – Папа снял очки и удивленно посмотрел на сына.

– Я поставила кастрюлю на плиту, – сказала мама. – Сейчас вода согреется, будешь мыться.

– Воду нальешь в умывальник, – наставлял Саша отца. – У нас умывальник во дворе. У Сеньки тоже умывальник был во дворе, но дядя Вова, его новый папа, провел воду в дом. – Саша как бы давал папе шанс проявить себя в мирной жизни, коль скоро на войне это папе не удалось.

Папа снял ремень и хотел стащить через голову гимнастерку, но в комнату влетела Нина.

– Папка! Папулечка!..

– Доця моя!..

Нинка уселась на папу, как на дерево, обхватив ногами его бока, руками обняв за шею.

– Куда тебя ранили?

– В плечо. Но я забыл про ранение.

– Бедненькое плечо, бедненькое плечо!..

– Доця моя родная!..

– Я тебя сразу узнала, папочка!

В коротком платье, в чулках, схваченных резинками повыше колен, Нинка сидела на папе и гладила его плечо под белой рубашкой. Похоже, она делала то, что нужно, потому что тетя Соня одобрительно кивала, а мама вытирала ладонью глаза.

– Папа, ты же хотел мыться, – напомнил Саша.

– Пошли, я солью тебе! – Нинка прыгнула с папы, взяла его за руку и повела во двор.

Ночью Саша проснулся от каких-то странных звуков. В соседней комнате горела керосиновая лампа, и оттуда доносились всхлипывания. Саша встал и на цыпочках прокрался к двери. Он увидел, что мама и папа сидят за столом и плачут. Мама – ладно, но папа – как он может реветь!..

– Вы чего? – спросил Саша. – Тетю Соню положили на кухне, заняли комнату и нюните.

Саша прошел мимо них в коридор, нащупал в темноте ночное ведро с водой и помочился, чтобы родители не думали, что он вышел просто так. На обратном пути спросил:

– Можно, я завтра не пойду в школу?

– Можно, – ответила мама.

Однажды он подслушал разговор мамы и тети Сони.

– Я его не узнаю! Как будто другой человек вернулся! – говорила мама.

– Шо ж ты хочешь, Рая, – отвечала тетя Соня. – Ранение и контузия!..

Папа вел себя непонятно: Сашу он почти не замечал, зато Нинка пользовалась его вниманием и доверием. Она обнаглела до того, что познакомила папу со своими куклами. Вернее, кукол у нее не было, были вырезанные из журналов и газет фотографии известных и неизвестных людей. Одни были вырезаны во весь рост, другие по грудь, но инвалидами не казались, потому что на них Нинка нацепляла длинные платья и костюмы из бумаги.

– Это Вера, это Лида. А это их учительница Жанна Антоновна, – просвещала она папу.

– Забавно, доця, – говорил он.

– Ты бы еще с ней поиграл, – не вытерпел Саша. – У Нинки есть маршал Рокоссовский, будешь за него.

– Правда, папа, будешь? Рокоссовский придет в школу! Я его больше всех маршалов люблю! Больше Жукова! – тараторила Нинка.

– Ты хотя бы знаешь, каким фронтом командовал Рокоссовский, а каким Жуков? – Саша надеялся перевести разговор в серьезное русло.

– Иди куда-нибудь, Саша, погуляй, – попросил папа.

– А ты что будешь делать?

– Я полежу.

Скоро папа стал ходить на работу в больницу. Там он пропадал с утра до вечера.

По настоянию мамы, Саша и папа как-то вышли погулять. Было это осенью, папа надел поверх кителя купленное на базаре пальто. Высокий, в черном пальто и кепке, надвинутой на лоб, в очках, он был похож на шпиона. Встречаясь со знакомыми, папа поднимал кепку:

– Здравствуйте, Иван Васильевич! Здравствуйте, Терентьевна!

– Доброго здоровячка, доктор, – отвечали те.

Когда проходили мимо разрушенного общежития, Саша небрежно сказал:

– Я там вчера был. На третьем этаже мы с Ленчиком и Сенькой лазали.

Папа вдруг рассердился:

– Я запрещаю тебе посещать развалины!

– Ничего со мной не будет, – храбро заверил Саша.

Повстречался им дядя Вова. Саша сообщил папе, что это новый Сенькин отец.

– Он в атаку ходил! Как вмажет фрицу лопаткой по башке!..

– Всё! – сказал папа. – Пошли домой!

На следующий день по дороге к разрушенному общежитию Саша и его друзья наткнулись на папу.

– Это что? – спросил папа, показав на Сенькину трубу-«миномет».

Сенька не счел нужным скрывать.

– В кого будете стрелять? – спросил папа.

– Найдется, – ответил Сенька.

– Да, – сказал папа. – Был бы миномет, в кого стрелять найдется. Ты помнишь, Саша, что я запретил ходить в общежитие?

– Помню.

Саша не поднимал глаз: ему было стыдно за папу.

Гостей отец избегал, только Федор Демьянович приходил к Горкиным, да и то редко. Папа по такому случаю ставил на стол бутылку водки. Мама говорила: «Сеня, тебе нельзя!», а папа отвечал: «Оставь!..» Он рассказывал военные истории, которые, по Сашину мнению, позорили папу. Например, в начале войны, когда командиры еще носили кубики и шпалы, папа имел звание военврача второго ранга. Ему прислали ординарца, и тот обратился к папе со словами: «Товарищ военврач второго сорта!..» Или вот такая история. Папу вызвали к раненому комбригу. По дороге «Виллис» остановил боец, крича: «Он там! Он там!» Папа решил, что комбриг выслал бойца, чтобы указать направление, в котором надо ехать, хотя, конечно, «он там!» означало «немец там!» В результате «Виллис» едва не угодил к фрицам.

Федор Демьянович интересовался Сашиной жизнью больше, чем папа, расспрашивал про школу. Саша, поглядывая на папу, отвечал, что учиться легко, но на уроках скучно.

– Завидую тебе, Семен, – признавался Федор Демьянович, покашливая. – У тебя сын.

– Вот как раз дочка меня понимает! Иди, Саша, гуляй, нечего слушать взрослые разговоры!

Саша ушел в спальню, дверь в гостиную оставил приоткрытой.

– Саша – жестокий! Стрелять, убивать – ему это нравится! – говорил папа. – Ты знаешь, Федор, мне страшно за него!..

«А мне за тебя стыдно!» – думал Саша..

– Ну скажите вашему другу, Федор Демьянович! – вмешалась мама. – Он сторонится родного сына!..

– Я побаиваюсь его, – признался папа.

– Саша обычный мальчик, не хуже других!..

– Оставь! – вскрикнул папа.

– Если тебе интересней сидеть в больнице, чем воевать, то и сиди! – сказал Саша, выйдя из спальни.

Все замолчали. Федор Демьянович обнял Сашу:

– На войне убивают. А твой папа не убивал – он возвращал людям жизнь.

Сашу этот довод не убедил.

В начале марта сорок седьмого года Федор Демьянович умер.

В день похорон папа рано пришел из больницы и велел Саше одеваться.

– Сеня, зачем? – спросила мама.

– Со мной пойдет, – твердо сказал папа.

По дороге Саша спросил:

– Почему Федор Демьянович умер? Он был старый – поэтому? – Саша хотел найти причину, которая бы ему не угрожала.

– Федор не был старым, он младше меня, – ответил папа. – Двое моих друзей погибли, а теперь вот он. Больше у меня не будет друзей, Федор был последним. – Папа на ходу поднял очки и протер глаза. – У каждого врача есть свое кладбище, там лежат умершие по его ошибке люди. Но эти кладбища в тысячу, в миллион раз меньше кладбищ войны! – Он закрыл рукой глаза и заплакал. – Зачем убивать? Мы и так боеем и умираем!..

Папа пошел быстрее, Саша бежал за ним. Он думал: «Сейчас я увижу мертвого Федора Демьяновича, которого я знал живым». Было любопытство, но было и предчувствие – ему откроется какая-то тайна.

Он еще издали увидел, что возле крыльца толпится народ. Двери под железным козырьком были открыты настежь – обе створки. Папа сдернул кепку и сказал Саше:

– Шапку сними.

Саша любил недавно купленную ушанку с красной звездой, хотя она и была ему велика. Он сжал ее в руке, боясь потерять. Когда он вошел в коридор, ему бросилось в глаза – одеяло на зеркале. Он увидел открытый гроб, который стоял низко, на табуретах, и кого-то в гробу. Этот кто-то напоминал Федора Демьяновича, но не был им. Саше показалось, что фигура в гробу вылеплена из желтой глины, или, может быть, во время болезни веснушки Федора Демьяновича от высокой температуры расплавились и залили щеки и руки желтизной.

Папа обнял дочь Федора Демьяновича, ту девушку, которая два года назад принесла Горкиным муку, и, шмыгая носом, подошел к гробу.

Папа повернул заплаканное лицо и приказал Саше:

– Стой рядом!..

Во дворе заиграл оркестр. К гробу с двух сторон подошли люди. Первым справа встал мужчина в белых бурках и черном пальто с каракулевым воротником.

– Взяли, товарищи, – сказал он.

Папа кинулся к поднятому гробу.

– Позвольте мне! – Папа старался подставить под гроб плечо.

Толпа надавила на Сашу, он очутился на улице. Гроб поставили в кузов грузовика.

За грузовиком медленно двигались дочь Федора Демьяновича, его жена, Сашин папа и Саша. Множество людей шло за ними, но Саша был единственный пацан во всей процессии. Он думал: «Все эти люди, которые сейчас хоронят Федора Демьяновича, – неужели они умрут? Те, кто постарше, умрут первыми, их похоронят те, кто помоложе? Потом и эти состарятся, их проводят на кладбище, и когда-нибудь очередь дойдет до меня!» Жизнь вдруг представилась ему чем-то вроде кинотеатра – вошел, посмотрел фильм и вышел, а на твое место усаживается другой. Заиграл оркестр. Музыка отозвалась в Сашинем сердце такой тоской, что он чуть не заревел.

Процессия шла мимо базарной площади, люди там толкались, шумели, изредка поглядывая в сторону идущих за гробом, но словно не видя их. Оркестр смолк. Гул грузовика, шаги людей, и вдруг резкий крик: «Ро-о-одненький на-а-ш! На кого нас покинул! Ро-о-одненький!..» Тетка, волоча ногу, подскочила к грузовику, ухватилась за откинутый борт. Жена Федора Демьяновича простонала: «О, Господи!..» Сашин папа быстро подошел к тетке, обнял, наклонившись к ее опухшему лицу, и что-то сказал. Она сразу умолкла и отстала.

Изгибаясь, как железнодорожный состав на повороте, процессия направилась к кладбищенским воротам, обозначенным двумя столбами, врытыми в землю. Первыми на территорию кладбища ступили люди с красными подушечками, на которых лежали ордена, затем вошли оркестранты с трубами, барабаном на широком ремне и медными тарелками, затем въехал грузовик.

Центральная аллея делила кладбище на две части. Слева были старые могилы, полуразвалившийся склеп, мраморная скульптура ангела, справа – свежие захоронения, холмики, покрытые бумажными и живыми цветами, обелиск братской могилы и несколько рядов одинаковых фанерных пирамид со звездами. На правой половине кладбища была вырыта яма, возле которой поставили гроб.

Человек в бурках сказал: «Память о Федоре Демьяновиче Яковлеве навечно сохранится в наших сердцах!..»

Александр Семенович замолчал.

– Где похоронили Яковлева? – спросил я.

– Там...

Я посмотрел в ту сторону, куда он указал, потом огляделся вокруг.

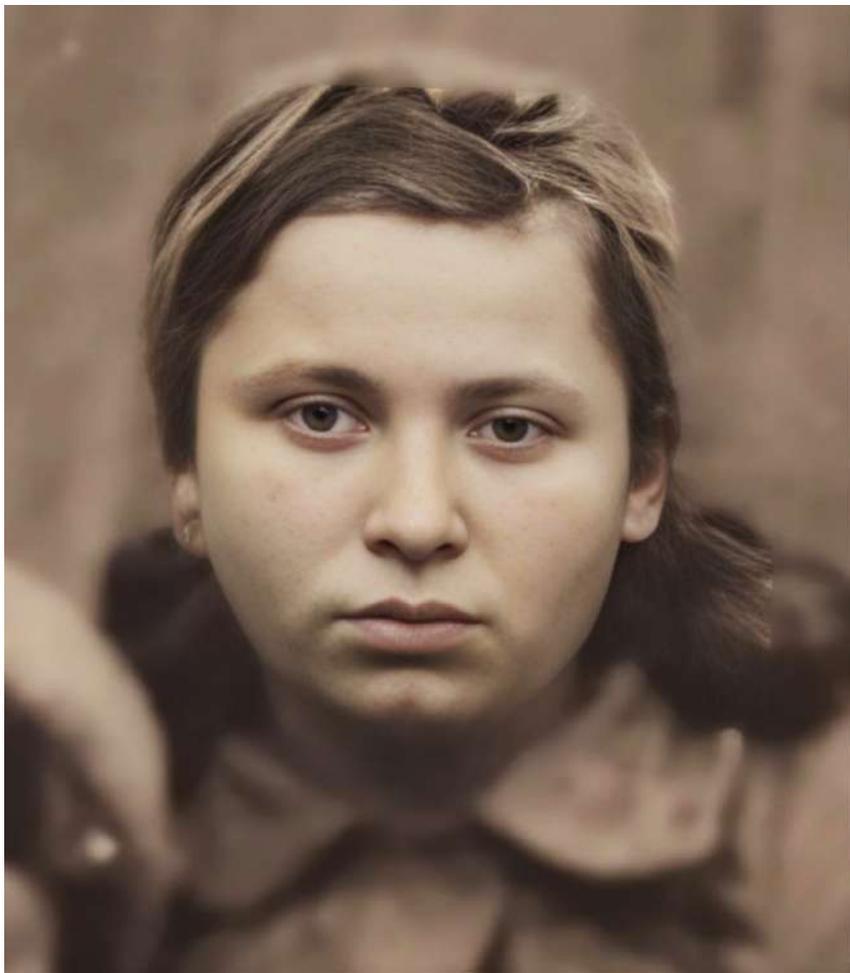
– Все-таки негоже превращать кладбище в парк, – сказал я.

– Есть память сердца, – отозвался Александр Семенович. – Наверно, наша жизнь идет по кругу. Между началом и концом щель, темный зазор, в который мы уходим. Когда приближаешься к зазору, начало круга видится ясней... Я вижу свое детство. Утешаюсь мамиными словами: «Саша обычный мальчик, не хуже других...»

По центральной аллее гуляли пары. Откуда-то доносилась музыка. Прячась за деревьями, пацаны играли в войну.

Соломон Левин³¹
Три Сони

Памяти моей мамы

Моя мама, Соня Левин (Слепян) после возвращения
в Минск в конце 1944 года

³¹ Соломон Левин – компьютерщик и переводчик русской прозы и поэзии на иврит. В Израиле с 1974 года. Живет в Хайфе.

Минское гетто, лето 1943 года.

Первой Соне было семнадцать лет, и она уже два года находилась в гетто. Её отца убили в августе 1941 года, мать – в марте 1942-го, брата – в феврале 1943-го.

Единственной нитью, связывавшей первую Соню с прежней жизнью, была вторая Соня – её школьная подруга, которая, как и она, оказалась в гетто.

Иногда обе Сони выбирались из гетто, рискуя столкнуться с патрулями. Они обменивали последние вещи на еду у третьей Сони – пожилой польки, жившей за пределами гетто.

Во время последней встречи Сонь третья Соня спросила, зачем им возвращаться в гетто. Если они готовы, она могла указать дорогу в лес к партизанам. Первая Соня согласилась и предложила второй пойти с ней. Та выслушала её, опустив голову. В её глазах читался ужас. «Соня, если нас поймут... Ты знаешь, что они сделают. Будут мучить... А там мама... Я не могу».

Третья Соня подробно объяснила первой, как идти, какими тропами ночью миновать посты, где искать партизан в лесу. Она обвязала ей голову платком, как носят деревенские беженки, дала ей немного сухарей и проводила в путь.

Первая Соня смогла добраться до партизанского отряда и выжила. Вторая Соня, оставшаяся в гетто, погибла при его уничтожении в октябре 1943 года. Третья Соня помогала первой и после войны. Дети первой Сони называли третью бабушкой.

В Израиле третью Соню внесли в список праведников народов мира в Яд Вашеме.

Хайфа, 8 апреля 2025 года

Израиль Райхман³². Ридикюль

Снова публикую рассказ моего покойного отца. Сегодня его день рождения. В августе 1941 года 13-летним мальчиком он со своими родителями эвакуировался из Киева, моя бабушка умерла через год, а дедушку папа похоронил уже в Киеве в 1944 году. Много рассказывал мне о довоенном Киеве (воспоминания детства), о соседях. Он очень хорошо знал, о чем писал. Иосиф Израилевич Райхман.

«Дорогой Сёма! Мы никогда больше не увидимся и маловероятно, что письмо к тебе попадёт. Я ни на что не надеюсь, однако пишу... Но всё по порядку.

После того, как ты ушёл в военкомат, меня вызвали в поликлинику, где я работала медсестрой и, вместе с остальными сотрудниками, направили на работу в госпиталь. Трудно передать ужас, который я увидела в госпитале: была масса тяжелораненых, многие умирали. Врачи и мы делали всё возможное, некогда было переживать, работали сутки напролёт.

В начале июля госпиталь срочно эвакуировали. Я готовила раненых к эвакуации, ничего другого делать не могла, валилась с ног. Однако я успела отправить нашего сыночка со знакомой семьёй в Москву к маме и даже получила весточку о его благополучном прибытии. Это единственная радость, которая у меня осталась.

Сразу после эвакуации госпиталя выяснилось, что город окружён. Через две недели вошли немцы. Тут, «как чёрт из табакерки» появилась «местна самостоятельная власть». Город патрулировали полиция – «хлопцы пана Бандеры». Три дня тому назад ко мне заявили два полицейских и наш сосед Степан Антонович, который, как ты помнишь, живёт с женой в комнате по соседству.

– Это Вы их привели? – спросила я.

– Да! Довольна ты с мужем жила роскошно в двух комнатах; теперь и мы поживём по-человечески.

В Ровно нацисты издали закон, что всё еврейское имущество отходит тем, кто выдаёт евреев властям.

– Зачем Вы привели полицию? Мы по-соседски всегда жили мирно. Теперь, когда я осталась одна, я и так бы с Вами поменялась...

³² Израиль Райхман (1927, Киев – 2015, Хайфа) – инженер-строитель, изобретатель, рационализатор, Автор единственного – этого – рассказа.

– В моей комнате будет жить сестра, а тебе, жидовка, уже никакая комната не понадобится, – с наглой ухмылкой заявил сосед.

Полиции велели мне собрать личные вещи, не более восьми килограмм, включая все драгоценности, и идти с ними. У меня не было выбора, я собрала самое необходимое и ридикюль, подарок твоей мамы к нашей свадьбе. На улице стояла большая группа евреев: женщины, мужчины, старики, дети. Подтверждались слухи о репатриации еврейского населения из города. Толпа была окружена полицией. Нас тесно усадили в грузовики и вывезли в пригородный совхоз. Отдельно женщин, мужчин и детей загнали в бывшие свинарники, оборудованные нарами в три яруса.

Ранее прибывшие рассказали, что это пересыльный концентрационный лагерь, здесь заключённых держат недолго, затем куда-то отправляют. Подозревают худшее: никто, никогда не возвращаются. Ходят слухи, что всех убивают. Я писала всю ночь химическим карандашом при коптилке. Семён, если останешься живым, береги сына, воспитай его достойным человеком. Прощай, твоя Клара.

P.S. Письмо я аккуратно спрятала за подкладку ридикюля. Обращаюсь к честным людям, обнаружившим письмо: я, Клара Левинсон прошу найти и передать данное письмо моему мужу – Семёну Яковлевичу Левинсону из города Ровно, или маме – Софье Абрамовне Коган, проживающей в Москве, или сыну – Марку Семёновичу Левинсону».

Концлагерь – это утрамбованная площадка без единой травинки со свинарниками, переоборудованными под бараки. Кроме свинарников силами военнопленных строятся два барака. Территория лагеря ограждена двумя рядами колючей проволоки. По углам лагеря установлены пулемётные вышки. Ночью концлагерь освещён прожекторами.

В бараках от большой скученности невымытых и больных людей стоит невыносимая вонь. Охрану лагеря несут выходцы из Западной Украины, все приказы и указания даются на немецком и украинском языках. Вместо действительных фамилий и имён у охранников вымышленные имена и клички. Особой садисткой жестокостью отличается охранник Кандыба. Заключённые прозвали его «Лютый».

Два раза в день заключённым выдаётся крошечный кусочек чёрного хлеба из затхлой муки и похлёбка – баланда из гнилых овощей.

Ежедневно прибывает новая партия заключённых и примерно такая же партия увозится в неизвестном направлении. В первую очередь увозят

недовольных, больных и дистрофиков. Ночью слышна пулемётная стрельба. По слухам бригада из более-менее здоровых мужчин занята рытьём траншеи для общих могил. Периодически ослабевшие землекопы заменяются новыми.

На другой день после прибытия и размещения, все вновь прибывшие были выстроены на площадке между бараками. Им объявили о немедленной сдаче драгоценностей, золотых и серебряных вещей. Предупреждалось, что утаившие ценности будут наказаны.

Клара сдала своё обручальное кольцо и серьги. Через несколько дней в бараке провели тщательный обыск, по лагерному «шмон». Обнаружив ридикюль, Кандыба рассвирепел и ударил Клару палкой:

– Как ты посмела утаить эту сумку?

– Это не драгоценность, это простая женская сумочка, – побледнев, ответила Клара.

– На ней серебряные застёжки и ты мне ещё ответишь за укрывательство! – рявкнул Кандыба и унёс ридикюль.

В конце дня один из полицаев спросил Кандыбу:

– Ну, що ты там робил у дивок в бараке?

– Одна жидивка з третьей секции сховала сумку з срибными застёжками.

– Нащо тобі ця сумка? Иды зараз до коменданта, вин любыть таки цацки и вин даст тобі щэ пляшку шнапса, а у мэнэ йе трохи сала – выпіємо!

Таким образом ридикюль попал к коменданту лагеря. Спустя несколько дней Клара с группой заключённых была вывезена в неизвестном направлении. К этому «приложил руку» Кандыба...

Комендант лагеря Курт Гартман строго следил за изъятием и сдачей в казну рейха изделий из драгоценных металлов и камней – точно по инструкции. Вместе с тем антикварные изделия, не являющимися драгоценностями и не подлежащие сдаче, он оставлял в личной коллекции. Курт Гартман был знатоком и ценителем красивых и изящных вещей, поэтому он сразу оценил филигранную ручную работу при изготовлении ридикюля, охотно принял его от Кандыбы и выдал в награду бутылку шнапса. Кроме коллекционирования предметов искусства у Гартмана была ещё страсть – он был игрок. Как только выдавалось свободное время он уезжал в город Ровно и в офицерском клубе по ночам играл в карты. Играл он с переменным успехом – выигрывал,

проигрывал небольшие суммы. В конце сентября Гартман проиграл большую сумму. В это самое время в клубе появился молодой офицер Пауль Штемберг. Было видно, что он в игре дилетант. Гартман решил отыграться, используя неопытность Штейнберга. Но не тут-то было, «новичку» крупно повезло и Гартман не только проиграл все деньги имеющиеся у него, но и вынужден был поехать в лагерь, чтобы привести остальную сумму. Но и там у него средств не хватило, и он, чтобы выполнить «долг чести» взял с собой несколько предметов из своей коллекции, в том числе ридикюль. Таким образом ридикюль перешёл к новому владельцу.

В октябре 1941 года в селе Покровка Смоленской области была расквартирована небольшая армейская группа немецкой пехоты под руководством молодого лейтенанта Пауля Штейнберга. Штемберг облюбовал себе небольшой чистенький домик, в котором проживала Дарья Степановна Матвеева с сыном. Пауль по-русски поздоровался с хозяевами. Дарья нахмурилась и промолчала.

– Почему ты не отвечаешь? Я не кусаюсь, я буду здесь жить несколько дней.

– Откуда Вы знаете русский, – спросила Дарья.

– Я из Прибалтики, там все знает русский. Мой мутер латыш, а фатер немец. Твой муж на фойне?

Ты меня не бойсь, я не из СС и не из гестапо. Я не хочу фойна, но меня мопилизовали на курсы младших офицеров. Скоро меня опять отправят на фойну, я поюсь теревяный крест. Твой муж путет убивать меня, или я его – это сутьба...

– Мы вас не звали, – сказала Дарья и вышла из дома.

Пауль обратился к её сыну:

– Как тебя софут, мальчик? Ты меня не бойсь, фот фосьми шоколад.

– Я и не боюсь, меня зовут Ваня.

– А как сфать твой мутер?

– Даша, – сказал Ваня, вырвал из рук Пауля шоколадку и убежал вслед за матерью.

Паулю явно нравилась Дарья, но она отвергала его ухаживания, подарки и запретила сыну брать шоколад. Только когда мальчик простудился и заболел, она попросила Пауля помочь с лекарствами и согласилась принять от него банку тушёнки.

Через неделю Пауль сообщил ей, что уезжает на фронт. А ночью он пришёл к Дарье пытался проявить настойчивость, но Дарья отвергла

немца, вырвалась, убежала и остаток ночи провела в бане. Утром Пауль молча собрался, положил на стол две шоколадки и ридикюль.

– Прощай, хосяйка. Этот красивый вещь, пусть будет память обо мне – сказал лейтенант и вышел.

Дарья повертела в руках кожаную сумочку, завернула в старое полотенце и сунула на самое дно сундука. Через три дня в первом же бою лейтенант Пауль Штейнберг был тяжело ранен и скончался, не приходя в сознание.

Прошли годы. Давно закончилась война.

Дарья Степановна одиноко проживала в своём домике. Мужа убили на войне. Сын Иван развёлся с женой, завёл новую семью где-то в Сибири и только два раза в год присылал матери открытки ко дню рождения и восьмого марта.

Единственной отрадой Дарьи была внучка от первого брака сына, Наташа, она училась в Москве в университете и частенько навещала бабушку.

Однажды тяжело заболев, Дарья пригласила внучку приехать.

– Наташенька, мне совсем плохо, я долго не проживу. Дом с огородом я отписала тебе, можешь продать, деньги тебе ещё понадобятся. А сейчас открой мой сундук, там на дне в углу завёрнутое в старое полотенце с самой войны лежит кожаная сумочка.

Наталья достала ридикюль, повертела его в руках:

– Бабушка, откуда это у тебя? Кожа стала совсем ветхой, но вещица красивая и застёжки серебряные.

– Неважно как эта сумочка оказалась у меня. Возьми её себе. – Сказала Дарья Степановна.

– Тут сбоку какие-то выцветшие нитки, – произнесла Наташа и потянула за нитку, – ой, что-то есть под подкладкой, надо подпороть и посмотреть.

Наташа взяла ножик, осторожно распорол подкладку по шву и достала пожелтевший от времени листок бумаги:

– Смотри-ка, бабушка, письмо. Буквы стёрты, но прочесть можно. – Разбирая каждое слово, Наталья стала читать...

– Бабушка, мне срочно нужно в Москву! Тут написано про семью Левинсон, а у нас в институте работает Семён Маркович Левинсон. Вдруг это его родственница?

Преподаватель Семён Маркович Левинсон сидел за столом, перебирая курсовые работы студентов. Резко распахнулась дверь.

– Матвеева, что случилось? Что вы врываетесь без стука? Я занят!

– Извините, Семён Маркович, Вашего отца зовут Марк Семёнович?

– Боже мой, что случилось с папой?

– С ним всё в порядке. Как звали Вашего деда? Бабушку звали Клара?

– Деда звали как меня, Семён Маркович. Он погиб на фронте и меня назвали в честь его Семёном. А бабушку да, Klarой. Но что всё-таки происходит?

Наташа села на стул, помолчала, вытерла набежавшую слезу и, протягивая ридикюль, тихо произнесла:

– Это сумочка и письмо Вашей бабушки, сумочка случайно попала ко мне.

Семён Михайлович побледнел, взял дрожащей рукой ридикюль и медленно, вытирая повлажневшие глаза, стал читать. Прочитав письмо он посидел молча минут пять, потом потянулся за телефонной трубкой, набрал номер домашнего телефона и, еле слышно, произнёс:

– Папа, нашёлся ридикюль твоей мамы, а в нём её предсмертная записка...

P.S. Темой для рассказа послужил эпизод, рассказанный по телевидению о том, как какой-то немецкий офицер подарил деревенской девочке ридикюль. Этот ридикюль хранится до настоящего времени в семье дочери этой девочки. Все имена, адреса, географические названия вымышлены. Возможные совпадения случайны. Порядки в концлагерях, описанные здесь, соответствуют тому, что творили немецкие оккупанты на захваченной территории.

Иосиф Райхман³³. История бабушки Голды

В архивах, в переписи евреев Таращанского уезда Киевской губернии за 1882 год, нашел своего прапрадеда. Звали его Мошко Ушеров Цукров, был он мелким арендатором, и было у него 9 детей. Младшую дочь, скорее всего родившуюся именно в 1882 году (вписана поздней, другим почерком), звали Голда. Родная тетя моей бабушки. Получается, что она – моя двоюродная прабабушка.

В 1958 мои родители и бабушка с дедушкой впервые после войны решили съездить в Киев, навестить родственников. Взяли и нас с сестрой. Мне было только 7 лет, однако это первое мое большое путешествие я запомнил на всю жизнь. Остановка в Москве. Родственники папы, живущие в высотном доме на берегу Москва-реки. Красная площадь. ВДНХ. Когда выехали из Москвы, удивило, как мама и бабушка еще в поезде легко переходили на украинский. Зеленый, очень красивый, весь какой-то «кудрявый» Киев. Куча незнакомой родни – говорят на идиш, все тебя целуют, тискают и норовят накормить. Длительная пешая прогулка по городу с папой (это – самое классное). И, наконец, тетя Голда. Ей, как и ее мужу, дяде Самсону, было уже около восьмидесяти. Исключительно симпатичная, добрая, тихая старушка, чистенькая, совершенно седая, сгорбленная. И уютная комната в коммунальной квартире с углом, отгороженным старенькой цветастой ширмой.

В начале века в местечке Тараща молоденькую девушку-красавицу выгодно выдали замуж за сына хозяина рыбной лавки. Голда не любила жениха, он не отличался красотой и статью, но она была послушной дочкой, совершенно готовой к роли жены и матери в еврейском местечке: женщина должна рожать, ухаживать за мужем и детьми, брать на себя всю работу по дому. Образование в перечень женских достоинств в ее семье не входило. Так, по минимуму: чтение и письмо по-русски (в доме и на базаре – только идиш, на улице хватало украинского «суржика»), элементарный счет, формальные основы иудаизма для женщины. А что еще надо? Только детей. А детей долго не было... Вот, года через два родилась дочка. С девочкой сразу начались непонятные проблемы. Ни бабки, ни врач, ни раввин – никто помочь не

³³ Иосиф Райхман родился в 1951 году в Челябинске. Закончил Челябинский политехнический институт. Инженер-строитель. С 1999 года в Израиле.

смог. Практически не научилась ни ходить, ни говорить. Олигофрения. Что это значило для женщины, особенно для еврейки...Огромное горе в семье. Потом – события, перевернувшие жизнь всего поколения. Мужа в 1915 году призвали. Повоевал он около двух лет, был демобилизован по ранению. Вернулся, было, в лавку, к спокойной жизни, а не!

1917 год. Революция. Красные, гайдамаки, немцы, петлюровцы, зеленые, белые, махновцы, котовцы, буденновцы... И грабежи... И погромы... В 1921-ом тихо умерла дочка. Так и не научилась говорить. Закончилась гражданская война. Начинался НЭП. Самсон решил перебраться с семьей в Киев, завести собственное дело. Через 8 лет он «безвозмездно» передал пролетарскому государству свой рыбный магазин, слава Б-гу, без поражения в правах, остался в этом же магазине продавцом и проработал там до самой пенсии, до войны. Естественно, со свежей рыбой в доме проблем не было. Семья жила в относительном достатке.

В 1923 году у Голды и Самсона Севериновских родился сын, Михаил. Произошло все случайно, иметь детей они уже не надеялись вовсе. Тете Голде было под сорок, дяде Самсону –еще больше. Для того времени очень солидный возраст. Да и не хотели они детей, боялись очень, что опять родится неполноценный ребенок. Мальчик родился, слава Б-гу, здоровым, правда маленьким. (В 1937 году, когда семья моего деда вернулась на Украину из Тюменской области, где они прожили с 1930-го, моя мама, которой исполнилось всего 10, была только чуть ниже своего 14-летнего дяди Миши). И – уникально способным!

Чудеса – бывают! В доме, где книг почти не водилось, где мама едва знала грамоту, ребенок к 5 годам умел читать на русском и украинском, бойко декламировал Пушкина, Шевченко. В 6 лет его отдали в школу и уже сразу стало ясно, что в первом классе этому ученику делать нечего. Миша рос шустрим, очень добрым и, главное, скромным мальчиком. Его любили все — и соседи, и родственники. Во дворе и потом в школе и университете у него было много друзей. 14-летний мальчик, который мерялся ростом со своей 10-летней племянницей, уже заканчивал десятилетку!

В 15 лет (!) Михаил Севериновский поступил в Киевский университет на факультет журналистики, его статьи уже печатали в городских и республиканских периодических изданиях. (Вы не поверите, до 1948 года в советское время в Киеве евреи могли свободно поступать в вузы). Для мамы и папы Мишенька был Б-жьим чудом, подарком с небес, единственным счастьем в жизни.

Тетя Голда рассказывала: «Мишенькин профессор хотел прийти к нам в гости, познакомиться с родителями своего любимого студента. И что бы он узнал? Что мама отличника почти неграмотная, а папа — продавец в рыбной лавке и приносит домой спрятанную в брюках ворованную рыбу? Так я надела своё лучшее платье, даже шляпка нашлась, и встретила с ним и Мишенькой около университета. У меня таки хватило разума сделать умное выражение лица, как будто я поняла его разговоры о Максиме Горьком».

В июле 1941 М.С. Севериновский, не успевший защитить диплом 18-летний военный корреспондент одной из киевских газет, смог отправить своих пожилых родителей в эвакуацию. Насколько я знаю, в Казахстан. Вероятно, владел информацией, знал, что ждало евреев, если придут немцы (в местечке Тараща через пару месяцев «добрые» украинские соседи под отеческим присмотром немецких властей зверски замучили жену брата тети Голды, мою прабабушку, вместе с дочерью — сестрой моей бабушки и малолетними внуками).

Потом два года тетя Голда и дядя Самсон получали письма от Миши, уже с фронта...

В конце 1944-го старики вернулись в Киев. Комнатушка их чудом уцелела, даже не была разграблена. Повезло. Где-то через полгода они получили письмо, датированное 17/08/1943, в котором было написано, что их сын, старший лейтенант Севериновский М. С., корреспондент фронтовой газеты, без вести пропал в битве при освобождении города Белгорода. Тетя Голда не могла поверить, что Мишеньки нет больше. Через некоторое время их пригласили в военкомат, передали документы на медаль «За боевые заслуги» и орден, кажется, «Красной Звезды».

В июле 1958 года тетя Голда завела меня за ширму в их комнате: «Это Мишенькин угол». Застеленная чистым, выстиранным покрывалом старенькая железная кровать, стол с настольной лампой и скромным письменным прибором, табурет, на стене — полка с книгами, портрет Максима Горького. Тумбочка, фанерный шкафчик. Ни следа пыли. Вещи ждали своего хозяина. Родители — сына. Не дождались.

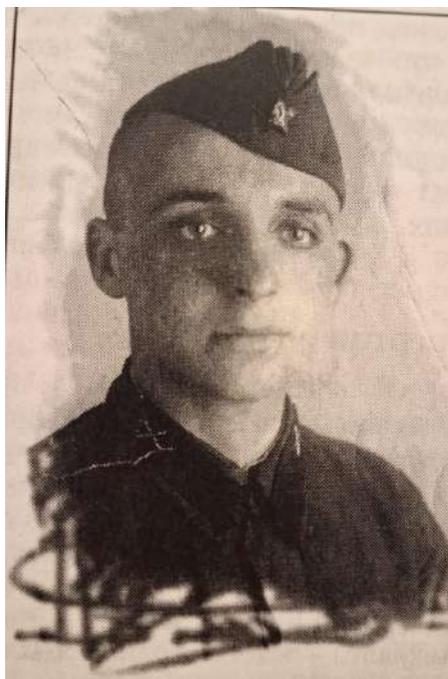
Не уверен в хронологической точности. Написано по рассказам бабушки, мамы, по собственным очень сильным детским впечатлениям и воспоминаниям. Не уверен и в правильности фамилии дяди Самсона. Возможно, Сивориновский. Тетя Голда — точно, урожденная Цукрова. Уже ни у кого ничего невозможно уточнить...

07/11/2020

Наталия Кац-Дербинская³⁴.

Мои родные

Отец – Ефим Нахман Шмуль Хаймович-Дербинский

Ефим Хаймович-Дербинский в годы войны и в последние годы жизни

Папа родился 13 мая 1919 года, в Одессе, в Канатном переулке. После окончания школы поступил в институт, на строительный факультет. Попал под закон о всеобщей мобилизации. Служил в городе Броды Львовской области (по неуточнённым данным, его бабушка Дербинская была родом из этого города, и всю жизнь, как рассказывал папа, молилась за императора Франца Иосифа). Однажды любящая мама прислала ему килограмм тахинной халвы. Как истинный одессит, он купил в киоске свежий батон, в один присест съел всё, началось расстройство желудка, и папа попал в госпиталь. В госпитале благодать – мягкая постель, симпатичные медсёстры, хорошая еда. Что делать, чтобы там

³⁴ Наталия Кац-Дербинская. Родилась в Одессе. Долго жила во Львове. В Израиле (Кирият-Ям) с 1990 г. Биолог. Работала в больницах – и в стране исхода, и в Израиле. Пишет прозу, стихи, сказки.

немного задержаться? Правильно – натереть на термометре высокую температуру. Попался – гауптвахта. Просидел один день – и началась война. Отправился на фронт. Был ранен в руку, попал в плен. Молодые зауряд-врачи³⁵ дали ему документы погибшего умершего солдата Фёдора Жеребцева. Удалось бежать. Брал Вену и Будапешт. После войны восстановился в институте, только на факультете Гидрометеорологии. НКВД вызывало его постоянно, пытались выяснить, как ему удалось выжить. Женился на моей маме. Родилась я. Получил назначение в Читу. Мама со мной грудной приехала к нему. Обещанную квартиру не дали. Вернулись в Одессу. Жили у родителей в Канатном переулке. На работу его не брали – был в плену, а маму не брали на работу – требовали справку, что муж работает. Переехали – сначала в Ригу, потом во Львов. Во Львове папа окончил заочно строительный факультет. Много лет проработал в проектом институте. В 1985 году не стало мамы. В 1990 г. вместе с моей семьей отец репатриировался в Израиль.

Мой любимый папочка похоронен на кладбище в Кирьят Яме в 1997 году.

Свёкр – Леонид Григорьевич (Эли Гершкович) Кац

Эли Кац, родился в городе Олевске Житомирской области в 1921 г. После окончания школы-семилетки работал столяром.

В девятнадцать лет призвали в РККА, служил в Средней Азии в танковых войсках, получил специальность башенного стрелка. На Брянском фронте получил множественные осколочные ранения в руки, грудь и ноги. После года, проведенного в госпитале и в запасных частях, снова отправился в бой. Попал в Крым. К этому времени он уже был стрелком-радистом. Танк загорелся, Леонид смог вытащить весь экипаж. У него обгорела голова – всю жизнь потом брил голову, потому что волосы росли кусками. После окончания крымских боёв командование решило представить к награждению всех отличившихся, и весь экипаж решили представить к званию Героя Советского Союза. Замполит заявил, что не допустит награждать еврея Звездой Героя. В результате дали орден Боевого Красного Знамени. Была бы фамилия Иванов, было бы всё по-другому, но тут открытым текстом: причина – национальность.

³⁵ Зауряд-врач – лицо, имеющее свидетельство, которое дает право занимать должность врача и выполнять соответствующие обязанности, но не имеющее диплома о законченном высшем образовании. Во время войны, по приказу Наркомздрава все студенты, закончившие четвертый курс, были досрочно выпущены со свидетельствами зауряд-врачей. (Дипломы они получили уже после войны.)

Леонид Григорьевич Кац в годы войны и в последние годы жизни

После войны женился на девушке, которая ждала его всю войну. Переехали во Львов. Трое детей: сын, дочь и ещё один сын. Не имея полного образования, окончил вечернюю сменную школу. Потом – техникум пищевой промышленности и университет марксизма-ленинизма. Работал в пищеторге Ленинского района, завмагом. В конце восьмидесятых был уволен, исключён из партии за решение выехать в Израиль. В Израиль попали только в девяностых. Старший сын с семьёй выехали раньше. В Израиле пользовался большим уважением как участник войны и орденоносец.

Папа Лёня ушёл из жизни в 2007 г. и похоронен в Беэр-Шеве, рядом с мамой Верой. Светлая память моим вторым родителям.

Виктор Немировский³⁶. Отец не хотел, чтобы я это знал

Что только в голову не придет. Хоть весь и сублимировал, и скорчился от жизненной текучки, ан, нет, захочется взглянуть назад в осколок зеркальца, увидеть узкий конусок времени и его обитателей...

Папа был первым военным комендантом Феодосии после освобождения Крыма. Недолго, первые 10 дней. Потом, как он сам говорил, пришли другие коменданты.

Он был морским пехотинцем в армии Петрова. Вступив в войну с начала обороны Кавказа, в отдельном полку морской пехоты, он разделил удачи и неудачи Приморской армии в кровопролитных боях под Моздоком, Грозным, бросках через горы к границе с Турцией, освобождении Тамани и наконец в керченском десанте.

События на кавказских участках обороны считались тогда малозначительными, и я только от отца впервые услышал о Малой земле, Цезаре Куникове, боях под Туапсе. На мои мальчишеские вопросы о нем самом, был всегда один ответ: «Зачем тебе? Я не хочу, чтобы ты это знал». Было немного обидно, но разглядывание скромных отцовских медалей будило мое воображение и компенсировало неразговорчивость отца. Медалей было три. Особенно мне нравилась «За Оборону Кавказа»: с рельефными горами, нефтяными вышками, танками и даже десантниками на них. Что еще нужно для мальчишки?! Барельеф Сталина на другой медали был, конечно, красивый, но ничего особенного он не вызывал. Зато третья медаль была больше других, на ней был изображен накатывающийся на тебя танк, и невольно делалось жутко от этого. Короткая и четкая надпись сверху «За отвагу», скрывала что-то главное, то, до чего мне было не добраться, и оставляло туманный след досады.

Еще раньше было время, когда отец казался таким огромным, что можно было обхватить его ногу, как ствол дерева, и смотреть вверх, и видеть, там высоко, чуть ли не под потолком, как закрыв лицо руками, наверное, чтобы не пугать меня, он пытается подавить конвульсии – последствия тяжелой контузии. В эти секунды бой под Моздоком уносил его от нас с мамой. Он терял зрение и речь. Приходя в себя, виновато смотрел на меня, видя мой испуг. С годами эти накаты становились реже.

³⁶ Виктор Немировский. Математик, инженер. Родился в Ленинграде в 1949 году. Живет в Самарии, Израиль.

Однажды он признался, что война все время бушует в нем, и ничем ее не вытравить. Он так и сказал: «Она во мне».

Как-то у Левитанского я нашел строки, в точности повторяющие слова отца. Я был поражен, но прочесть их было уже некому.

Израиль Лейбович Немировский. Тамань, весна 1944

Изабелла Масовер³⁷. Судьба моего отца

Судьба моего отца – типичная для многих людей его поколения.

Федор Ильич Глозман

Глозман Федор Ильич родился в Житомире в 1921 году и при рождении получил имя Файвиш (Файвиш Иделевич), но в Красной Армии его переименовали, и эти имя и отчество (Федор Ильич) он носил до конца своих дней.

После окончания еврейской школы-восьмилетки и деревообрабатывающего техникума в 1939 году его призвали в армию, где он сразу попал в число «освободителей» Бессарабии и Западной Украины, а после этой кампании его перебросили в Ленинградский военный округ на Финский фронт. Отец вспоминал, как они, молодые солдаты, часами лежали на снегу под Зеленогорском, скрываясь от финских снайперов и замерзая. Он обморозился, но выжил благодаря тому, что их командир все время тормозил своих солдат, не давая им уснуть на 30-ти градусном морозе.

После Финской войны отец решил связать свою жизнь с армией и стать офицером-зенитчиком. Он остался в Ленинграде, поступив в Зенитно-Артиллерийское училище на улице Мира.

22 июня 1941 года он оказался в летних лагерях в Красном Селе (ближний пригород Ленинграда). Как отец вспоминал, их, курсантов, построили в 10 утра, и они стояли, ничего не понимая, до 12 часов дня,

³⁷ Изабелла Масовер родилась в 1954 году. Окончила Санкт-Петербургский государственный технологический институт. Живет в городе Кирьят-Бялик.

когда им объявили, что началась война. Объявление о войне застало врасплох не только курсантов, но и руководство училища. Посему было решено отправить безоружных курсантов под Кингисепп (почти в Эстонию) ловить немецких парашютистов. Эти молодые ребята, и мой отец в их числе, 2 недели бродили по лесам, к их счастью, немцев там еще не было, что спасло им жизнь. После этого командование училища вернуло их в Ленинград и провело досрочный выпуск с присвоением всем курсантам звания младшего лейтенанта.

За направлением на место службы надо было ехать в Москву; отец выехал на поезде, оказавшемся одним из последних прямых поездов на Москву, отправлявшихся из Ленинграда. Где-то на полпути поезд стали бомбить. Отцу повезло – вагон, в котором он ехал, не пострадал, но прямая дорога в Москву была отрезана, пришлось добираться окольными путями – аж через Вологду! Назначение было выдано в Казань, на формирование полка ПВО Центрального фронта, в составе этого полка отец и начал войну.

Потом были долгие годы войны на Восточном фронте в должности старшего техника-лейтенанта ПВО и начальника артиллерийской мастерской и начальника арт. снабжения. Окончил отец войну в Польше, пройдя перед этим вместе с наступающими советскими войсками через Румынию и Чехословакию.

После демобилизации из армии окончил Львовский политехнический институт и всю долгую трудовую жизнь строил цеха и руководил производствами стройматериалов.

В Израиле (с 1999 года) отец активно включился в работу клуба ветеранов ВОВ Кирьят-Бялика и, пока был на ногах, не пропускал ни одного мероприятия в этом клубе. Ветеранам было что вспомнить на этих

встречах. Но таких людей, которые, как мой отец, прошли две войны, к тому времени осталось уже немного.

Дома отец не часто рассказывал о своих военных годах, но всегда был очень горд, получая награды как фронтовик. Особенно он расстрогался, получив Израильский знак отличия за вклад в борьбе с нацизмом.

Мария Фердман³⁸. Розочка

Розочка окончила Одесский университет, критико-театральный факультет, перед самым началом войны. Диплом она защитила двадцать шестого июня тысяча девятьсот сорок первого года. После защиты весь курс послали на фронт – медсёстрами и медбратьями.

Отправка была назначена на шесть утра, и на сборы времени почти не оставалось. До отхода командир собрал ребят и провел инструктаж. Командиру было лет сорок... Спортивное телосложение, необычные пронизательные глаза, увидев которые, уже не забудешь... Слушая и глядя на него, Роза впервые почувствовала какое-то необъяснимое и ранее не испытанное чувство радости и волнения, но словно ледяной волной оно было мгновенно погашено при мысли: «Война!»

Поезд отъехал от Одессы, выбивая колесами свой неповторимый мотив, такой же, как и в мирное время. Бывшие студенты смотрели в окно, думая о своем, они верили, что война скоро закончится и можно будет вернуться в любимый город. Подъезжая к очередной станции, они услышали рёв самолетов: началась бомбёжка... Выскочив из вагона, ребята побежали подальше от поезда, но путь им преградила стена. Розочка была самой маленькой, пухленькой и неспортивной, и в отличие от других, она не смогла одолеть эту стену. Кто-то пытался ей помочь, но понял, что не сумеет, и убежал... Розочка сжалась в комок, закрыла глаза, голову обхватила руками, прижалась к стене, понимая, что ей бежать некуда...

Сколько длился этот кошмар, она не знала, оглушенная гулом самолётов и страхом, сковавшим её... Когда гул затих, начала приходить в себя. Совсем близко увидела разрушенную часть стены, рядом воронку от бомбы и своих однокурсников... – всех до одного убитых! Девушка подходила к каждому в надежде, что хоть кому-то можно помочь. Вдруг она увидела командира и побежала к нему. Командир пытался закрыть своими широкими ладонями разорванный живот, глаза его были точно такие, как голубое южное небо... Он удивленно спросил: «Розочка, ты ещё жива? А я уже нет!»

³⁸ Мария Фердман – техник-технолог. Родилась в Гомеле. В Израиле с 1991 года. Живет в Нешере. Пишет стихи и прозу.

Лариса Маламуд³⁹. Я построю вам дом

Вещмешок оттягивал спину, испарина выступила на лбу. Аркадий снял фуражку, чтобы ветерок обдул голову. Плотная шинель была не по сезону, но он радовался, что она не затерялась в суматохе, неизбежной при эвакуации раненых. Сестрички в госпитале отстирали ее от крови и грязи. Шинель служила ему уже два года, и он загадал, что встретит с ней победу. После освобождения родного Киева Аркадий впервые почувствовал, что войне скоро конец. До этого он не думал о том, что будет потом, после победы. Тяжелые бои отбирали все силы.

Вернется ли он в Киев, цела ли их квартира? Что будет с учебой, нужны ли будут архитекторы? До войны он закончил два курса строительного института. Аркадий рисовал с детства и мечтал стать художником, но решил получить надежную специальность. Все чаще среди солдат ходили разговоры, что после победы домой всех не отпустят, иначе страна останется без армии. Майор Проненко собирался направить его на курсы политрабтников, но в битве под Ингульцом Аркадия ранило. Из прифронтового госпиталя его отправили «для поправки здоровья» в глубокий тыл.

Какой же тяжеленный этот мешок. Аркадий остановился и подтянул лямки, огляделся по сторонам. А, вон там, на доме через дорогу – табличка с номером сорок шесть. Ему нужен пятьдесят четвертый. Там живет она, Нина.

Первое письмо от Нины он получил случайно. Оно могло попасть и Степану Карнаухову, и Вовке Зайченко. Да кому угодно из их взвода. Привезли посылки от уфимского мединститута в одном большом мешке и раздали, кому какая попадет. Ему досталась маленькая, зашитая в серую холстинку. Чернильным карандашом на ней было написано «Все для фронта, все для победы». А внутри – две пары шерстяных носков и письмо: «Дорогой незнакомый боец! Я – Нина Сандлер, студентка лечебного факультета...» Несколько строчек стремительным почерком человека, привыкшего много писать. Аркадий получал письма только от матери, эвакуированной в Коканд, и двух одноклассников – Ромки Левита и Тоси. Ромку, переболевшего в детстве полиомиелитом, в армию не призвали, эвакуировали в Свердловск. Там же была и Тося. Ни невесты, ни любимой девушки у Аркадия до войны не было. Нравились ему многие, но ничего серьезного не получилось. А Нина... Без особой

³⁹ Лариса Маламуд выросла в Одессе. Училась в МГУ им. Ломоносова. Живет в Беэр-Шеве, Израиль. Руководитель филиала в Школе разговорного иврита

надежды отправил он ей письмо, Нина ответила, и завязалась переписка. «Я хочу стать хирургом, меня все отговаривают, не женская это профессия», – делилась Нина. «Я боюсь вида крови», – признавался Аркадий. В первые месяцы войны его часто тошнило при виде ран, несколько раз терял сознание. Приходилось скрывать свою слабость от товарищей, другим не легче. «Я боялась перед первым занятием в анатомичке, а теперь привыкла. Сейчас мы иногда в морге едим», – ответила Нина. «Вчера ходили на премьеру «Шехерезады», – писала Нина, а Аркадий пытался представить оперный театр во время войны. Из чего построили декорации, где брали реквизит, в чем Нина пошла. Есть ли у нее нарядное платье? Легкое и летящее, как у Любви Орловой в фильме «Светлый путь». Он бы с радостью ей такое подарил, лишь бы она позволила.

Аркадий остановился перед дверью с покосившейся цифрой «два». Обернулся, проверил, не наследил ли на лестнице грязными ботинками, и, набрав воздуха, постучал. Негромко, три раза. Это был их с мамой условный стук.

Гюзель сыпанула в бак для кипячения белья хлорки и размешала большой палкой. Опять Нинель скривится и скажет: «Зачем хлорку насыпаете, микробы и так погибнут», но Гюзель всегда так делает. Мама её так стирала. Про бабушку не скажет, та всю жизнь в деревне прожила, стирала в речке. Соседки пользуются только черным хозяйственным мылом, вони и от него достаточно, а белье остается серым.

Нинель, она просит её называть Нина, но Гюзель привыкла людей звать по имени, что дали им родители, конечно, ученая, врачом скоро будет, но Гюзель тоже не какая-нибудь старуха неграмотная, четыре класса закончила. Имя «Нинель» ей нравится, на башкирское похоже, как Айгуль или Гюзель. И родители у жилищки правильные, раз в честь великого Ленина назвали.

Нинель сегодня из комнаты еще не выходила, только с самого утра слышно «бу-бу-бу». Радио слушает. Оно и понятно, даст Аллах, скоро и её город освободят, война закончится. Поедут домой эвакуированные, только что их там ждет, один Аллах ведает. Левитан все время говорит: «После ожесточенных боев, после ожесточенных боев». Бедные люди, по всей стране их мотает, сначала в одну сторону голые-босые поехали, вернутся домой, а там сплошные развалины.

Нинель на прошлой неделе сказала, что жениху её отпуск дали, приехать должен со дня на день. Ей бы радоваться, а она задумчивая

какая-то, молчит. Любит его, переживает. В дороге всякое может случиться. Раньше приходила из института или после дежурства в госпитале, садилась с Гюзель чай пить, рассказывала про раненых. Иногда даже что-нибудь смешное, они же молоденькие все, им сейчас самое время веселиться, если бы не война эта проклятая, а теперь сразу в комнату к себе идет, вяжет, новости слушает и пишет что-то. Показала недавно носки полосатые, ладные такие, Гюзель спросила «Жениху отправилась?». Нинель ответила, что для фронта посылки собирают.

В дверь негромко постучали, но Гюзель услышала. Видела она не очень хорошо, еще и пара полно от стирки, а слух у нее отличный, звон трамвая за три улицы слышала.

Нина довязывала носок. Работы оставалось минут на сорок. До двенадцати нужно было все отнести в комитет комсомола. Там опять собирали посылки на фронт.

Минутная стрелка догнала часовую, и обе замерли на цифре десять. Нина ждала утренний выпуск новостей. Бои уже несколько дней шли на подступах к Одессе.

В коридоре раздался скрежет, грохот и визгливый вскрик. Гюзель корыто на ногу себе уронила и поминала шайтана и всех его родственников. Гюзель, старая коротконогая башкирка, которую Нина про себя называла «газель», затеяла большую стирку. Равиль, брат Гюзель, с утра натаскал два чана воды. В такие дни Нина старалась не выходить в коридор, чтобы не задохнуться в клубах обжигающего пара. Она не раз говорила, что не нужно добавлять хлорку, но даже её авторитет будущего врача не способен был переубедить Гюзель, упертую как старый ишак Равиля.

По радио передавали арбузовскую «Таню» с Марией Бабановой в главной роли.

В дверь забарабанили, раздался загроможденный крик Гюзель:

– Нинель, Нинель!

Гюзель всегда называла её полным именем, как бы подчеркивая, что это перевертыш фамилии «Ленин». Нина свое имя не любила, а про сокращенный вариант решила, что он в память Нины Чавчавадзе.

– Нинель, офицер пришел, говорил Нинель надо.

Нина отложила вязание и сквозь белесый туман побежала к входной двери. У порога стоял незнакомый лейтенант. На его лбу выступила

испарина. Бледный до голубизны треугольник лица, сантиметровой ежик черных волос, шрам на левом виске. Похоже, после ранения.

– Я так и знал, так и знал, что вы меня не узнаете, – офицер сдернул с головы фуражку. – Я – Аркадий.

Он произносил слово «знал» как «знаю».

– Аркадий! Аркадий... Просто не ожидала.

Она схватила ляжку вещмешка и стала стаскивать с его плеча: – Вам тяжело?

Аркадий улыбнулся. С начала войны его никто ни разу не спросил, не тяжело ли ему.

– Аркадий... – проговорила Нина и коснулась его щеки, стараясь не дотрагиваться до шрама. Затем с удивлением посмотрела на собственную руку и спрятала за спину. Ладонь горела как после ожога крапивой в лесном малиннике.

– Я тут проездом...

– Господи, проходите, что же мы на пороге стоим. Я вас чаем сейчас напою.

Нина пошла вперед по плохо освещенному коридору. Аркадий ей в спину объяснял:

– Я был в госпитале, в Стерлитамаке... Я подумал...

Они вошли в комнату.

Минутная стрелка прыгнула на двенадцать.

– Тише, тише!

«Войска 3-го Украинского фронта сегодня, 10-го апреля, в результате умелого обходного маневра пехоты и конно-механизированных соединений в сочетании с фронтальной атакой, овладели важным хозяйственно-политическим центром страны, областным городом Украины и первоклассным портом на Черном море – Одесса...» – торжествующе произнес Левитан.

– Ура, ура! Аркадий, вы слышите, Одессу освободили!

Она обхватила его и расцеловала в щеки. Аркадий медленно опустился на край кровати, застеленной белоснежным вышитым покрывалом. Как был, прямо в шинели.

– Спасибо, – Аркадий отставил чашку, – больше не помещается.

– Да вы пейте, пейте. И мёд берите. Это домашний. Гюзели племянник из деревни привез. А я сейчас картошки сварю, – вскочила Нина. – С собой возьмете картошки в мундире. Это недолго.

Раздался стук, следом дверь сразу распахнулась.

– Гречневой каши вам принесла. Корми жениха своего, что вы чаем наливаєтесь, – Гюзель оглядела гостя, поставила казанок на стол и поковыляла на кухню. Нина покраснела. Они помолчали, затем Аркадий встал, одернул гимнастерку и сказал:

– Поздно уже, а мне еще Проселочную улицу искать.

Нина посмотрела на часы. Господи, время как пролетело. Они могли бы говорить еще и еще.

– Я с вами пойду. Вдруг заблудитесь. А знакомые вас ждут? – заволновалась Нина.

– Они знают, что я должен приехать. Да вы не беспокойтесь. Я и на вокзале могу переночевать.

Нина с Аркадием шли по узкой улице, старались обходить лужи, но иногда вода разливалась так широко и подступала близко к заборам, что ничего не оставалось, как ступать прямо в черную жижу. Шли то рядышком, то гуськом. Нина поскользнулась, Аркадий подхватил её под локоть. Они вышли на ровное место, но он продолжал её поддерживать. Аркадий молчал, но по хриплому учащенному дыханию Нина чувствовала, что он устал. Скорее бы дойти до дома номер три по Проселочной улице. Она не могла оставить этого симпатичного лейтенанта у себя. Гюзель и так все время повторяла: «Никаких мужчин, никаких мужчин», хотя Нина ни разу ей повода для таких слов не давала.

Вчера она получила от Бориса письмо. Он написал, что скоро приедет в отпуск, и они распишутся. Первый раз он сказал, что они поженятся, когда им было по четырнадцать. Они познакомились через Нининого одноклассника Гарика. У родителей Гарика и Бориса дачи были рядом, и мальчики с детства проводили каждое лето вместе, а когда стали старше, часто встречались и зимой в городе. Нина сразу вошла в их компанию и стала её королевой. Оба были в нее влюблены, кормили мороженым, водили в театр и кино. Они специально ездили на Фонтан наломать ей любимой белой сирени. С началом войны их разбросало, Нину с родителями эвакуировали в Башкирию. Гарика из одесского медицинского института перевели в ленинградскую военно-медицинскую академию, Борис ушел добровольцем на фронт.

Борис пишет, что им нужно пожениться. Аргументы у него деловые и веские: о судьбе его родителей ничего не известно, они во время оккупации оставались в Одессе, так что можно предположить самое худшее. Если с ним, Борисом, что-то случится, она как вдова фронтовика

будет получать пенсию. Конечно, он прав. Ему всегда удавалось остужать её смелые и нелепые мечты и желания: пройти по узкой кромке высокой скалы над морем, поехать на комсомольскую стройку или стать артисткой оперетты.

– Нина, а вы были в Ольвии? Это же рядом с Одессой. Я мечтаю увидеть храм Зевса после войны.

– Я не была в Ольвии, зато я была в Аркадии, – засмеялась Нина, – вы знаете, что в Одессе такой район есть? Аркадия – это место, где царят счастье, мир и покой. И живут счастливые Аркадии, – добавила она. – Я любила там гулять.

– Как вы думаете, после войны архитекторы будут нужны? – вдруг спросил Аркадий. – Полстраны разрушено, людям негде жить. Закончится война, эвакуированные захотят вернуться домой, а крыши над головой не будет. Строить придется быстро, а рабочих рук мало. Кто погиб, кто в армии останется. Я все думаю, до красоты ли будет.

– Конечно, будут, – мгновенно ответила Нина, будто и она об этом часто думала, – без архитектора красивый дом не построишь, только избушку на курьих ножках.

Аркадий рассмеялся так, что закашлялся. А потом сказал:

– Я хочу строить жилые дома. Мои сокурсники мечтали о больших проектах. Валера Травкин замахнулся даже на станцию метрополитена, а я дома хочу строить. Чтобы света много, воздуха... Деревья и цветы. Много цветов.

Туман сгущался, Нине стало страшно, ведь ей еще возвращаться домой. Она вспомнила, как однажды они с Борисом шли из парка Шевченко в Аркадию. Дорога была хоженная-перехоженная, казалось, она сможет пройти ее с закрытыми глазами, но опустился такой густой туман, что ничего не было видно на расстоянии протянутой руки. Раньше Нина думала, что «на расстоянии протянутой руки» – фигура речи, но кончики ее пальцев действительно терялись в молочном облаке, отчего казались неестественно длинными. Борис был где-то рядом. Она хотела опереться на него, но не смогла до него дотянуться. Хотя дорога была асфальтированной, она ступала, высоко поднимая ноги, как будто шла по воде, нащупывая ступней дно. Через какое-то время туман немного рассеялся, тусклые огни фонарей Аркадии служили им маяком. Молча дошли они до конечной станции трамвая, и так же молча поехали домой.

– Можно? – коснулся Аркадий Нининой ладони. Держась за руки, они дошли до Проселочной улицы, и повернули на свет лампочки, мигающей в окне. Это и оказался дом номер три. На стук в ворота вышла невысокая русая женщина, набросив на плечи фуфайку.

- До свидания, – Нина погладила Аркадия по рукаву шинели.
 - Нина, я скоро напишу.
 - Я буду ждать, – Нина развернулась и шагнула в темную пелену.
 - Нина, я построю вам дом.
 - Верю. Я вам верю, – крикнула она в пустоту.
- Двое разошлись в тумане, приближаясь друг к другу.

Вера Кириченко⁴⁰.

Два рассказа

9 Мая 1945 года

Я принадлежу к поколению, которое родилось в СССР, где множество союзных республик жили и работали вместе. И в страшном сне не могло присниться, что в наше время на части этих территорий разразится братоубийственная война. Простой народ терпит лишения и на Украине, и в России. Очевидно, что у каждого политика своя правда, но сейчас развязывать войну – это безумие! Гибнут молодые бойцы, умирают старики и дети, рушатся города, всей планете грозит уничтожение, а войне – конца и края не видно... Кому это выгодно – политикам, бизнесменам?

Невольно вспомнился счастливый День Победы 9 мая 1945 года. Мне тогда еще не было и четырех лет, но этот замечательный день я помню до мелочей.

Проснулась я от шума в доме и во дворе. Братья радостно прыгали на диване и, подбрасывая пилотки (которые когда-то нашли возле речки), кричали во весь голос:

– Ура-а-а! Победа!

Потом мы выбежали во двор, где собрались соседи с детьми. Под цветущей вишней сидел на скамейке Вакула. На нем была новая рубаша, на пиджаке сверкали ордена и медали. На всю жизнь запомнился холодок, пробежавший у меня по телу при виде этого человека: у него по локоть не было рук. Он потерял их на войне. Десятилетний сын подносил ему папиросу-самокрутку и Вакула глубоко затягивался, а из глаз по щекам текли слезы.

Соседки обнимались, смеялись и тут же горько заливались слезами. Многие из них уже давно получили похоронки на близких. Только о нашем отце никакого сообщения не было. Мы свято верили, что он жив. Мама каждый вечер, укладывая нас, четырех детей, спать, читала молитву и всех нас крестила.

Её молитва не только сохранила нас, но и наш дом. Ведь рядом с домом упало шесть бомб, две из которых не взорвались. Их разминировали уже после войны, предварительно отселив всех жителей

⁴⁰ Вера Павловна Кириченко родилась в 1941 году в г. Ичня на Черниговщине в многодетной семье. В пенсионном возрасте начала писать стихи и прозу. Автор проекта и главный редактор Международного литературного альманаха «Планета друзей», первый номер которого вышел в 2011 году. Член Союза писателей Крыма. Имеет двух сыновей, трех внуков и двух правнуков.

нашего квартала. Две из шести бомб угодили в наш огород и в огород соседки, третья бомба упала на дом Басанских, который был рядом с нашим домом. Четвертая – упала на дом Шубиных, что был расположен напротив нашего дома. Вот мы и верили в силу маминой молитвы. Фактически эти бомбы падали вокруг нашего дома. Правда, все стекла окон в доме и некоторые двери были выбиты.

Мама тоже была во дворе и вместе со всеми радовалась и плакала. Мимо нашего крылечка куда-то бежали люди. Когда мама возвратилась в комнату, она надела праздничную блузку-вышиванку с пушистыми бубонами и принялась надевать на меня ботиночки. Я игралась с бубонами и мешала себя одевать.

– Доню! Не мешай мне. Мы должны успеть на площадь, чтобы услышать важное сообщение товарища Сталина, – произнесла мама.

Услышав слово «Сталин», я тут же перестала играть с бубонами. В то время Сталина все любили, как Бога. И даже я, маленькая девочка, понимала это, ведь вокруг только и говорили:

– Сталин разбил фашистов!

– Сталин одержал Победу над фашистской Германией!

Когда мы прибежали на площадь, людей там было больше, чем когда привозили в хозяйственную лавку керосин и свечи. Тогда электричества не было, и приходилось выстаивать огромные очереди, чтобы запастись необходимым до следующего привоза.

На площади стоял гул от голосов собравшихся. И тут из черного репродуктора раздался громкий голос (теперь я знаю, что это был Левитан), все вокруг замолчали.

Слушали сообщение о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Потом прибежали мои братья и сообщили, что во дворе церкви стоят огромные котлы с кашей, борщом и киселем. Будут всех угощать в честь Победы, только нужно иметь при себе ложки и миски с кружками. Мы с мамой направились в церковь, а братья побежали домой за посудой. Тарелок в то время в нашей семье не было, но у каждого из нас была своя посуда. У Шурика (десяти лет) и Коли (восьми лет) были солдатские котелки, а у Валика (шести лет) и у меня – крышки от этих котелков. У мамы была металлическая миска и солдатская кружка, а у нас вместо кружек были гильзы от больших патронов.

Я до сих пор помню тот восхитительный аромат борща, вкус каши и киселя, которым нас угощали в церковном дворе 9 мая 1945 года.

Самым большим счастьем для нас и всего народа было окончание войны. Хотелось бы, чтобы на всей Земле снова наступил Мир!

Возвращение

День, когда наш отец возвратился с войны, остался в моей памяти светлым, ярким, счастливым воспоминанием.

Был конец августа 1945 года. В тот день мама, как всегда, батрачила, чтобы прокормить нас, четверых детей, а нам с утра привезли по разнарядке уголь. Десятилетний Шурка и восьмилетний Колька носили его ведрами в сарай, а мы с шестилетним братом Валиком подбирали мелкие кусочки, что оставались в сухой траве. Во второй половине дня мы были на поляне возле разбитого в войну подворья Шубиных. Там уже собрались дети из близлежащих домов, которые тоже освободились от обязанностей по дому. Одни принялись играть в прятки, а кто постарше – в карты на пуговицы. Мне не было и четырех лет, и меня в игры не брали. Я собирала в заросшем разбитом подворье Шубиных сухие колючки репейника и мастерила из них диванчик для куклы. Это лето было такое жаркое, что грунтовая дорога по нашей улице по щиколотку была покрыта пылью – колеса от машин и повозок перетерли землю.

Вдруг кто-то из ребят крикнул:

– Хлопцы! Атас! К нам направляется боец с винтовкой!

Все мигом рассыпались кто куда: одни побежали к речке, кто-то залез на тополь, кто-то спрятался в кустарник акации. Я тоже испугалась и побежала по пыльной дороге, а человек с винтовкой бросился за мной. Когда он меня догнал, то поднял высоко, обнял и прижал к себе и тихонько промолвил:

– Доченька! Чего ты испугалась? Я же твой папа! Не плачь! – Но я продолжала реветь не своим голосом.

Братья, увидев эту картину, стали потихоньку приближаться к нам. Они догадались, что отец пришел с войны. Отец опустил меня на землю и, пригнувшись, раскрыл свои объятия им. Братики бросились к нему, а папа, обняв всех нас, целовал наши головы.

– Пойдемте скорей домой. Мама дома?

– Мама Ярьескам помогает выбирать картошку в поле. Будет дома поздно вечером.

– В первую очередь мы пойдем на речку и искупаемся. Смотрите, какие вы все чумазые, да и я весь покрыт пылью и потом, – сказал, улыбаясь, отец.

Широко открытыми глазами я смотрела на этого высокого, красивого и ласкового военного. Я никогда не видела своего папу и даже не представляла его себе. Взяв меня на руки, а Валика за руку, отец

направился к нашему дому, Колька и Шурик шли впереди. За плечами папы была не только винтовка, но еще висел огромный вещевой мешок. Придя в дом, он достал из него мочалку, полотенце и такое душистое мыло, что в комнате долго стоял этот приятный запах. Еще братья захватили с собой рядом с полотенцем и мы отправились на речку, которая находилась недалеко. Берег ее зарос камышами, место для купания было возле разбитого моста, а вместо него торчали сваи.

Когда пришли к речке, братья тут же попрыгали в воду, раздевшись догола. Отец, оставшись в кальсонах, раздел меня и понес в воду. Намылил мою головку пахучим розовым мылом, такого мыла у нас никогда не было! Потом, сполоснул мои волосы и намыленной мочалкой стал меня легонько тереть, приговаривая:

– Доченька моя красивая, белочка моя пушистая, радость наша ненаглядная.

Такие слова никто никогда мне не говорил, от удовольствия глазки мои закрывались. Папа, искупав меня, завернул в полотенце и, усадив на рядом, сказал:

– Верочка! Ты не вставай, а сиди и смотри, как мы будем нырять и плавать, – потом позвал братьев:

– Дети! Кто из вас умеет нырять и плавать?

– Все! – тут же ответили они.

– Становитесь в одну линию и по моей команде ныряем. А ты, доченька, замечай кто первым вынырнет.

Когда они нырнули, я со страхом смотрела на речку, боялась чтоб не утонули. Первым вынырнул отец и внимательно смотрел на воду, вторым показался из воды Валик, а Колька и Шурик вынырнули почти с противоположного берега. Они очень хорошо плавали. Отец тут же подплыл к ним и предложил:

– Посмотрим, кто быстрее окажется на том берегу, возле Верочки.

Вернувшись на берег, отец и ребят хорошо помыл мочалкой и душистым мылом. Волосы ребятам не пришлось сушить, потому что головы были бритые налысо, да и у отца голова была почти бритая.

Возвращаясь с речки, возле нашего дома увидели толпу соседей, взрослых и детей – они кинулись обнимать моего папу. Все радовались и тут же обливались слезами, зная, что их мужья уже никогда не возвратятся домой. Со всеми соседскими ребятами отец здоровался за руку, как со взрослыми.

Зайдя в дом, отец принялся доставать из вещевого мешка мясные и рыбные консервы, хлеб, сгущенное молоко и печенье, которое он называл «галетами».

– Только дождемся маму и сразу будем ужинать, отпразднуем мое возвращение.

Только это сказал, как тут же в комнату вбежала, запыхавшись, мама. Ей по дороге сообщили о возвращении мужа.

Отец кинулся к ней, и она повисла на его руках. Бережно подняв маму на руки, усадил рядом с собой на скамью и приказал нам принести воды. Придя в себя, она только и могла сказать:

– Жив! Я знала, что жив!

Отец, прижав её к себе, прослезился, целовал её руки, лицо, голову, и мы вместе с ними плакали от радости.

Когда немного успокоились, отец отрезал нам по два ломтя хлеба. На один ломоть положил мясной тушенки, а второй покрыл сгущенным молоком и еще дал нам по галете. До сих пор помню этот незабываемый аромат тушенки и сгущенного молока!

Потом пришли к нам соседи. Кто принёс вареную картошку, кто малосольные огурчики и свежие овощи, кто сало, а баба Дядюнка – литр самогона. Отец вынес на улицу стол и скамейки, да и соседи вынесли два стола со стульями и начался праздник по случаю возвращения отца, единственного мужчины, дошедшего до Берлина и оставшегося живым и здоровым.

С этого дня наш отец стал отцом для всех соседских ребят. Он воспитывал всех, как собственных детей. И даже наказывал так же, если они проказничали или курили. Их матери были только благодарны ему.

В августе 1946 года у нас родился братик Толик. Мы жили в бедности, но очень дружно. У каждого из нас были свои обязанности по дому, мы их старательно выполняли. Конечно, нам завидовали все дети, отцы которых не пришли с войны, и всей душой тянулись к нашему папе. В свободное время он с ними ходил на рыбалку, в лес по грибы и ягоды. Вместе с ребятами мастерил тачки с одним колесом для заготовки в лесу сосновых шишек на зиму, мастерил ходули и проводил соревнования по ним среди мальчишек. Зимой вместе с мальчишками в огороде лепили из снега ограждения и заливали водой внутреннее пространство. Получался каток.

Через всю жизнь пронесли соседские ребята свою любовь к нашему «бацьке», как они его называли. А в моей памяти запомнился на всю жизнь этот жаркий августовский день – день возвращения отца с войны.

Ефим Богомольный⁴¹. Послевоенное детство

Я родился в марте 1939 года в Харькове и не могу помнить нашу эвакуацию на Урал в октябре 1941-го, в теплушке и под бомбёжкой. Эвакуировались мы всей семьёй – папа Соломон Давыдович, мама Мария Ильинична и я с братом Даней 5 лет. Отец, преподававший в Харьковском политехническом институте математику, из-за зрения в минус 12 не был мобилизован на фронт. Институт после начала войны распустили, а семья с помощью папиных учеников эвакуировалась с каким-то заводом на Урал, в Нижний Тагил. Там папа был принят преподавателем математики в эвакуированный туда же Брянский институт транспортного машиностроения (БИТМ). В сентябре 1943 году Брянск был освобожден от фашистов, и семьи преподавателей в начале 1944 года вернулись в Брянск, а летом после окончания учебного года должны были вернуться и преподаватели.

Брянск после ожесточённых боев был полностью разрушен. Одним из немногих уцелевших каменных зданий было здание БИТМ, где фашисты размещали свой штаб. Нас поселили в примыкавшем к зданию бараке в одной из восьми однокомнатных квартир.

Город был наводнён разным оружием, снарядами и военным снаряжением. Дети играли с неразорвавшимися снарядами и патронами, которые бросали в огонь для фейерверка, многие из-за этого стали инвалидами. Помню немецкие складные спиртовки для готовки еды на сухом спирту. Во дворе института были бронетехника, артиллерия и другие машины. Наш барак выходил в институтский двор, и мы, дворовая ребятня 4–5 мальчиков 5–7 лет, могли играть с этой техникой в нарушение строгих предупреждений от родителей и администрации. Когда однажды меня, шестилетнего, вытащили из-под танка и передали на воспитание отцу, он, человек в общем миролюбивый, впервые всыпал мне ремнём по заднице. И вот уже 80 лет я под танки не забираюсь (кроме военных лагерей в институте). Однажды наша компания забралась на чердак и с него на крышу двухэтажного института, откуда нас снимали по пожарным лестницам с последующей воспитательной экзекуцией.

В БИТМе действовал единственный в послевоенном Брянске

⁴¹ Ефим Богомольный родился в 1939 г. в Харькове. Закончил Брянский институт транспортного машиностроения в 1961 г. Кандидат технических наук. Работал на Коломенском заводе. Репатриировался с семьёй в Израиль в 1990 году.

кинозал, где каждый вечер показывали два сеанса трофейных фильмов. И использованные билеты выбрасывали в мусорку, откуда мы, ребята, их доставали и вновь склеивали для повторного использования. Мы наловчились забираться в кинозал до начала сеансов, прятались за шторами и выходили из-за них, когда тушили свет. Запомнился японский фильм, в котором мальчика ставят к стенке, и другие ребята кидают вокруг его головы и тела клинки, демонстрируя самурайскую смелость.

День Победы на центральной площади Брянска 9.05.1945 г.,
автор воспоминаний на руках у отца – С. Д. Богомольного

В День Победы 9 мая 1945 на площади города прошёл стихийный митинг, о котором осталась памятная фотка – я сижу на плечах у папы! Летом 1945 года папа поехал в командировку в Москву, откуда привёз нам с братом королевский подарок – детский велосипед. За неимением в городе асфальтированных дорог, мы с братом гоняли на велосипеде по коридорам института, благо к этому снисходительно относились

преподаватели и студенты. Наша ребятня из институтского барака нашла дорогу на институтский склад, где были, в том числе, автомобильные камеры. Кое-как накачав их, мы отправлялись на реку Десну учиться плавать, не отрывая родителей от их трудов. Наша мама почти сразу по приезде в Брянск устроилась по своей специальности экономистом в местный отдел столовых и ресторанов.

В нашем дворе были сараи для всех жильцов. И родители купили поросёнка, чтобы его вырастить и осенью заколоть на мясо. Для поросёнка, прозванного Борис Ивановичем, мы с братом собирали всякую траву, которую перемешивали со жмыхом, и кормили его. Летом институт решил отремонтировать наш разваливавшийся барак, и все семьи перебрались на лето жить в сараи. Мы сделали настил над хлевом свиньи и прожили с ним «в обнимку» всё лето. Осенью подросший боров был заколот, и у нас появилось мясо и свиная колбаса, что было очень кстати!

В 1946 году я пошёл в ближайшую семилетнюю школу. Мама отводила меня в школу по дороге на работу, а возвращался я самостоятельно вместе с братом, пошедшим в школу в 1944 году. По сложившейся традиции при расставании я пел популярную тогда песню «До свиданья, мама, не горюй! На прощанье сына поцелуй!»

*1949 г. 3-й класс 13-й семилетней школы.
В классе — 42 ученика, учёба в 3 смены*

Рядом с нашей деревянной школой было разрушенное здание большой каменной довоенной школы, которое было для нас основным местом игр и развлечений. Наша школа была только для мальчиков, по законам того времени девочки учились отдельно. Соответственно, нравы

в школе были как в бурсе, провинившегося мальчика учителя (многие из которых только что вернулись с войны) могли и побить. Иногда на переменке ученики устраивали общую тусовку «куча-малА», когда в общий котёл летели портфели и всё, что было под рукой. Разрядившись, усталые и довольные, ребята шли домой. Однажды, возвращаясь из школы, я обнаружил на дороге старую красную ещё дореформенную 30-рублёвую купюру. Я осмотрелся вокруг и, не обнаружив ничего подозрительного, взял эту купюру и пришёл домой. Дождался брата, и мы решили купить на эти деньги карандаши с красками и другую необходимую нам мелочь. Когда мать пришла с работы и увидела у нас внеплановые игрушки, она спросила: «Откуда они у вас?» Я признался, что нашёл деньги на дороге домой. Мать устроила нам скандал, дала нам такую же, как найденная, купюру, и потребовала немедленно пойти и положить на то же место! И лишь приход отца и его мнение помогли нам избежать этого позора...

В 1947 году к 30-летию Октябрьской революции в Брянске был восстановлен кинотеатр «Победа» с двумя наклонными кинозалами и центральным двухэтажным фойе. Кинотеатр даже попал в Большую Советскую Энциклопедию из-за оригинальности строения. Тыльной стороной кинотеатр выходил в парк. Под застеклёнными со стороны парка кинозалами снаружи имелись наклонные бордюры шириной 8-10 см. Мы, ребятня, наловчились подниматься по этому наружному бордюру до центральной застеклённой части фойе, где наши друзья, прошедшие по билету, открывали нам за шторами окна. Так по одному билету проходило 5-10 ребят. Ребята по достоинству оценили оригинальность строения! На всю жизнь запомнился трофейный фильм «Тарзан» – это был культовый детектив о человеке среди животных. Все ребята тогда криками подражали Тарзану. Были и другие западные детективы.

В 1951 году БИТМ построил два 8-квартирных дома, и в одну из квартир въехала наша семья. Как тогда говорили: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Но нам, 12-15 летним парням, не хватало турника. Мы решили его построить своими силами. Два вкопанных в землю бревна, перекладина из лома – и турник готов

Мы пользовались им до окончания института.

Начиналась уже вполне мирная жизнь.

Светлана Книжник⁴². Выпускникам 1941 года

*Посвящается моей бабушке,
Юлии Борисовне Книжник.*

Киев... Весна... На дворе сорок первый...
Это у взрослых прогнозы и нервы,
А старшеклассница тем весела,
Что просто здорова, умна и мила.
Целыми днями смеялись девчонки,
Две милых скромницы и комсомолки,
Их одноклассник сердился на это
И написал в общешкольной газете:
«Скоро экзамены, класс выпускной,
Очень некстати ваш смех озорной!»
Чем же был вызван тот смех без причины?
Первым внимательным взглядом мужчины?
Жаждой весны, уходящего детства,
Вспышкой невинного полукокетства?
Знали: всё в жизни должно получиться;
В ВУЗ поступить и впервые влюбиться,
Новые люди, дела, города, –
Все лишь об этом мечтали тогда!
Сколько потом было прожито горя...
Крови и слёз было пролито море.
Голод... Нужда... Похоронки... Лишенья
Эвакопункты взамен приключеньям...
Жизнь подарила не всякому шанс,
Смех без причины был просто аванс,
Кроха ничтожная, скудный задаток,
Очень немногим достался остаток...
Мало осталось приятелей детства,
Кто миновал Бабий Яр и Освенцим,
Кто-то погиб, защищая страну,
Кто-то с болезнью не вынес войну.
Вместе росли вы, учились, выросли,

⁴² Светлана Книжник живет в новосибирском Академгородке. Мама двух дочек. Училась в Бердском медицинском училище, потом в НГПУ (Институт филологии, массовой информации и психологии; кафедра: журналистики). Журналист рекламной-информационной газеты «Навигатор». Стихи пишет с юности.

Чёрные кудри парней побелели,
И одноклассницы ваши, увы,
Реже снимают платок с головы.
Ваши ни с чем не сравнимы потери,
Тех, кто сражался, трудился и верил,
Тех, кто родных и друзей потеряв,
Тяжкую долю несли на плечах.
Страшно представить, что было бы в жизни,
Если б сломались под гнётом фашизма,
Если бы Воин Отчизну не спас,
Не было б многих и многих из нас,
Мы ни любить, ни мечтать не смогли бы...
Дарим цветы, говорим вам «спасибо»,
И по солдату, крестьянке, врачу
Скорбно молчим, зажигая свечу...

Семён Гендель⁴³. Пистолет⁴⁴

Тускло горела лампа, освещающая нам с дядей Лёвой место раскопки. Копали в подвале старого львовского дома, земляной пол которого был покрыт толстым слоем угольной пыли, и где многие годы мы хранили картошку на зиму. Было известно: свёрток должен лежать на глубине двадцати сантиметров, в полутора метрах от северной стены и в метре от западной. Я не сомневался в правильности координат. Был уже перелопачен весь подвал вдоль и поперёк – результат нулевой.

Копали мы два дня и по крупицам вспоминали скудные рассказы отца о его семье.

В мае девяностого года уезжали в Израиль родители с семьёй брата, а мы с женой и тещей на месяц задержались, дав сыну закончить школу. Проводить их в далёкий путь приехал из Петрозаводска мамин брат – дядя Лёва. Уже на вокзале, незадолго до отправления поезда, отец отозвал меня в сторону и сказал:

– В пятьдесят третьем году я закопал у нас в подвале пистолет, который спасал меня несколько раз от верной гибели. Пока ты ещё здесь, выкопай его и отдай дяде Лёве. Наступают жёсткие времена, и там, в Карелии, пистолет может ему пригодиться.

Советская власть и Вторая мировая война ворвались в небольшой польский городок Стрый почти одновременно. За два довоенных года семья отца пережила много потрясений. Дед мой, Самуил Гендель, имел стоматологическую клинику и большую семью. Они с женой воспитывали четырёх дочерей и сына Германа – в будущем моего отца. Приносили доход и уголья хмеля, где трудились крестьяне, благодарные деду Самуилу за щедрую оплату их труда. А управляющий хозяйством, дядько Василь, был другом семьи.

Коммунисты, следуя «заветам Ильича», всё имущество национализировали, и дед, отличный зубной врач, в иные дни не мог прокормить семью. Тогда он вместе с сыном уходил на охоту, которая была для них любимым занятием, а с недавних пор – и средством к выживанию. Но никто не предполагал, какая трагедия ждёт семью в недалёком будущем... Война стремительно охватила западные области, за восемь дней добравшись до Львова и Стрия. Второго июля сорок

⁴³ Семен Гендель. Инженер-конструктор. В Израиле с 1990 г. Автор двух книг стихов. Публикации в периодических изданиях Израиля, Германии, России, Голландии, Канады.

⁴⁴ Рассказ впервые опубликован в альманахе «Хайфские встречи» №6, 2018 г.

первого года украинскими полициями, действовавшими под руководством нацистов, были убиты первые несколько сотен евреев. В ноябре того же года произошло массовое уничтожение невинных людей в лесу, близ Стрыя. А в декабре евреев, не попавших под первые расстрелы, начали сгонять в гетто. Так судьба открыла чёрную страницу жизни семьи Гендель. Незадолго до Нового года к ним в гетто явился дядько Василь – бывший управляющий, ставший полицаем:

– За всё хорошее, что вы делали для меня, хочу вас отблагодарить, доктор Гендель. Я достал пистолет для того, кого смогу вывести отсюда. Это надо сделать сейчас, завтра может быть поздно.

С тяжёлым, но логичным решением согласилось всё семейство: уйти должен Герман. Двадцатилетний юноша, охотник, рыбак, в экстремальных условиях сможет выжить с большей вероятностью, чем любая из четырёх его сестёр, не говоря уже о родителях.

Прощание было коротким. Обнявшись, отец, мать, сёстры и брат стояли в полной тишине. Затеплилась надежда, что и остальным помогут выбраться из этого ада. Слёз и причитаний не было.

– Держитесь! – только и произнёс Герман.

Сделав несколько шагов к выходу, он оглянулся. Родные всё так же стояли молча. То была последняя минута вместе. Больше в этой жизни они не встретились. Уже месяц шёл Герман ночами в сторону Белоруссии, на северо-восток. Там, в лесах, надеялся присоединиться к партизанам.

Одинокая изба, стоявшая на опушке берёзовой рощи, показалась Герману вполне безопасным местом, и он решил зайти, попросить немного еды и отдохнуть. На крыльце его встретил приветливый мужичок, пригласил в дом, усадил за стол, а сам послал сына-малолетку принести дров для баньки, при этом странно подмигнув. Не ускользнул от Германа этот скрытый жест. Сидя напротив окна, он мог видеть всех, кто приближался к дому. И опасения его через короткое время подтвердились – по дороге бежали два полицая и немец с пацаном.

– Ну, хозяин, спасибо за угощение...

И, не вынимая руки с пистолетом из кармана куртки, выстрелил мужику в лоб. Выскочив из дома, Герман стремглав добежал до леса и скрылся в чаще. А до партизан оставалось ему ещё два месяца пути.

На свою первую охоту с отцом я пошёл в двенадцать лет и уже досконально знал, как обращаться с ружьём, умел ориентироваться в лесу. Отец часто повторял нам с Берчиком) так ласково звали моего подрастающего брата):

– Чем ближе вы будете к природе, чем лучше научитесь стрелять, тем больше шансов у вас выжить в тяжёлых условиях. Однажды зимой я нарушил все правила безопасности ради детской забавы. Следуя за отцом с ружьём наперевес, я представил себе, что впереди меня идёт немецкий офицер, и его нужно взять в плен. В те годы на каждой охоте и просто в быту, мне хотелось проявлять себя героем.

– Хенде хох! – во всё горло крикнул я и нечаянно нажал на курок.

Отец успел упасть на землю раньше, чем прозвучал выстрел. До сих пор у меня бегут мурашки по коже и остатки волос дыбом, лишь от мысли об этом. Спокойно, без крика поднялся отец с земли и, отряхивая снег, сказал:

– Смотри! Дырка от пули на куртке осталась! Но не от твоего выстрела, а от другого.

И тогда впервые папа рассказал мне о случае в той злополучной избе во время побега... Конечно, я получил заслуженное наказание: на целый год был отстранён от охоты и каждый вечер должен был по тысяче раз дома вскидывать и плавно проводить ружьём, имитируя выстрел по мишени.

Ещё в начале своего длинного пути Герман стал складывать в карман небольшие веточки, по одной в день. Иногда пересчитывал их, примерно ориентируясь, сколько дней прошёл. Когда собралось семьдесят веток, появилась надежда на скорую встречу с партизанами.

После очередного утомительного ночного перехода по лесу, смастерив из снега и веток подобие землянки, Герман задремал. Сквозь сон услышав треск ломающихся веток, вскочил и не поверил своим глазам: на него надвигался медведь-шатун. Зимой вне берлоги этот зверь очень опасен. Хватило двух выстрелов из пистолета, чтобы завалить его...

В последние дни Герман шёл по лесу вдоль железной дороги. На одном из участков пути он увидел вооружённых людей, закладывавших взрывчатку. Услышав русскую речь, не раздумывая, направился к ним. И тут его ждало ещё одно испытание. Так как Герман не говорил по-русски, его связали и отвели в расположение партизан, где несколько дней допрашивали, а затем назначили испытательный срок, во время которого отец в составе диверсионной группы участвовал в захвате и уничтожении немецкого конвоя. В том бою он показал себя метким стрелком. Так, из тихого еврейского юноши Герман превратился в советского партизана.

Летом сорок второго года отряд, в котором воевал отец, влился в соединение Ковпака. В одном из боёв Герман не сразу обратил внимание

на то, что стреляют сзади. Оглянувшись, увидел одного из партизан, стрелявшего в него, а не по немцам. Видел это и политрук отряда.

После боя командир перед строем спросил предателя:

– Почему стрелял по своим?

– Потому что жидов не люблю!

Через несколько минут ему был вынесен приговор по законам военного времени: расстрелять! После расформирования партизанского движения приехал отец в родной город Стрый. Узнав от соседей о расстреле всей его семьи, о том, что не осталось даже места захоронения, ушёл Герман из своего города, сразу превратившегося в чужой и враждебный. Ушёл навсегда!

Отомстить! С такой мыслью он добровольцем вступил в Красную армию, воевал за Варшаву, Будапешт, дважды был ранен. А закончил войну в Берлине 9 Мая – в свой день рождения.

Прошло пятьдесят лет... В мае девяносто пятого года я в составе сборной Израиля поехал в Португалию на чемпионат Европы по стендовой стрельбе. На открытии соревнований мне доверили нести наш бело-голубой флаг. Этот день был для отца самым счастливым. А на календаре была дата – 9 мая! Двойная Победа! После моего приезда из Лиссабона вся семья собралась в доме родителей. Отмечали сразу несколько событий: день рождения отца, пятидесятилетие великой Победы и моё участие в европейских соревнованиях. Между тостами я вспомнил о пистолете:

– Папа, почему мы тогда не нашли его?

И тут вмешалась мама:

– А в каком подвале вы копали?

– Как в каком? В нашем!

– Так мы же в шестидесятом году поменялись подвалами с соседом.

Этого я помнить, конечно же, не мог.

Феликс Куперман⁴⁵

Герой

Очередь в райсельпо за хлебом

Мне помнится парад, какого не было
на самой Красной площади в Москве.
Там переулок упирался в сквер,
и очередь неровная за хлебом
текла изгибом в магазин сельпо.
Уж столько лет прошло, а до сих пор
я вижу там парней в бушлатах чёрных,
хэбэ застиранных, и ватниках потёртых,
и в стоптанных кирзОвых сапогах,
на все пути войны изведавших ногах.
От поля ржевского, днепровской переправы,
дошли до Вены, Будапешта и до Праги.
И повернули, одолев врага, домой,
чтоб стать теперь в парадный этот строй.
Не сосчитать в госпиталях и медсанбатах
по сколько им досталось ран на брата...
Их мало, кто остался невредим.

⁴⁵ Феликс Куперман родился в г. Немирове, Украина. Окончил Хабаровский пединститут, кафедра литературы и истории. Работал учителем, журналистом, моряком. С 2001 г. живет в Кацрине, Израиль. Лауреат международного конкурса «Золотое перо России».

И был среди этих здесь ещё один –
в пилотском шлеме и тележке на подшипниках.
Немецким мессером над Одером подшибленный,
теперь всех ниже стал, упавши с неба.
А вот живым остаться всё же смог.
Герой войны. Ну, без обеих, правда, ног.
И на руке синеет номерок –
Он сорок пятый в райсельпо, за хлебом...

Моей тётке Анне, чей муж не вернулся из разведки

Помню радио чёрный раструб
над дорогой у нашей калитки,
и слова исступлённой молитвы
к Левитану из маминых губ.
Был он богом для нас и судьбой –
этот голос, – надеждой и верой,
что с войны возвратятся с победой
все солдаты живыми домой.
Все вернуться отцы и мужья,
потому что всем сводкам о павших,
в девятнадцать без вести пропавших,
было просто поверить нельзя.
– Значит, почта опять подвела. –
всё твердила моя тётка Анна,
– Он в плену, или где-нибудь ранен...
Но вернётся! – И мужа ждала...
Двадцать лет всё ждала и ждала
молодого, каким проводила.
Лишь тревожилась, что серебрило,
время пряди её у чела.
И когда называли вдовой,
или сватались к тётке красивой,
заверяла с неведомой силой:
– Я дождусь, он вернётся живой!
В День Победы, опять из Москвы
слыша голос живой Левитана,
я хочу, чтоб умели и вы
ждать и верить, как тётушка Анна.

Лариса Мангупли⁴⁶. Голоса детства

Гул самолёта нарастал. Вовка пока ещё не видел «мессершмитт», но знал наверняка, что это он, и с каждой секундой чувствовал его приближение. Теперь самолёт кружил прямо над головой, но пули не достигали цели – то ли немецкий лётчик стрелял всего лишь потехи ради, намеренно не попадая в мальчишку, то ли был он неумелым стрелком... Однако пулемёт строчил безостановочно, и действие это походило на настоящую охоту.

Вовка продолжал свой, кажется, бесконечный бег-полёт по местам, некогда обследованным им вдоль и поперёк. Вместе с друзьями он исходил все тропинки единственной в Керчи горы, знал каждую расщелину, каждый бугорок, облазил все пещеры. Вообще, не одно поколение неуёмной керченской ребятни, замороженное преданием-легендой, искало здесь золотую статую коня. Говорили, что некогда, в каком-то веке, царь Митридат, именем которого и называлась гора, якобы спрятал это сокровище где-то в подземном тоннеле. Правда, вожденного коня так и не нашли. Но зато почти каждый керченский мальчишка мог похвастать знанием тайных ходов и выходов подземных лабиринтов.

Сейчас же страх, кажется, перекрыл все знания Вовки. Он бежал, не замечая вокруг ничего и ничего не слыша, кроме навязчивого гула. Наконец грозная машина сделала последний круг и скрылась за горой. А Вовка, задыхаясь и теряя последние силы, упал и кубарем скатился в расщелину.

Уходя на фронт уже в первые дни войны, отец строго-настрого наказывал девятилетнему Вовке быть за старшего в семье, беречь трёхлетнего братишку Сашу и во всём слушаться маму. А он не послушал её, вышел-таки на улицу и вот чуть под пулю не попал. И вспомнил мальчишка, как провожал отца. Вместе с пацанами он увязался тогда за мужчинами. И сколько ребятню ни отгоняли, никто не повернул обратно. Вот они стоят молча, прижавшись друг к другу. И нет для них большей печали, чем это расставание.

Вовка взглядом отыскал в толпе отца. Не выдержал, подбежал к нему, обнял и заплакал.

⁴⁶ Лариса Мангупли – свободный журналист. С 1995 года – член и спецкор Международного Союза писателей и журналистов (АРА) в Израиле. Автор восьми книг. Работала в газетах и на радио Крыма, Сахалина. Автор журнала СОНАР.

– Эй, пострелёнок, – чья-то тяжёлая рука легла на хрупкое Вовкино плечико, – а ну, давай-ка отойдём на минутку.

– Вы чё, дядя? – упорствовал Вовка, ещё сильнее прижимаясь к отцу и с опаской поглядывая на пожилого солдата.

– Да ты не дрейфь. Хочешь коня? Я вот привёл, а в военкомате не берут.

Мальчишка опешил. Ушам своим не поверил. Это что? Ему, Вовке – настоящего коня?!

От волнения он даже ничего не смог ответить. Только согласно кивнул.

– Вот и ладненько. Только дай мне слово – когда вернутся наши, отдашь коня им. Или мне, если вернусь живым.

Так Вовка стал хозяином не какого-то там мифического золотого коня, а самого настоящего, живого сокровища. Это был хороший обозный конь. Пристроили его мальчишки в сарае во дворе лучшего друга, Костика Ерёмина. Благо это неподалёку от Вовкиного дома на Первой Митридатской улице.

Их было несколько, этих старых узких улочек, опоясывающих склоны Митридата со стороны моря. Значились они под номерами, были тихими и спокойными, с небольшими выбеленными домиками, отделёнными друг от друга невысокими заборчиками. Такие домики, как правило, становятся сюжетами незатейливых детских рисунков. Маленькие, будто в теремках, оконца с открытыми ставенками, горшочек с цветком на подоконнике, струйка дыма из печной трубы и деревца за забором... Когда начались бомбёжки, Митридатские улицы словно вымерли. Люди почти не выходили из домов, запрещали детям играть даже во дворах. Тишина была грозной и пугающей. Иногда эту тишину нарушало цоканье копыт – ребята украдкой выводили своего любимца пощипать травки на обочине.

Но очень скоро Керчь заняли немцы. Они выгоняли людей из квартир. Семью Костика, правда, не тронули, и друзья потихоньку подкармливали своего коня.

Вовка любил разговаривать с конём. Он приходил к нему в сарай, гладил мускулистые бока, крепкие ноги и поверял ему свои мальчишеские тайны. Конь глядел на своего нового хозяина умными чёрными глазами, похожими на агаты, и казалось, что понимает не только слова, но и его изболевшую душу. А изболеться ей было от чего. Кому ещё можно доверить страшную тайну, что мучает и не даёт покоя? Тайна ведь военная, и ранимое Вовкино сердечко будто разрывается на части. Вот как раз своему лучшему другу, Костику, он и не смеет о ней рассказать. А коню – можно. Тайну не выдаст.

Так конь узнал, что когда школы уже были закрыты, а ребятам деть себя было некуда, Вовка с друзьями нередко слонялся по городу – просто так, от безделья. Однажды он увидел отца Кости, почему-то одетого в гражданское. Два полицаи вели его под руки по противоположной стороне улицы. А точнее, не вели, а почти волокли. «Быть такого не может, – подумал мальчишка. Он-то ведь наверняка знал, что папа Кости вместе с его отцом уходил в армию сразу же, как началась война. – Может, обознался?»

Интуиция подсказывала, что надо подойти поближе. Да, это был Костин отец. Вовка сразу догадался: Костиного папу отправили в город с важным военным заданием. Успел он выполнить его или нет?.. Как бы там ни было, а Костику говорить об этом не следует. Так решил Вовка.

С тех пор эта встреча не давала Вовке покоя. Но теперь, когда облегчил душу, поделившись с конём, ему захотелось маленькой радости. Он вывел коня за околицу, взобрался на него, воображая себя бывалым наездником. Зря он это сделал. Невесть откуда появившийся рядом взрослый детина, как пушинку, снял Вовку, ловко вскочил на коня и... был таков. Вовка ещё долго бежал вслед, задыхаясь в шлейфе пыли, кричал, плакал, падал, сбиваясь с ног. Всё напрасно – конь с наездником умчался от него навсегда, унеся в неизвестность его, Вовкину, военную тайну.

С каждым днём всё тревожнее становилось на душе Вовки. Он метался, не зная, что делать, как спастись от фашистов. Они уже заняли город и начали свою кровавую расправу над людьми. Самое тяжкое время пришлось на декабрь первого года войны. По городу были расклеены листки с указом явиться всем евреям в определённый день и час на Сенную площадь с трёхдневным запасом еды и ценными вещами. Якобы для эвакуации. Но, как стало потом известно, все они были расстреляны у Багеровского рва, недалеко от Керчи. И вот теперь, когда всюду висели такие же объявления с указом явиться всем крымчакам и смешанным семьям на Сенную площадь третьего января 1942 года, стало ясно, что ждёт Вовкину семью, которая как раз и подпадала под эту категорию. Смерть маячила совсем близко. Ночами Вовка не смыкал глаз. Чувствуя себя ответственным за семью, он мучительно искал выход. Его детское воображение постоянно рисовало одну странную картину: сидит он верхом на своём коне, и тот уносит его далеко-далеко, где нет войны, страха и смерти.

Но свершилось чудо. 26 декабря 1941 года началась Керченско-Феодосийская военная операция. За несколько дней десантники отбили город у фашистов. Вовкина семья и сотни керченских крымчаков были спасены от расстрела. Однако людей ещё ждали тяжкие

испытания. Вторично, после полугодичного затишья, в мае 1942 года немцы снова вошли в город. Крымчаки и евреи, оставшиеся в живых, оказались в ловушке. Эвакуироваться за пределы Крыма было не так просто. Единственный путь к спасению – это переправиться на кавказский берег. Но немец, что называется, шёл по пятам. Семья Вовки успела на последний катер, переправлявший мирное население. А очень скоро немецкая авиация уже бомбила и Кавказ. К этому времени беженцы успели уйти в глубь Кубани и как-то там устроиться. Но и здесь уже оставаться было опасно. Немец наступал.

...В Новороссийском порту – скопище людей, но эвакуация гражданского населения уже прекращена. Однако беженцев всё же берёт на борт крейсер «Красный Крым». В сопровождении нескольких торпедных катеров он отправляется к берегам Батуми. Вовка глазам своим не верит – он на военном корабле! И вместе с двоюродным братом, своим ровесником Илюшей, потихоньку обследует корабль, какой видел только на картинках.

В открытом море немецкие самолёты начинают бомбить корабли. В тот самый момент, когда раздаются первые взрывы, братья, изучавшие судно, оказываются в оружейном отсеке. Моряки отстреливаются, а мальчишки, стараясь быть незамеченными, внимательно наблюдают за каждым действием военных. Вот один матрос случайно выронил снаряд, и чтобы тот не взорвался, подставил под него руку, не на шутку поранившись.

«Как помочь?» – задаёт себе вопрос Вовка, боясь рассекретить себя и брата.

Но моряки мальчишек давно приметили.

– Ребята, давайте сюда! – скомандовал заряжающий. – Подавайте мне снаряды. Только смотрите, осторожно!..

Всё это время, пока шёл бой, ребята усердно подавали снаряды матросу. А тот только и успевал вставлять их в ствол орудия...

– Ну, что, победители?! – пожал им руки сам капитан. – Вы – настоящие бойцы! Спасибо. Идите на камбуз, кок вас накормит. Скажите, что я велел.

...Память часто возвращает Владимира в военное детство с его радостями, тревогами и потерями.. Она бережно хранит голоса ушедших людей. И словно из далёкого далека, как из лёгкой дымки, подчас выплывают печальные глаза его коня. А в них – застывшая боль мальчишки, оставшегося там, в давно прошедшем военном времени.

Владимир Клячкин, герой рассказа Ларисы Мангупли в конце жизни.
Член общества крымчаков. В рассказе ему около 9 лет

Семен Златин⁴⁷.

Как я купил буханку хлеба⁴⁸

Не уходит из памяти, как я купил буханку хлеба. Все ярче всплывают уже далеко ушедшие годы моего непростого детства. Но особенно будоражат мою душу и не оставляют до сих пор воспоминания о желании вдоволь наесться хлеба, о бесконечных за ним очередях. После войны хлеб по суточной норме 500 г на взрослого и 300 г на ребенка давали строго по карточкам. Их выдавали на месяц, и не дай бог их потерять!

Дополнительно хлеб без карточек еще можно было купить только в 2–3 коммерческих магазинах города. В один из дней на рассвете мы с мамой, пройдя пешком 2 км в центр города, заняли очередь в одном из таких магазинов, который находился по пути на базар на углу улицы Гоголя. Несмотря на раннее утро, наша очередь с обязательной чернильной отметкой на руке была уже где-то 200-я или еще дальше. Чтобы быть первыми, люди начинали занимать ее еще накануне вечером.

В ожидании открытия магазина неподалеку стояла группа военных, укрывшихся от дождя плащ-палатками. За хлебом их всегда запускали первыми вне очереди. Я, озябший и промокший, спрятался недалеко в сторонке под ветвистым деревом без всякой надежды, что моя очередь когда-нибудь подойдет. При открытии магазина один из офицеров подозвал меня, укрыл своей плащ-палаткой и с группой военных провел в магазин, где я и купил буханку хлеба. Так же, спрятавшись, я вышел вместе с ним из магазина. Отойдя поодаль, поблагодарив своего незнакомого покровителя, выпорхнул из-под его плаща и в страхе, что меня догонят и отберут буханку хлеба, так быстро рванул домой, что, наверно, быстрее я больше никогда не бегал. А когда мама пришла домой с еще одной буханкой хлеба, моей радости и счастьем не было предела.

После войны дешевым и доступным продуктом для многих была макуха (отходы после переработки семечек на подсолнечное масло), которую мама всегда давала мне в школу. Каждому ученику выдавали в школе по кусочку твердого сахара-рафинада. На большой перемене мы запивали его холодной водой из бачка и одной на всех металлической

⁴⁷ Семен Златин – в 1967 году с отличием закончил Крымский мединститут. Доктор медицины, изобретатель, имеет государственные награды. Автор книг и более 100 научных статей. С 1998 года живет в Израиле. Член Совета Дома учёных Хайфы.

⁴⁸ По книге «Семен Златин. Лабиринты жизни». Хайфа, 2021. 145 с. Издание первое.

кружки, прикрепленной к нему веревкой. И я не припоминаю, чтобы это стало причиной возникновения в школе какого-либо инфекционного заболевания. Тогда ни ученики, ни преподаватели не задумывались о соблюдении гигиены, и тем более об индивидуальных пластмассовых стаканчиках. Такие были наши послевоенные годы.

В восстановлении разрушенной Евпатории принимали участие и пленные немцы. Суровой зимой 1947 года в город прибыли вагоны с картофелем, которые пленные вместе с другими рабочими разгружали в 20-градусный мороз и складировали в подвале нашего дома. Руководство попросило маму варить картошку для водителей автомашин и грузчиков. И всю ночь в нашей маленькой комнате в ведрах на плите, куда я с периодическими подбрасывал уголь, аппетитно парил картофель в мундире.

Готовый и пышущий горячим паром картофель мама тут же раздавала приходившим замерзшим на сильном морозе рабочим. Но больше всех был доволен я. Впервые после войны наелся я горячей вареной картошки, приправляя ее только солью без масла. Это было незабываемо вкусно! Необычайный праздник моего послевоенного детства, который остался в памяти навсегда, как ещё один день моего счастья!

Недалеко от нашего дома на берегу лечебного озера Мойнаки находилась общекурортная грязелечебница. Сюда на автобусах со всех госпиталей и санаториев доставляли на лечение инвалидов и участников войны, многие из которых с травмами и ранениями с трудом передвигались с палками и на костылях. А в летнее время нескончаемым потоком тянулись к этому озеру страждущие избавиться от болезней, травм и недугов. И своей лечебной грязью, и рапой (концентрированной соленой водой) это озеро действительно исцеляло, возвращало и восстанавливало здоровье тысячам больных, которые приезжали сюда со всех уголков страны.

Моя мама Златина Бетя, светлая ей память, во время и после войны многие годы работала по уходу за ранеными в госпиталях и санаториях. Большую часть школьных каникул я проводил у нее на работе и видел счастливые лица уезжающих после лечения со слезами радости на глазах. Многие из них оставляли в санатории свои средства передвижения – палки, костыли, и уже без них возвращались к своим семьям, родным и близким. Может быть, эти памятные картины детства и повлияли на мое решение стать врачом, помогать больным и облегчать их боль и страдания.

Дмитрий Виноград⁴⁹.

Тётя Феня

Сегодня вечером, 24 апреля 2025 года, в Израиле отмечается Yom ha-Shoa – день памяти жертв Холокоста. К сожалению, нашей семье есть кого вспомнить персонально. Предлагаю вашему вниманию письмо русской женщины Евдокии Воробьевой, написанное в конце 1943 года моей теще – Евгении Моисеевне Жилицкой (Гене) о гибели сестры ее матери Фени в оккупации весной 1942 года. Геня с осени 1940 года училась в Горьком и, видимо, написала Воробьевой, пытаясь узнать, что случилось с ее родными. В письме упоминается местечко Колышки, где какое-то время находился муж Фени – Яков, впоследствии погибший на фронте. Колышки (БССР) находились в 30 км от Демидова и тоже были оккупированы. Воробьева ошибается в письме, считая, что все евреи Колышек спаслись – там было такое же истребление, как и в Демидове, чему свидетель Павел – брат Гени, чудом выбравшийся из горящего дома и бежавший от полицаев. Павел Моисеевич и передал нам это письмо. Вот оно:

Письмо Е.М. Райхлиной-Жилицкой (Гене) от Е. Т. Воробьевой

[Написано 17 дек. 1943 г.]

⁴⁹ Дмитрий Виноград – начинающий русскоязычный писатель с советским и израильским прошлым, живет в США. Его литературный сайт dimus.me. Дмитрий занимался кибернетикой и моделированием химико-технологических процессов.

Адрес на конверте: *Горький, ул. Свердлова, дом 49, кв.1 Явич И.А. (Гене).*

Обратный адрес: *гор. Демидов, Смоленской области. Редакция райгазеты «Колхозный клич» Воробьевой Евдокии Тимофеевне.*

штамп: «Проверено военной цензурой 01080»

штамп Горьковского почтамта 7.1.44

Добрый день дорогая Геня!

Прежде всего глубоко извините меня за весьма несвоевременный ответ. Дело в том, что 22 дня я проездила в Чувашскую АССР по командировкам райкома и райисполкома за партизанскими семьями, ранее туда эвакуированными. В дороге я сильно простудилась и 4 дня пролежала с болью во всём теле при температуре 39,8. Сегодня, т. е. 17/XII мне значительно легче, и я наконец имею возможность Вам ответить.

Милая Геня, ваша тётя Феня была со мной в самых близких отношениях, с самого первого появления Фени в Демидове, откуда она во время оккупации города Демидова немецкими захватчиками было выехала в район, т. е. деревню Демидовского района. Когда по предложению немецких властей возвратиться как евреям, а равно и русским, по местам кто где ранее проживал, Феня возвратилась и поселилась со мной по соседству. Не было того дня, чтобы я не побывала у неё, а она у меня. Поселилась она было в маленькой, холодной, закопчённой хатёнке из одной комнаты. В это время она была беременна. В этой хатёнке она вместе со своей семьёй: Вовой, Лизочкой, Аликом и Гелечкой прожила несколько месяцев. Здесь у неё и родился пятый ребёнок – мальчик Боря. И, как ни странно, но несмотря на ужасные условия и нужду Фени, мальчик быстро развивался был очень полненький и крепенький. Старший сын Вова ежедневно ходил на работу с утра и до поздней ночи, как и все евреи, выполняя разные чёрные работы. Пилка и колка дров, ремонт дорог, рытье могил для убиваемых ежедневно пачками пленных коммунистов и вообще мирного населения, и прочее, и прочее. Все они были плохо одеты и обуты. Часто у нее я встречалась с её братом Казакевичем и его детьми: Лёвой, Алеком и Яшенькой. Разговор у нас ежедневно был почти однообразен. Феня плакала, жалуясь на недостатки и кошмарные условия жизни, затем обменивались кто-то знает нового о военных действиях Красной Армии. Со слезами на глазах и сквозь слёзы улыбаясь Фене часто повторяла: «Доживем ли мы до своих. О, если бы дожили». Затем мне давались поручения кому из

евреев куда я должна сходить к русскому мирному населению и что сделать. Муж Фени, возвращаясь из краёв, куда он был послан после осуждения, до Демидова не добрался, так как боялся немцев, и остановился в местечке Колышки. Время от времени Феня посылала туда одну старенькую еврейку, и та сообщала Якову о Фене, а возвращаясь – Фене о Якове. Но, в последний раз она как пошла, так больше и не вернулась. Феня всё время рвалась в Колышки, но городская управа – Гнеушев не разрешал ей это сделать, и она снова оставалась в Демидове. Скоро у всех евреев отобрали всё имущество и поместили их в один большой дом на Советской улице без окон и без дверей. Здесь они испытали всё, и голод, и холод, насекомые ползали по всей их одежде. Феня очень нервничала, что очень тесно, а Лизочка ей на это возражала: «Мамочка, хоть бы на маленьком клочке земли, только бы мы остались в живых». Шести месяцев Боречка узнавал всех своих и улыбался, и крепенько опирался на ножки.

Самой первой из евреев погибла Гелина – девушка, которая несла прятать головку от швейной машинки. Затем Казакевич Алика, Потёмкина Бориса и Кузнецова – глухонемого сапожника сына послали работать в лагеря пленных и оттуда они уже больше не вернулись. Мать Алика Казакевич не могла этого перенести, и наутро пошла в розыски сына в лагеря, и там её, продержав 3 дня и наиздевавшись предварительно, расстреляли. В апреле месяце жандармерия отобрала мужчин, юношей и нескольких женщин, всего в количестве 31 человека, и в том числе Вову Марон и Лёву Казакевича и расстреляли в самом центре города. Феня в это время чуть не лишилась рассудка, а в конце апреля или начале мая 1942 года, точно не помню, им с вечера объявили, что их переведут в другое гетто. Утром подогнали лошадей, разрешили взять им оставшиеся вещи и повезли по направлению к Рудне, и километрах в 3-4 от Рудни расстреляли в ямах, вырытых танками и наполненных в это время водой. В этот раз были убиты Феня, Лизочка, Алик, Гелечка, Боречка, брат Фени Борис Казакевич и его младший сын Яшенька, и много других евреев, то есть все остальные.

Феня оставила мне три фотокарточки своей семьи, свой паспорт и профсоюзный билет и детские метрические выписки и просила их передать её мужу Якову, но я о нём только слышала, что он находится в рядах Красной Армии, так как все евреи, которые во время оккупации находились в Колышках, все остались в живых, семьи их эвакуировали в глубокий тыл, а мужчины призваны в Красную Армию. Марон Якова я ещё

не видела. Если Вы случайно узнаете его адрес, то прошу Вас сообщить его мне. Все вещи Фени Марон остались не то у брата, не то у сестры Фени, которые проживали в деревне Слобода Демидовского района. Они тоже случайно остались в живых во время окружения города Демидова в 1942 Красной Армией. У них же частично хранились вещи и Бориса Казакевич. Там оставалась и его корова. Где проживают в настоящее время родственники Фени из Слободы, для меня неизвестно. Много вещей Казакевич Бориса остались у Игнатовой Марии, которая гуляла с Лёвой Казакевичем, и которая уехала с немцами, бросив свой дом.

Вот, дорогая Геня, всё что я могла Вам написать о Фене и её семье. Может быть, несмотря на свое длинное письмо, я упустила написать что-либо более существенное, но извините в связи с болезнью как-то плохо соображает голова.

А пока всего, всего хорошего.

Крепко жму Вашу руку.

С тов. приветом Воробьёва

На фото (~1935 г.) Феня и ее семья, большая половина которой также погибла в оккупации

Ирина Л. Лир.⁵⁰ Военврач Борис Шмуклер

Борис Шмуклер, фронтовой хирург в 1942 и ветеран войны в 1975 году

Мой дед со стороны мамы, профессор Борис Александрович Шмуклер (1901–1975), родился в Воронежской губернии Российской империи. В 1921 году окончил медицинский факультет Воронежского университета и три года служил сельским врачом. В 1924 году стал ординатором урологического отделения больницы им. И. И. Мечникова в Ленинграде, а в 1934 году – ассистентом кафедры урологии Ленинградского института усовершенствования врачей. В 1936 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1939 – докторскую.

С начала Великой отечественной войны был мобилизован. Служил главным урологом Ленинградского фронта. Всю блокаду оставался в осажденном городе. Был награжден орденом Отечественной войны II степени и 5 медалями.

Блокада Ленинграда создала невероятно тяжелые условия для работы медицинской службы: хроническая нехватка, а временами и отсутствие медикаментов, топлива, света, воды, продуктов, персонала, мест в лечебных учреждениях, постоянная опасность эпидемии из-за неблагоприятной санитарной обстановки в городе. Эвакуация раненых в тыл была практически невозможна. Очень редко с огромным трудом удавалось переправить незначительное количество по ледовой трассе через Ладогу и самолетами.

⁵⁰ Ирина Л. Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор рассказов, мемуаров, романа и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Химик-технолог в области новых биосовместимых полимерных материалов. Доктор технических наук, автор 56 научных публикаций и патентов. В Израиле с 1991 года. Живет в Хайфе. Член редколлегии журнала СОНАР.

Дед рассказывал мне, что оперировали при свете керосиновых ламп. Лабораторные анализы, рентген и физиотерапия зимой 1941–1942 не проводились, а потом были сильно затруднены, а потому ограничены.

Госпитальные палаты, операционные и процедурные периодически отапливались самодельными железными печурками-временками, на постоянное отопление не было ресурсов. Стены нередко покрывались инеем. Коридоры не отапливались вообще. Раненые и больные лежали под двумя-тремя одеялами, а часто и в шинелях. При осмотрах пациентов не раздевали, а только обнажали место прикладывания стетоскопа или проведения процедуры. Горячей воды практически не было, холодную приходилось сильно экономить – ее на себе приносили из Невы сотрудники госпиталя. Канализация не работала. Все это сильно осложняло уход за ранеными. Медицинский персонал, находящийся и работающий в тех же условиях, терял трудоспособность. Для успешной работы в таких условиях требовался высочайший профессионализм и личное мужество. И ленинградские медики совершили коллективный подвиг. Показатель возвращения в строй раненых и больных составил 62%, что считается очень высоким, тем более при тех обстоятельствах.

Также удалось предотвратить эпидемию брюшного тифа и паратифов в войсках, проведя почти полную иммунизацию личного состава. В борьбе с цингой успешно применяли настой хвои. К концу 1942 года число фронтовиков, поступивших в госпиталь с авитаминозом, уменьшилось в 7 раз по сравнению с зимой 1941 года.

На операции в госпитале Ленинградского фронта в 1942 году.

На долю моего деда выпало еще одно испытание – ему пришлось оперировать родного младшего брата. Тот получил тяжелое сочетанное фронтовое ранение, и волей судьбы попал в госпиталь к своему старшему брату. Дед придумал, как его спасти, и успешно провел сложнейшую уникальную операцию. У хирургов не принято оперировать родных даже в стандартных случаях.

На съезде урологов в мае 1943 года

Этот фактический эксперимент в тех условиях, да еще на родном брате, стоил моему деду такого напряжения, что в дальнейшем у него развился диабет. Дядю Гришу, как его называли у нас в семье, я хорошо помню. После войны он с женой часто бывал у нас в гостях, а мы – у них.

Параллельно с лечебной работой врачи-блокадники умудрялись заниматься наукой – собирались на конференции, где анализировали и обобщали военный и уникальный блокадный опыт, выявляя наиболее эффективные методы лечения.

Свой оперативный опыт военврач А. Б. Шмуклер собрал и подробно изложил в изданном после войны Атласе огнестрельных ранений таза и мочеполовой системы (1951). По этому руководству уже десятки лет учатся военные хирурги разных стран.

После демобилизации дед вернулся на работу в Ленинградский Институт усовершенствования врачей, а в 1947 году был избран заведующим кафедрой урологии Одесского Института усовершенствования врачей, которой руководил 10 лет. В 1957–1968

годах заведовал урологической клиникой Одесского Института туберкулеза. После выхода на пенсию дед с бабушкой переехали к нам в Москву. Дед стал консультантом в Институте гастроэнтерологии и в больнице им. Н. Баумана.

Профессор Борис Александрович Шмуклер написал 93 научные работы, в том числе 5 монографий, и подготовил 7 кандидатов наук. Был членом ученых советов институтов, членом правления и почетным членом Ленинградского общества урологов.

Похоронен в Москве на Введенском кладбище.

Курорт Боровое

Эвакуация моей бабушки, как она мне рассказала.

Все даты, названия, имена и события подлинные.

Первая массированная бомбежка Одессы прилась на 22 июля 1941 года. А 24 июля мой дед по отцовской линии пришел домой и сказал бабушке, что добровольцем уходит в армию, а ей с их девятилетним сыном предлагает срочно эвакуироваться. Он дал бабушке документ от Одесского обкома партии, по которому ей с ребенком разрешалось в порту сесть на грузовое судно «Ворошилов». Дед сказал, что они уезжают на два-три месяца, потом вернутся, поэтому много вещей брать не нужно. И бабушка взяла только немного белья, одежды, документы и какую-то сухую еду. И еще сто рублей – это было все, чем она с мужем тогда располагала. Зимние вещи она оставила дома, ведь думала, что осенью они вернутся.

Когда они были уже на судне, в парке на холме выше порта стали заметны яркие вспышки солнечного зайчика. Вспышки следовали с такой закономерностью, что моряки тут же стали читать передачу азбукой Морзе. Кому-то давались указания, зашифрованные цифровым кодом. Моряки побежали к месту, где видели вспышки, но пока поднялись из порта в парк, там уже никого не было. В то время в Одессе было много диверсантов, и их ловили постоянно.

«Ворошилов» был грузовым теплоходом, в мирное время перевозившем в своих трюмах донецкий антрацит, чиатурскую марганцевую руду и промышленное оборудование. Вся команда – 54 человека, а погрузили на него свыше восьмисот эвакуированных. Везде, где только можно было, сидели и лежали люди.

Кроме «Ворошилова» в порту стояли еще два корабля, тоже принимавших на борт людей, в том числе огромный пассажирский красавец «Ленин». Повышенной комфортабельности. Сейчас мы такие корабли называем круизными. На «Ленин» погрузили две с половиной тысячи человек, в том числе семьи руководства города. Про третий корабль бабушка ничего особенного мне не рассказывала.

Когда все три корабля были перегружены до отказа, караван вышел в море и взял курс на Ялту. «Ворошилов» шел непосредственно за «Ленин».

На второй день пути началась катастрофа с питьевой водой. Той воды в баках, что хватало команде на длительное плавание, не хватило на три дня на восемьсот человек. Ввели нормированные порции на детей, а взрослым предложили подождать еще больше полутора суток до Ялты.

Ночью из трубы «Ворошилова» повалил черный дым и начали вылетать крупные искры, догоравшие в воздухе яркими вспышками. Видимо, была проблема со сжиганием топлива. Говорили, что испортилась судовая машина. В результате произошла демаскировка всего каравана, который в темноте соблюдал светомаскировку, прячась от немецкой авиации. Вскоре начался авианалет.

«Ленин» взорвался и очень быстро затонул. Бабушка рассказывала, что из двух с половиной тысяч его пассажиров спаслись всего около сотни. Их выловили из воды и подняли на палубу «Ворошилова». Среди пассажиров ходили слухи, что «Ленин» был торпедирован немецкой подводной лодкой. Бабушка считала, что гибель именно «Ленина» связана с тем, что на его борту находились семьи городских руководителей, и эту информацию передал тот сигнальщик Морзе в парке перед отплытием каравана.

Папа рассказывал, что на всю жизнь запомнил одного из спасенных с «Ленина». Тот, дрожащий всем телом, с трясущимися руками и сам насквозь промокший, лихорадочно сушил на ветру огромное количество мокрых денежных купюр. Он то раскладывал их ковром на палубе и многократно переворачивал с одной стороны на другую, то собирал несколько купюр веером и начинал им помахивать, то собирал купюры в мешок и тряс им, проветривая содержимое. Вокруг несчастного плотным кольцом столпились изумленные пассажиры «Ворошилова». Никто из них никогда в жизни не видел столько денег.

Санитарное состояние на корабле было ужасающим. Туалеты не были рассчитаны на такую нагрузку и, естественно, моментально вышли из строя. Поэтому матросы периодически просто смывали палубу

забортной водой. Сточные воды частично подсыхали на надводной части обшивки судна. В таком виде «Ворошилов» пришел в Ялту.

Люди на ялтинском пирсе были потрясены видом корабля и его изможденных напуганных пассажиров. Ялтинцы знали о войне пока только по газетам и сообщениям радио. Они плохо представляли себе, что пережили эвакуированные. На пристани продавались продукты. Голодная почти тысячная толпа с корабля бросилась к прилавкам, сметая все. Бабушка смогла купить только один стакан семечек. Это было все, что она с сыном съела в последующие сутки.

Из Ялты бабушка с ребенком много дней самостоятельно добиралась до города Сызрань Куйбышевской области, где был Центральный эвакупункт. Там она получила направление в село Шигоны в тридцати километрах от Сызрани.

В Шигонах было очень тяжело и голодно, хотя военкомат помогал семьям военнослужащих, чем мог. По направлению военкомата бабушку приняли на работу бухгалтером в местную контору. Это дало зарплату, но купить продукты в Шигонах было невозможно. Местные ничего не продавали эвакуированным. Не стесняясь, заявляли: «Ну что мы будем вам продукты продавать, вот придут немцы, а их нечем будет кормить...» Между эвакуированными и местными начались серьезные конфликты. Стало небезопасно.

Бабушка пошла на прием к райвоенкому. Он посоветовал ей эвакуироваться дальше на восток. По воспоминаниям моей бабушки, это был приличный человек и в той тяжелой обстановке старался помогать семьям военнослужащих. Он дал бабушке направление в сызранский эвакупункт, сам нашел лошадь с телегой и доброго возницу, который согласился отвезти ее с ребенком в Сызрань. Там бабушка получила направление в Северный Казахстан.

Поездка в Казахстан заняла больше двух недель. Ехали в теплушках, в которых раньше возили скот, а теперь оборудовали двухъярусные нары, застелили их соломой и поставили железную печурку. Топили ее всем, что удавалось раздобыть по ходу следования состава. Состав шел вне расписания, «по остаточному принципу». Первоочередными пропускали составы с военными грузами и солдатами на запад, а на восток – составы с оборудованием и персоналом эвакуированных предприятий. Бабушка рассказывала, что больше всего она боялась отстать от поезда. Его загоняли в тупик, и никогда не было известно, на сколько времени. Трогался дальше он вдруг, без предупреждения, просто, когда появлялась такая возможность. А выходить из поезда на стоянках приходилось для того, чтобы раздобыть

какую-нибудь еду и топливо. На эти охотничьи вылазки бабушка всегда брала ребенка с собой – боялась его оставить.

Выгрузили бабушку на станции Бурабай, которая по-русски называлась «Курорт Боровое» – в Акмолинской области в пяти километрах от маленького городка Щучинска. Щучинск стал городом только в 1939 году и насчитывал всего 23 тысячи жителей.

Станционный поселок «Курорт Боровое», по воспоминаниям бабушки, был глухим малолюдным местом. Курортом он назывался потому, что это был оазис в казахской степи – озера и лесистые скалы. Еще «при царе» здесь начали развивать кумысолечение и грязелечение. Считалось также, что чистый воздух местного соснового бора может помочь при туберкулезе.

Атмосфера в поселке была тяжелая. Местные жители ненавидели советскую власть и эвакуированных из европейской части страны. Это были бывшие «кулаки» (зажиточные крестьяне), которых в годы раскулачивания власть лишила их имущества, изгнала из родных мест и выслала сюда без средств к существованию – вымирать в чужом краю. Но благодаря своей смекалке, трудолюбию и выносливости они сумели выжить – вырыли землянки, создали продуктивное сельское хозяйство, постепенно построили хорошие дома. К моменту приезда эвакуированных, это были уже крепкие богатые хозяйства. Бабушка сняла комнату в одном из домов. Как потом выяснилось, муж хозяйки был расстрелян советской властью.

Райвоенкомат помогал эвакуированным семьям военнослужащих. Каждая семья, если она того хотела, могла получить в обработку десять соток целинной земли и посадочный материал: морковь и картошка. Проблема была в том, что городские жители не имели на это ни сил, ни навыков, ни техники.

Хозяйка дала бабушке двух быков. Объяснила, как ими управлять: «цоб» – вперед, «цобэ» – назад. Но быки мою бабушку не слушались. Они просто стояли и не двигались никуда. То ли им не нравился ее голос, то ли чувствовали, что могут позволить себе забастовку. Тогда хозяйка прислала своего сына с условием, что тот вспашет, а бабушка за это отдаст хозяйке половину урожая. Так и сделали.

С топливом на зиму тоже помог военкомат – военком разрешил напилить в лесу десять кубометров дров. И моя бабушка с девятилетним ребенком поехала на лесозаготовки.

В поселок прибывали новые эвакуированные, и постепенно собралась община профессионально образованных людей: учителя, инженеры, врач, ученый-химик, бухгалтер, портные, скорняк. Среди

прибывших нашелся деловой человек, который организовал артель – из местного сырья производить продукцию для фронта. Разместили в Щучинске – все-таки это город, хоть и малюсенький, но там больше возможностей развернуть производство. Мою бабушку взяли бухгалтером. И она ежедневно пешком в любую погоду, зимой и летом, почти три года – с января 1942 до августа 1944 – преодолевала эти пять километров от дома до работы и еще пять обратно.

Начали с валяния валенок и изготовления войлочных одеял, а потом быстро расширили ассортимент: шинели и другое солдатское обмундирование, прокладки и фильтры для машин, утеплители для двигателей в холодное время года, защитные чехлы для военного оборудования, мыло, носки и варежки, теплые шапки, сушеные овощи, витаминные конфеты из желатина и хвойного экстракта местных сосен, спасавшие от цинги. Технологию производства твердого мыла из местного животного жира и минеральных добавок разработал эвакуированный химик-ленинградец. Он же научил, как делать хвойный экстракт и как соединять его с желатином в конфеты.

К середине 1942 года артель была уже довольно крупным, по местным меркам, производством. Набрали и обучили работников. Многие стали настоящими специалистами в абсолютно новом для себя деле.

Поскольку продукция шла на нужды фронта, артель считалась военным предприятием и находилась под постоянным надзором властей: был строгий порядок, жесткая дисциплина и регулярные проверки. Работали с утра до вечера, выходные были только в дни самых главных государственных праздников.

За образцовый порядок в бухгалтерии моя бабушка получила необычную премию – райвоенкомат разрешил сшить ей и ее ребенку теплую одежду из материала артели, что шел на изготовление обмундирования.

Эта одежда, дрова и оставшаяся бабушке половина урожая картошки-морковки, позволили ей с ребенком выжить. Другой еды у них почти не было. Голодными они были всегда. Отоварить хлебные карточки было совсем не просто. Бывало, что вообще не привозили ничего, а когда что-то все-таки давали, то в лучшем случае это был хлеб пополам со жмыхом, а нередко и просто прессованный жмых (то, что оставалось от семечек подсолнуха после отжима масла). Бабушка резала кусок жмыха на маленькие кубики, которые нужно было долго держать за щекой, чтобы кубик размок, и тогда его можно было жевать.

За этим «хлебом» приходилось идти ночью в Щучинск, чтобы занять очередь. Бабушка рассказывала мне, что дорога была очень страшная:

ночь, лес, она одна, редкие фонари на столбах и волки. Да-да, голодные волки даже не прятались. Они подходили настолько близко, что бабушка их видела. Местные объяснили, что волки опасаются человека в полный рост и света фонарей. Поэтому нужно быстро перебежать от фонаря к фонарю и ни в коем случае не упасть. На лежачего волки набросятся.

Однажды папе сильно повезло. Как-то он проходил мимо пекарни. Возле нее стояла запряженная лошадь с холщовой торбой на голове. Из пекарни шел дурманящий запах свежееиспеченного хлеба. Лошадь ела из торбы хлебные корки. Папа стоял и, завидуя лошади, смотрел, как она ест. Из пекарни вышел возница из местных, сжалился над голодным мальчишкой, запустил руку в торбу и дал папе несколько обломков корок. Потом снял с лошади торбу, повесил себе через плечо и уехал, а папа стоял и, закрыв глаза от удовольствия, ел эти корки настоящего хлеба из лошадиной торбы.

В Боровом они прожили почти три года. Папа закончил третий, четвертый и пятый классы школы, которую создали приехавшие учителя. Ученики тоже были в основном из эвакуированных. Свою учительницу Марию Евстафьевну из Минска папа благодарно помнил всю жизнь и рассказывал мне о ней. Она не только учила детей школьным предметам, но и серьезно разговаривала с ними о жизни, о войне и старалась добавить родительского тепла и участия, на которое подчас не хватало сил у вечно работающих, усталых и озабоченных взрослых. Я специально привожу здесь ее имя-отчество и город «исхода» – может быть, кто-то из ее потомков прочтет эти строки и порадует, что дети помнили ее еще десятки лет после войны и рассказывали о ней своим детям.

Учебников и карандашей было очень мало, писчей бумаги, чернил и ручек почти не было. Взяли из артели несколько металлических перьев. Прикрутили их к обструганным палочкам – вот и ручки. Попробовали писать соком свеклы – получалось плохо. В отличие от настоящих чернил, сок почти не задерживался на перо и быстро стекал на бумагу, оставляя кляксы. Если обмакнуть перо чуть-чуть, то тогда хватало всего на одну-две буквы. Значит опять нужно макать, отчаянно стараясь угадать с количеством. И тогда мой папа, девятилетний ребенок, будущий доктор технических наук и автор сотен изобретений, предложил обществу свое первое техническое решение. Он намотал вокруг иголки спираль из тонкой медной проволоки и прикрепил ее на вогнутой стороне пера. Получился резервуар, в котором застревала капелька сока. Теперь одного макания хватало на целую строчку, а то и на больше.

Писали на чем придется, кто что раздобыл. Удачей считалось, когда перепадало содержимое канцелярской мусорной корзины из артели,

Анжела Беленко.⁵¹ Одесса – война и после

Одесса, 1941 год (из официальных источников)

5 августа 1941 г. началась героическая 73-дневная оборона Одессы. Южный фронт Красной Армии оказался самым подготовленным к ведению боевых действий, и с началом Великой Отечественной войны успешно отражал все удары немецких и румынских войск.

13 августа уехал последний поезд. Оборона длилась 73 дня. Эта оборона (как и оборона Киева и позже Севастополя) существенно сорвала гитлеровский план «Барбаросса». Постепенно «блицкриг» был заменен на позиционную войну.

В результате длительной обороны удалось эвакуировать не только военную технику и флот. В сентябре–октябре было полностью вывезено оборудование заводов, а также сельхозтехника из МТС (машино-тракторных станций).

10 февраля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о награждении орденами и медалями нескольких сотен участников обороны Одессы.

В истории Великой Отечественной войны эта страница занимает особое место. Летне-осенняя кампания 1941 г. была полностью проиграна Красной Армией. И только здесь, в Одессе, враг был остановлен надолго. Это был первый серьезный успех советских войск в начальный период войны. На два с половиной месяца была скована 300-тысячная немецко-румынская группировка, многократно превосходящая обороняющихся в людях и вооружении.

Войска оставили город только по приказу верховного командования, организовано, с вооружением, без потерь.

Меня могло бы не быть...

Мой папа, Натан Вольфович Ройтер, чудом спасся из осажденной немцами Одессы.

Спасти 15-летнему еврейскому мальчику – инвалиду ДЦП – и Лизочке, его сестре-двойняшке, тоже инвалиду детства, было бы нереально. Просто не пробиться сквозь толпу беженцев на корабль. Да и не брали гражданских те корабли, которые покидали город.

⁵¹ Анжела Беленко родилась в Одессе в 1955 году. Воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публиковалась в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов. Автор нескольких книг. Член редколлегии журнала СОНАР.

Но его отец, мой дедушка Вова (Вольф), был в то время начальником одного из цехов станкостроительного завода, и его завод вывозили спецрейсом. Директору и специалистам, сопровождающим завод, разрешили взять свои семьи. Дедушка собрал всех родных, даже своих трех сестер с детьми, и вывез морем. Грузили их с пирса на корабль, как ящики со станками – в огромной сетке. Грузили ночью, трапа не было, чтобы не провоцировать желающих попасть на судно.

Удачно прошли вдоль берега, вышли в открытое море. Шли под прикрытием, но обошлось без происшествий – ни вражеских подлодок, ни самолетов, повезло.

Сначала завод развернули в городе Чкалов (Оренбург). Потом перевезли подальше, в Узбекистан. Там семья прожила до 1944 года.

Мои родные не любили вспоминать это время, бабушка рассказывала только, что Лизу, папину сестру, в Узбекистане местные предлагали купить за мешок изюма, красивая девушка была.

Одессу освободили 10 апреля 1944 года, осенью семья вернулась в Одессу, в свою коммунальную квартиру на ул. Малой Арнаутской, 51. Поселились все вместе, перегородив большую комнату занавесками, а потом перегородками на маленькие клетушки. Позже сестры дедушки вернулись туда, где жили до войны, куда-то в винницкую область. Вышла замуж Лиза и родила дочку. Потом мой папа встретил мою маму. Все так и жили вместе – в комнатках, где в каждой помещалась только одна кровать. Туда же, в эту квартиру, в январе 1955 года из роддома принесли меня. Первое время я спала на двух стульях – места для кровати не было. Постепенно всех расселили – Одессу быстро восстанавливали.

Победа. Десять лет спустя

Война успела войти в мою жизнь, хотя я родилась через десять лет после Победы. Но я хорошо помню инвалидов на деревянных каталках, особенно молодого парня с медалями на груди и с культями вместо рук и ног. Его по утрам на старой детской коляске привозила пожилая женщина и сажала на углу нашего дома на какой-то ящик, сама стояла поодаль. Редкие прохожие бросали монетки в его кепку, большинство торопливо проходили мимо, отводя глаза. Мужчины иногда давали парню прикурить, угощали папиросами, о чём-то говорили с ним. Другой инвалид, но с руками работал – чистил обувь прохожим. Громко стучал деревянными щетками друг о друга, зазывая клиентов к своей подставке со стулом.

Потом вдруг все инвалиды исчезли из города.

Исчез и памятник Сталину в нашем детском саду, в одну ночь исчез, только постамент остался.

И начали очень шумно, с парадами, отмечать Дни Победы. На улицах 9 мая ходили военные, бряцали медали, звучали песни, у детей были флажки и шарики.

Потом медали стали продаваться на Староконном рынке, вместе с монетами и марками. А тех безруких-безногих я больше никогда не видела.

Дети войны

Мои родные о войне говорили очень мало. Болезненная тема, непреходящее впечатление. Ничего додумывать не буду – передаю так, как услышала.

Моя мама, Новикова Нина Александровна, рассказывала:

Война застала семью в Саратове. Отца призвали на фронт в первые же дни, он был политрабработником. В 1944-ом пропал без вести, поэтому пенсию за него семья не получала. Деда Сашу своего я видела только на снимках.

Мама моей мамы, бабушка Лиза, до войны не работала, вела домашнее хозяйство: жила семья не в самом городе, а в поселке при заводе – и огородик был, и кур держали, иногда поросенка выкармливали.

Как осталась моя бабушка с тремя дочками одна, пошла на завод работать и учиться на срочных курсах. Научилась читать чертежи, работала мастером. Завод был военный, его регулярно бомбили: на её глазах погиб мальчик-подсобник, который откатывал готовые болванки снарядов от станков в соседний цех. Работала по две смены, ночевала порой прямо в цехе, детей видела раз в неделю.

Одной рабочей карточки не хватало, и старшая сестра мамы, 15-летняя Люба, оставила школу, пошла мыть посуду в рабочей столовой, приносила домой какие-то объедки, остатки, что удавалось собрать со столов, разводила водой, кормила младших сестренок похлебкой. А летом-осенью ездила работать в совхоз, зарабатывала мешок муки и мешок крупы на зиму.

Нина оставалась дома одна с 4-летней Валею. В любую погоду она утром отводила малышку в детский сад (детишек там кое-как кормили), а сама шла в школу – на перемене давали чай с сахаром и хлеб.

Тяжко было, но выжили как-то, очень помогало молоко, которое давала козочка Дочка. Целый год козочка жила в сарайчике во дворе, Люба ее доила, а Нина с Валеюшей собирали траву на полянах и у дороги для коровы. А потом коза пропала. Кинулись искать – не нашли. Но на свалке поселковой увидели череп козий: кто-то украл и съел.

Мама вспоминала, что когда были налеты и Саратов бомбили, старшая сестра с младшей бежали в бомбоубежище, а она ложилась в кровать, укрывалась с головой – и засыпала.

Весной 1944-го мать и старшая сестра закончили поварские курсы, и, по распределению, семья переехала в Одессу. Город только освободили, из эвакуации возвращались все предприятия, рабочих нужно было кормить. Жизнь восстанавливалась.

Моя первая свекровь, Шапаренко Алла Сергеевна, рассказывала:

Ее семья – мама, папа и двое детей, Борис и Алла, не эвакуировались из Одессы, как и большинство жителей. Жили недалеко от порта, поэтому видели, как горели элеваторы с зерном и взрывались склады: покидая город, советские войска по приказу уничтожали запасы боеприпасов и продовольствия, все, что не могли вывезти морем.

Отец (дедушка моего мужа) до войны работал на судоремонтном заводе, был начальником смены. Когда немцы и румыны вошли в Одессу, завод, этот стратегический объект, был заминирован. Но вскоре оккупанты его разминировали, восстановили и согнали на работу заводчан. Румыны, новые хозяева, старались побыстрее восстановить город, наладить сносную жизнь для горожан, ведь они считали, что пришли сюда навсегда.

Так все годы оккупации дедушка Серёжа проработал на своем же родном заводе, только уже простым рабочим. Ничем не выделялись среди горожан ни он, ни его семья. И никто не знал, что в подвале под их квартирой прячется советский солдат, кто-то из тех, кого в спешке забыли в городе, или ему места на уходящих судах не нашлось, или ранен был – подробностей не знаю.

Прятали его не только от врагов, но и от своих соседей: в любой момент могли выдать. Когда были обыски, парень прятался в глубине подвала, в выгребной яме.

Румыны приходили с обыском и ленились тщательно искать, тем более, что к их приходу всегда на столе в кухне лежали хлеб и сахар, которые эти вояки забирали без особого приглашения, и дальше в квартиру они не заходили. Удивительно, но выжили все – и те, кто прятал, и тот, кто прятался. С приходом в город наших он ушел...

Этот парень, наверное, как-то смог доказать, что не дезертировал, не воевал против своих. Во всяком случае, он не канул бесследно, а наоборот, еще долго писал письма после войны своим спасителям откуда-то с Урала.

Моя вторая свекровь, Беленко Тамара Петровна, рассказывала:

Ее семья тоже жила в Одессе в период оккупации. Когда открылась музыкальная школа, она поступила на вокальное отделение, а сестра в класс фортепиано – так отец их захотел, сапожник Петр Беленко (отчество не знаю). Сам он пел очень хорошо и знал много песен. Тамара и ее сестра ходили на занятия, стараясь обходить большой проспект в центре города, где на деревьях вешали заложников или тех, кто подлежал уничтожению.

А еще моя свекровь говорила, что именно тогда она дала себе зарок – не выходить замуж за еврея (почему – объяснять, наверное, не нужно). И вот так сложилось, что именно с евреем она прожила больше 50-и лет, и сына Петю, моего мужа будущего, ему родила. Но не соглашалась выйти официально замуж, и у Пети в метрике стоял прочерк. Поэтому и я, и мои дети носят её фамилию: Беленко, а не Гладштейн.

Марина Симкина⁵². Серые тетушки

Главы из будущей книги

Предисловие

Наверное, в каждой большой семье наших бабушек-дедушек – а семьи были, как правило, большими – существовали родственники с покалеченными судьбами. Были они неяркими, стусеванными, у них в доме никогда не собиралась большая родня – наоборот, они по праздникам приезжали в дом, ставший волею судеб главным для всей родни. Приезжали за теплом, угощением, общением. За ласкавшим их слух идишем... Я, разумеется, пишу о еврейских семьях – других я в детстве не знала. А именно тогда, в детстве, сложилось у меня это впечатление о них: *серые тетушки*.

Това

Одинокая московская тетушка, Това, гостит в семье ленинградской сестры.

Девочку-подростка из семьи хозяев отправляют в магазин, экипируют авоськой, но тетушка – для удобства – дает ей свою полухозяйственную сумку.

По дороге девочка застревает в книжном магазине, листает книги, сумку – для удобства же – ставит на подоконник. Сумку крадут, девочка звонит в милицию.

– Деньги в сумке были? – Нет.

– А что было в сумке?

– Булка! И хлеб!

Смех на том конце провода.

– Но сумка – тетина!

Хохот в ответ...

В пропавшей сумке были ключи от тети-Товиной московской квартиры. Попасть домой по возвращении ей теперь окажется большой проблемой – дома-то никого нет, она же одна.

– Мама, а почему у тети Товы никого нет?

– Не знаю. Никто из семьи не знает. В конце войны Това разыскала нас в Узбекистане, в эвакуации. Где она была все годы войны, что с ней

⁵² Марина Симкина – Член редколлегии журнала СОНАР. Руководитель хайфской лит. студии «АНАХНУ», член СРПИ. В питерском прошлом – инженер и учитель математики.

было, кого она, может быть, потеряла, мы так и не узнали. На все расспросы она начинала рыдать. Мы перестали спрашивать. И ты не спрашивай.

И я не спрашивала. Только мысленно вставляла Тovu во все истории – прочитанные ли в газетах или услышанные от случайных собеседников...

Тарелка

Село в Винницкой области. Това – молодая невестка. Собственно, еще даже и не распisanная. Однокурсник – муж? друг? – в общем, любимый парень... Привез ее на каникулы к себе домой, познакомить с родителями. Война началась, ушел на фронт. А она – беременная уже – осталась со свекрами.

Когда за ними пришли, она как раз вытирала вымытую посуду. Так, в оторопи, с тарелкой в руках и дошла до рва. Не отпуская ее, и в ров упала.

Ночью, оглушенная, но живая, выбралась из-под тел, все так же сжимая в руке – уже только осколок тарелки... Видно, пуля, предназначавшаяся ей, разбила тарелку...

Скитания – и помощь, и предательства. Рождение и смерть малыша. Отец ребенка пропал без вести. Нашла своих родных – сестер, родителей. Вместе с ними вернулась в Москву.

Через годы – командировка в Винницу.

– Ехать – не ехать? Выдержу ли? Сердце не подведет ли?

Взяла с собой тот осколок, он ее так по жизни и сопровождал – как удостоверение, что от предназначавшейся ей смерти освобождена...

В выходной поехала в село... Увидела Василя – полиция, что их расстреливал. Постарел, но гладкий, веселый. Сельчане с ним уважительно здороваются.

В Виннице уже пошла в прокуратуру, рассказала о Василе, осколок показала.

Поехали вместе с ней, она место показала, где расстрел был, где выползла.

Раскопали это место... От той же тарелки осколки нашли. Василя арестовали.

Рыжая

Опять же – каникулы... Что не странно. Перед началом войны Това училась в техникуме, и последнее, что знали о ней в семье, что Това собиралась замуж и вместе с женихом уехала на каникулы... Куда? Это

еще нужно продумать. Но тоже сельская местность. Вышла замуж, ждут ребенка.

Война. Муж уходит на фронт – все, как по прописям... Ребенок, семья: свекровь и близнецы-подростки – брат и сестра мужа.

Свекр работает в городе, приезжает только на выходные.

Стучится сосед: прячьтесь, немцы идут. Свекровь прячет младших – подростков и младенца. Невестке дает мужнин велосипед – сгоняй, дочка, в город, посоветуйся с дедом, как быть, куда нам.

Това надевает мужнины штаны, седлает велосипед, едет в город. Не доезжает. Там пальба и взрывы. Поворачивает назад. Спешит к своим, смотрит только на дорогу, зубы сжала, длинные рыжие кудри развеваются на скорости.

Ее останавливает встречный односельчанин: – Ты куда?!

– В село..

– Та куда ж?! Ты хоть голову подыми...

Село полыхает.

Односельчанин, тихо: – Не езжай туда, дочка... Ваших там всех в сарай согнали. Это они горят... Езжай на хутор пока, к брату моему. Скажи – Егор послал.

Догоняет ее: – На-ка шапку мою надень. Да имя себе придумай. Негоже тебе сейчас на дорогах – ни девкой молодой, ни такой рыжей, приметной быть...

Минный завод

Гетто, лагерь. Молодых, сильных и знающих технику девушек перегоняют в Германию. Това попадает в эту партию. Вместе с несколькими подругами они работают на минном заводе.

Хозяин жалеет, поддерживают девушек. То хлеба им немножко принесет, то сахара несколько кусков.

Война подходит к концу. Немецкие города бомбят. Однажды хозяин не приходит на завод, а на следующий день приходит с черным бантом в петлице: бомба попала в их дом. Жена погибла. Он остался один с двумя малолетними сыновьями.

Освобождение. Девушки из немецкого плена попадают в советский лагерь.

(Здесь – писать и писать... Возможно, именно здесь основная потеря Тovy в жизни, причина ее слез?..)

Освобождение, теперь уже из советского лагеря...

Проходят годы. Това уезжает в Израиль. Работает на небольшом оружейном заводике на севере страны.

Немецкая делегация: два молодых немецких инженера, израильтяне их водят по цехам. Тову попросили переводить. В минном цеху один из немцев интересуется, откуда у Тобы такой хороший немецкий.

– Вот на таком же заводе работала. Хозяин попался хороший. Практически, он спас нас тогда. Жалко его – в конце войны один с двумя детьми остался.

– Где? В каком городе это было? – Това называет город. Немецкие инженеры бледнеют, им приносят стулья.

– Через несколько месяцев Това едет по приглашению города в те края, где она была в плену, и где ее и ее подруг, как мог, спасал немец, отец этих двух братьев-инженеров.

И так далее...

Все авторы журнала №17

Литературно-публицистический журнал (((СОНАР)))
№ 17, 2025 г. Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль